

**Книга бытия моего. Дневники и
автобиографические записки. Том VII
епископ Порфирий (Успенский)**

1854 год¹

Я в Петербурге

Октябрь. Вечером второго дня октября, в субботу прибыл в Петербург и остановился в гостинице, что супротив Павловского кадетского корпуса.

3, воскресенье. Пишу о своем первом свидании с митрополитом Никанором. Он принял меня сухо и, проговоривши: «Давно мы ожидаем вас», – спросил: «зачем вы ездили в Рим?». – Я ответил: «Туда увлекло меня желание поклониться мощам святых апостолов Петра и Павла и изучить древнейшие памятники христианского зодчества и иконописания». «Но вам не было позволено ездить туда», – возразил он деспотически и отпустил меня с наказом, чтобы я с просьбами моими обращался к его наместнику.

Наместник указал мне две грязные кельи в верхнем жилье подле лаврского собора у южной стороны его. В одной из них поместился я, а в другой служивший при мне в Иерусалиме студент семинарии Петр Соловьев. Нас разделяли холодные сени.

Моя поездка в Рим, как сдается, взбудоражила духовное начальство. За неудовольствием его скрывается что-то таинственное. Не явился ли в Питер дьявол ранее меня и не нашептал ли, что я в Риме сделался католиком? Время раскроет сию тайну.

4, понедельник. В час пополудни я по долгу службы явился в азиатский департамент министерства иностранных дел. Директор его Николай Иванович Любимов принял и проводил меня весьма ласково, расспросив о политическом проявлении умов в Италии и Австрии. Товарищ же канцлера Лев Григорьевич Сенявин через Любимова просил меня придти к нему в среду, во втором часу пополудни.

В министерстве мне два теплых ветра веют и два солнца греют.

6, Середа. А в духовном ведомстве обдал меня холод. Обер-прокурор Протасов, выслушав вызванный им самим рассказ мой об аудиенции моей у папы, и только этот рассказ, простился со мною, отвернувшись от меня по-солдатски направо

кругом. За то и душа моя стала к нему задом. Директор канцелярии его, Сербинович, принял меня и отпустил, ни о чем не спросивши и извинившись каким-то недосугом. А милый Сенявин обласкал меня, как нельзя лучше, и обещался поддерживать всеми силами.

Я – один и тот же, но в глазах одних я бел, а в глазах других я черен. Истинны слова Господа: не можете работать двум господам; один возлюбит, а другой возненавидит.

В двенадцатый день текущего месяца мой Иван отвезен в Мариинскую больницу, а 17-го дня в четыре с половиной часа пополудни скончался там от накопления воды у сердца. Дай ему Бог Царство Небесное. Он был домочадец верный, честный, трезвый, скромный, молчаливый. Я похоронил его на Волковском кладбище, уронив несколько слез на могилу его.

Иные занятия у меня были во время путешествия моего, и иные чередуются в моей монашеской келье. Первые описаны, вторые описываю, начиная с занятий ученых.

До моего приезда в Петербург митрополит Никанор поручил профессору здешней духовной академии Евграфу Ивановичу Ловягину перевести по-русски богослужебные каноны и акафисты и напечатать сей перевод с текстами греческим и славянским. Ловягин принял на себя этот труд и начал печатать его, начиная с канонов на Рождество Христово. Когда же я приехал в Петербург, преосвященному Никанору вздумалось дать мне оные каноны, уже отпечатанные, для просмотра. Я прочел их и, сличивши все три текста, заметил большую рознь их в словах и мыслях. Рознь эта явилась от того, что славянский текст канонов давным-давно переведен был с греческого текста древнейшего, а русский перевод сделан Ловягиным с новейшего венецианского издания богослужебных книг (1806–1839 гг.). Такая рознь нетерпима и опасна. Наши раскольники подметят ее и еще далее отойдут от нас. Все это я поставил на вид митрополиту. Он смутился и спросил меня: «Как же исправить промах?». – «Надобно отыскать тот греческий текст канонов, с которого они переведены по-славянски», – ответил я и присовокупил, что такой текст, по всей вероятности, находится в Московской синодальной библиотеке и что его-то и надобно

печатать и с него переводить каноны по-русски; тогда никакой разницы не будет. Митрополит, выслушав меня, замолчал; и я воротился в свою келью ни с чем, однако вскоре после сего перевел по-русски три канона: один на Сретение Господне (19 октября) и два на Рождество Христово (4 ноября); перевел с «Еортодромиона» святогорца Никодима, изданного им в Венеции в 1836 году².

Мой перевод канонов на Сретение Господне подан был митрополиту 21-го октября при письме со следующими замечаниями: 1. Славянский перевод канонов сделан с греческого подлинника древнего, который лучше нынешнего греческого текста. Посему не благоугодно ли будет отменить печатание сего текста, дабы разность между ним и славянским переводом не крушила читателей. 2. Не должно доверять безусловно нынешним церковным книгам греческим, ибо в них заметны переиначения многих речений, например: в древних рукописях афонских и святогробских читается: τὰ σὰ ἐκ τῶν σῶν σοι προσφέροντες³, а в нынешних греческих служебниках напечатано: προσφέρμεν⁴. 3. Не будет ли признано нужным сличить нынешний славянский текст канонов с таковым же текстом, напечатанным при наших патриархах, дабы на всякий случай знать тождество или разность между ними и нынешним греческим текстом. 4. В предисловии г. Ловягина к канонам брошена тень на церковнославянский перевод их, а, по мне, надлежало бы осудить не этот перевод, который весьма точен, а нас, не понимающих его. В четырнадцатый день ноября митрополит Никанор позвал меня к себе в десять часов пополудни и объявил мне, что он учреждает комитет в духовной академии для проверки перевода канонов, сделанного Ловягиным, и что я назначен членом сего комитета. Я ответил ему послушанием, но высказал, что не буду изменять принятого Церковью славянского текста канонов и придерживаться нынешнего греческого текста их и что комитет едва ли состоится, ежели он решится отстаивать сей последний текст. Это же самое заявил я и члену комитета, инспектору академии архимандриту Иоанну.

Началась поверка Ловягинского перевода с канонов на Рождество Христово. Архимандрит Иоанн и Ловягин, по замечаниям моим, кое-что исправляли, а больше не слушали меня. Их малое знание эллинского языка, удержание греческого текста канонов, не вполне согласного с текстом их славянским, например: ἀνεκτίσθητο вместо ἀνανεώσθητο, «восстановил» вместо «обновил», противоречие сему последнему тексту, например, назван агнцем, как предлагаемый в снедь, вместо: яко человек же агнец наречется, и гордое недовольство моим приставничеством к ним понудили меня отказаться от соучастия в пересмотре канонов. Я заявил им отказ свой и упросил их уведомить о сем митрополита; а 15-го дня декабря написал Сербиновичу следующие строки: «Секретно. При здешней духовной академии переводятся с греческого на русский язык и печатаются каноны на Господние и Богородичные праздники. Но текст греческий не сходен со славянским, принятым как нашей Церковью, так и старообрядцами, и не сходен не только в словах, но и в мыслях. Да и русский перевод сих канонов неверен оттого, что переводчики не знают эллинского языка. Почему надлежит остановить сие дело в предотвращение волнения и нового раскола в нашей Церкви».

В 28 день декабря Сербинович коротенькой записочкой просил меня побывать у него на другой день после девяти часов для некоторых нужных объяснений по делам службы. Я был у него и, увидевши печатный оттиск канонов, заявил ему то же, что было сказано мною митрополиту, заявлял о надобности отыскать тот греческий текст канонов, с которого они давно переведены были по-славянски. Сербинович соглашался со мною, но заметил мне, что напрасно я написал ему своей рукой уведомление об этом деле: надлежало бы подделаться, под чужой почерк (Нечестно!). Настоящее свидание мое с ним кончилось моим советом, чтобы обер-прокурор доложил Синоду, что печатается не тот перевод канонов, который одобрен был Синодом, а другой, и что это дело требует большой осмотрительности и глубокого знания языка эллинского.

Реченный комитет продолжал свою работу. Мое место в нем занял архимандрит Софония. В годы 1855 и 1856 напечатаны

были каноны в трех книгах на языках: греческом, славянском и русском. Второе такое же издание их вышло в 1861 году, а в 1875 году все они напечатаны в одной книге, в послесловии которой сказано вот что: греческий текст заимствован главным образом из венецианского издания богослужебных книг (1806–1839 гг.), большей частью употребляемого на Востоке. Но так как этот текст в некоторых местах не соответствует церковнославянскому переводу, то он поверен по многим другим богослужебным книгам, как печатным, так и рукописным, именно: 1. по рукописям Московской синодальной библиотеки X, XI и XII веков; 2. по афинскому изданию архимандрита Дионисия Пирра под заглавием: Πανθέκτη ἱερὰ ἐκκλησιαστικὴ. 1852, 3 тома; 3. по изданию праздничных канонов с толкованием святогорца Никодима и с указанием на афонские рукописи, под заглавием: Ἐορτοδρόμιον, ἧτοι Ἑρμηνεία εἰς τοὺς ἀσματος κανόνας τῶν δεσποτικῶν καὶ θεωρητορικῶν ἑορτῶν⁵ и проч.

И так я дал направление такой поверке текстов, о которых веду речь. В этом моя заслуга.

Было у меня другое ученое занятие по поручению митрополита Никанора. Он предложил мне перевести по-русски французскую книжку аббата Мишона под названием: Новое решение вопроса о Святых местах (в Палестине). Начало этой книжицы перевел сам я (13 ноября), середину иеромонах Феофан, а конец студент Петр Соловьев (28 ноября). Преосвященный митрополит благодарил меня за этот перевод и наипаче за указание неточностей и неправд Мишона⁶. Святые места Палестинские и Святой град Иерусалим у меня еще в свежей памяти. Вспомнил я блаженнейшего патриарха Иерусалимского Кирилла и наместника его петроаврийского митрополита Мелетия, и к тому и другому послал свои письма.

В 8-й день ноября написан мною отчет об ученых и художественных занятиях нашей духовной миссии в Иерусалиме в течение 1853 года и тогда же представлен в Синод через посредство азиатского департамента нашего министерства иностранных дел по указанию 12-го параграфа данной мне инструкции.

По случаю нашей войны с турками благоверная государыня и великая княгиня Елена Павловна основала на свой счет Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия и отправляла их в Севастополь для служения больным и раненым воинам нашим. Для этих сестер потребовался духовник и совершитель христианских треб. Потребный нашелся: это – живший в Иерусалиме русский иеромонах Вениамин. Он указан был ее высочеству. А она пожелала иметь удостоверение в его поведении. Это желание ее синод через обер-прокурора своего и г. Сербиновича сообщил мне 4 ноября. Я в этот же день дал самое одобрительное свидетельство о духовном настроении о. Вениамина с присовокуплением, что он исповедовал членов нашей духовной миссии в Иерусалиме. Вследствие отменного отзыва моего о нем, его отправили в Севастополь 6 ноября, где он и оставался до окончания войны, уважаемый всеми, и наипаче сестрами милосердия, за его ревностное служение и истинно духовное поведение.

В 23 день ноября великая княгиня отправляла в Севастополь еще несколько сестер милосердия. Об этом предварительно известила меня бывшая в Иерусалиме генеральша Елисавета Леонтьевна Ширман и просила сказать речь этим сестрам в ее квартире. Вечером я приехал туда и застал тут сестер и между посторонними лицами – фрейлину ее высочества Елисавету Павловну Эйлер и дочь нашего посла в Риме Бутенева, девицу, у которой одна прядь волос над челом была седая не к лицу ее, молодому и красивому. Все они выслушали речь мою с большим вниманием. Девица Бутенева даже заплакала, когда я сказал: почтите храбрых слезою. Слеза сердобольной сестры – жемчужина на саване героя. Речь мою генеральша Ширман показала духовнику своему, законоучителю в училище правоведения протоиерею Михаилу Богословскому и, когда он расхвалил ее, представила Елене Павловне. Ея высочество прочла ее и пожелала видеть меня. Но я представлен был ей уже в следующем году. Таков был нечаянный случай в моей жизни, который сблизил меня с великой княгиней так, что я был духовником ее⁷.

Существование нашей духовной миссии Иерусалимской продолжалось до конца текущего года и далее. Студент Петр Соловьев жил в одной со мною келье и делал свое дело. Иеромонах Феофан приютился в духовной академии и ожидал определения к какой-либо службе. Я действовал как начальник миссии.

В 23 день октября представлено было мною духовному начальству одобрительное свидетельство о поведении подчиненных мне лиц в годы 1852 и 1853: Бог дал им трезвение души и тела, терпение, послушание, трудолюбие и благочестие. В следующий день я препроводил в канцелярию синодального обер-прокурора Апостол и Православный катехизис на арабском языке, кои недавно напечатаны в Иерусалимо-патриаршей типографии, учрежденной при моем содействии, и просил эту канцелярию представить их в духовно-учебное управление при св. Синоде как первые образцы арабского книгопечатания при апостольской кафедре в Святом граде. В 15 день декабря Сербинович принял от меня прошение о выдаче нашей миссии Иерусалимской денежных окладов за майскую треть истекающего года; а 27 декабря я ходатайствовал о предоставлении студенту Соловьеву священнического места в Петербурге за его усердную, беспорочную и ученую службу семилетнюю (в 1855 году он получил такое место в предместье столицы, Охте).

Продолжались мои письменные сношения с министерством иностранных дел.

Из Вены 26-го августа послано было директору Любимову мое уведомление о том, что в канцелярии нашего посольства при австрийском дворе выданы были 650 голландских червонцев, назначенные мне и иеромонаху Феофану на проезд наш от Иерусалима до Петербурга.

24 октября представлены были сему же директору Апостол и Православный катехизис на арабском языке, напечатанные в Иерусалимо-патриаршей типографии, как первые образцы арабского книгопечатания при апостольской и патриаршей кафедре во св. граде.

25 октября я писал тому же директору⁸.

NB. Пиццамано не получил от нас никакой награды, потому что тогда Австрия была во вражде с нами.

18 декабря послано было управляющему министерством иностранных дел Льву Григорьевичу Сенявину мое письмо⁹.

Тогда же я письменно просил Сенявина представить иеромонаха Феофана к ордену св. Анны второй степени, а студента Соловьева к тому же ордену третьей степени. (Оба не удостоены).

Тогда же и митрополиту Никанору я вручил письмо мое, в котором просил его дать студенту Соловьеву священническое место в Петербурге, поставив на вид его дарование, благонравие и заслуги.

Еще одна запись, и «Книга бытия моего» в 1854 году окончена.

22 декабря. Ночью под этот день снилось мне, будто я в Вифлееме сижу в саду с тамошним владыкой Дионисием. Не помнится разговор наш, но помнится, что я, взглянув на гранатовые деревья и заметив гнилость висевших на них плодов в мешочках, прервал разговор и указал на них владыке. Он подошел к этим деревьям и с одного из них снял гранатовое яблоко, которое в руках его обратилось в варенье, но гнилое. Владыка ворочал, ворочал это яблоко, со всех сторон, оно было гнилое. Сим кончилось сновидение. Оно предвещало смерть преосвященного Дионисия. Вечная память сему достойному митрополиту!

Истекший год был замечательный год в моей жизни. В течение его я нажал множество снопов чистой и веской пшеницы и возложил их на алтарь науки. Помогал же мне во всем Бог, Податель разума и ведения. Хвала Ему!

Аминь.

Spero, dum spiro¹⁰.

Январь. В первый день пламенно молюсь:

Господи и Владыко живота моего! Дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего.

В праздничные дни я удостоверился, что в «Воскресном чтении», издаваемом Киевской Духовной Академией, действительно напечатана была¹², как говорил мне Джунковский в Вене, статья о безгрешном зачатии Пресвятой Девы Марии. Но после моего допроса цензору архимандриту Нектарию оказалось, что он пропустил ее не читавши. Что касается приведенного в ней учения Константинопольского патриарха Германа о создании Марии безгрешной, то учения такого он не излагал, а сказал только то, что Она украшена была всеми дарами благодати. Это я прочитал в книге его¹³, взятой из библиотеки здешней духовной академии.

Человек, яко трава: дни его, яко цвет сельный, тако отцветет. В час пополудни под шестнадцатый день текущего месяца волей Божией скоропостижно скончался обер-прокурор св. Синода граф Протасов от болезненного расширения сердца. Приглашенный к нему священник уже не успел исповедовать его и причастить Святых Таин и только прочел отходную молитву. Sic transit gloria mundi! Sic ex medio vivorum extirpantur potentes! Est Deus, Qui ad Suum terribile iudicium appellat homines usurpantes sanctae ecclesiae jura¹⁴.

Исправление должности обер-прокурора поручено старшему в Синоде чиновнику Александру Ивановичу Карасевскому. Это – человек большого роста с небольшим умом.

В 21 день. Я, по указанию 12-го параграфа, представил директору азиатского департамента министерства иностранных дел Николаю Ивановичу Любимову свой отчет об ученых и художественных занятиях нашей духовной миссии в Иерусалиме в течение прошлого года для препровождения его в св. Синод.

День 29. Этот директор письменно уведомлен мною о том, что состоявший при нашей Иерусалимской миссии иеромонах Феофан, по прошению его, причислен к Петербургской Духовной Академии.

В том же письме я просил Любимова учинить милостивое распоряжение касательно выдачи мне денег, какие причитаются оной миссии за сентябрьскую треть прошедшего года.

Тогда же Любимов получил от меня другое письмо, в котором испрашивалось состоящему при мне студенту Соловьеву вознаграждение за его ученые и художественные труды и отличное поведение в Иерусалиме выдачей ему годового жалованья (500 руб.) и предоставление ему приличного места.

P.S. Наставник Московской Духовной Академии Горский (не монах), состоящий в духовном звании и не имеющий никакого чина, награжден орденом св. Владимира 4-й степени. По примеру его можно бы наградить и студента Соловьева орденом св. Анны 3-й степени.

В тот же 29 день. Управляющему министерством иностранных дел Льву Григорьевичу Сенявину представлен был отчет о действиях моих в Иерусалиме при письме.

NB. Смотри сей отчет в переплетенной книге и деловые записки о Российской духовной миссии в Иерусалиме¹⁵. Третья часть его, о сношениях с католиками, протестантами, армянами, коптами, сиро-иаковитами и мусульманами, не была написана, потому что Сенявин торопил меня, дабы поскорее наградить меня пенсией.

Февраль. День 3. Сегодня был у меня архангельский епископ Антоний, земляк мой, и поведал, что в некоторых церквах его епархии нет риз, а потиры и дискосы – свинцовые и что церковь от церкви отстоит на 200 верст, да и приходским деревням до них далеко и потому крестьяне не ходят в них.

Слышно, что один дежурный чиновник св. Синода хотел было ночью выдать раскольникам отобранные у них книги; но часовой солдат, увидев его с ящиком, окликнул его. Окликнутый испугался, бросил ящик и убежал. А взял он с раскольников 2000

руб., или эти деньги были обещаны ему. Таким образом книги остались в Синоде.

Еще слышно, что обер-прокурор Синода Протасов, зная проделки синодских секретарей, замедлявших дела и уведомлявших о ходе их ради корысти своей, решился сменить их всех. Но смерть его остановила это справедливое и благое дело.

День 7. Директор азиатского департамента Н.И. Любимов записочкой просил меня побывать у него сегодня в департаменте, потому что ему нужно сказать мне два слова по поводу пущенной о мне и о бывших при мне лицах бумаги к исправляющему должность обер-прокурора св. Синода или прислать в департамент студента Соловьева, чем раньше, тем лучше.

НВ. Я был у него, но что и что он говорил, того не записал. Впрочем, веяние было теплое.

День 14. Подано г. Сербиновичу мое письмо с просьбой учинить распоряжение о выдаче нашей Иерусалимской миссии денежных окладов за сентябрьскую треть прошедшего года из сумм св. Синода.

Апрель. День 4. Сегодня эти оклады получены мною, иеромонахом Феофаном и студентом Соловьевым в азиатском департаменте. Наша миссия кончилась.

День 5. В последние дни месяца марта дважды снилось мне, будто я лечу далеко, останавливаюсь на месте незнакомом мне и тут вижу текущую реку, похожую на Золотой рог в Константинополе, и основывающееся здание. К этой реке привела меня елень багряного цвета, у которой на крестце горела свеча в фонаре, привела по узкой и стропотной ложбине.

НВ. Сон этот был вещий. Елень – это великая княгиня Елена Павловна, пригласившая меня жить в Ораниенбауме, в котором я никогда не бывал. Река – это узкий залив моря между этим городком и Кронштадтом. Основывающееся здание – это соседние батареи, строившиеся по случаю войны.

День 11. Ночью под этот день мне снилось, будто я стою перед государем Александром Николаевичем. Он мне сказал: «Поздравляю вас с получением пенсии». Я, держа его руку,

ответил ему: «Государь! Двадцать пять лет я служил блаженной памяти родителю вашему верой и правдой. А вы наградили меня за службу мою. Мне, как монаху, деньги не нужны. Я употреблю их на издание моих сочинений». После сего государь лег на пол. Яркий свет свыше озарял прекрасное лицо его. Лег и я рядом с ним и нежно щекотал правую руку его, обнаженную до самого плеча. – Этим кончилось сновидение. Оно было вещее. Пенсия в 1000 рублей пожалована мне государем 23 апреля.

День 12. Ночью под этот день снилось, будто Лев Григорьевич Сенявин спросил меня, почему студент Соловьев поступил на священническое место? Я ответил ему: он начал это дело без моего ведома.

Что же? В следующий день Андрей Николаевич Муравьев прислал ко мне своего человека с книгой и велел ему сказать, что Сенявин зовет к себе Соловьева, назначая ему место при министерстве иностранных дел. Соловьев был у него, поблагодарил его за радушие, но объявил ему, что он скоро будет священником на Малой Охте. Сенявин был очень рад этому.

Май. День 4. Ночью под этот день снилось, будто я нахожусь в новом доме, который я выстроил в Иерусалиме. В нем очень светло. У окна я и патриарх Кирилл; мы стоим и разговариваем. Я спросил его: «Целы ли мои книги и вещи?». Он ответил: «Целы все». Сон в руку. Я получил письмо из Иерусалима, в котором между прочим сказано, что все книги и вещи мои целы.

День 5. Николай Иванович Любимов письмецом любезно известил меня о пожаловании мне пожизненной пенсии в 1000 рублей за особые труды и заслуги.

Пламенно благодарю Бога, сподобившего меня такой царской милости. Низенько кланяюсь Льву Григорьевичу Сенявину и Николаю Ивановичу Любимову, оценившим труды и заслуги мои. Теперь есть почва под мною. Теперь я буду сыт мягким хлебом царским и не буду голодать, принимая черствый хлеб синодальный.

День 18. Указом из Петербургской духовной консистории от 18 мая сего года за №2595 объявлена мне и всему столичному

духовенству искренняя признательность государя императора за пожертвование 22250 руб. в пользу православного русского воинства. Я пожертвовал 200 руб. и особо еще 50 руб. на покупку теплых одеял для раненых воинов.

Июнь. Тихо проходили дни мои, один за другим, в ученых занятиях. Я готовил к изданию в свет описание трех путешествий моих: по Синаю и Египту, рассуждение о загадочных письменах на утесах Синайских и изложение вероучения, богослужения и церковных правил египетских христиан коптов.

Случилось: вспомнила обо мне благоверная государыня и великая княгиня Елена Павловна и своей фрейлине Эйлер приказала уведомить меня, что она желает видеть меня в своем дворце на Каменном острове. Назначен был мне день и час неожиданной аудиенции, который, к сожалению, не помечен в дневнике моем. Явился я туда. Ее высочество приняла меня весьма ласково, подошла ко мне близко и сразу спросила меня: «Не правда ли, что мы немножко схизматики?». Мгновенно я понял, что ей переданы были разговоры мои с послом Горчаковым в Вене или с Паскевичем в Варшаве, но не оробел и ответил ей: «Правда», высказал по желанию ее некоторые уклонения наши от полного Православия: «Мы, когда присягаем, клянемся Всемогущим Богом в противность Евангелию; совершали браки в близких степенях родства; у нас уже давно нет архиерейских соборов; митрополитам нашим не с кем и соборовать, потому что мало епископов; правила Церкви повелевают избирать иереев из всех сословий и для рукоположения их назначают возраст 30-летний, а у нас рукополагаются в священный сан одни поповичи, да и те в летах весьма молодых, что отталкивает от нас раскольников. При восточных патриархах должны состоять наши духовные посланники, так называемые апокрисиарии, т.е. отвечающие за целостность Православия, их не было и нет. Есть и другие уклонения, но я умалчиваю о них, дабы не утомлять ваше высочество». Последовало обоюдное молчание. Наконец, великая княгиня поблагодарила меня за речь, сказанную 23 ноября сестрам учрежденной ею Крестовоздвиженской общины, и простилась со

мною весьма милостиво. Впоследствии я слышал от фрейлины Эйлер, что правдивость моя понравилась ее высочеству.

День30. Великая княгиня Елена Павловна, соболезнуя о расстройстве моего здоровья, прислала мне мариенбадскую натуральную воду в кувшинах, дабы я пил ее и окреп, и пригласила меня провести все лето в Ораниенбауме. Многие ей лета.

Июль. Вскоре после 7 дня этого месяца я переехал в названный городок и уютно поместился в одном из дворцовых домов ее высочества, в котором временно жил командир гвардейского измайловского полка полковник Соболевский с женой и малолетним сыном. Здесь я опустошил все мариенбадские кувшины и стал здоров, ежедневно прогуливаясь в небольшом саду при своей квартире и больше в лесистом парке дворца. Здесь продолжались мои ученые занятия.

Однажды в четвертом часу пополудни вошел ко мне какой-то офицер и сказал: «Вас желает видеть великая княгиня Елена Павловна». – «Идите и скажите ей, что я в своей келье», – молвил я офицеру. Он побежал и опять прибежал ко мне и сказал: «Великая княгиня просит вас выйти к ней; она ожидает вас у ворот в коляске». Я вышел, приветствовал ее и на вопрос ее: «Помогла ли вам мариенбадская вода?» ответил: «Помогла; благодарю вас и молю Бога, да благословит вас всяким благословением, небесным и земным». Она кивнула мне грациозно и покатилась далее. С нею рядом сидела фрейлина ее Эйлер.

Однажды обедал у ее высочества полковник Соболевский. Она рассказала ему, как приезжала ко мне с визитом, и шутя прибавила: «Какой гордый архимандрит Порфирий! До сей поры не отплатил мне за визит мой». Соболевский передал мне эту любезную шутку; и я на другой же день ходил к ее высочеству и был принят ею весьма ласково, рассказывал же ей о богослужении в афонских монастырях и о житии тамошних монахов.

День 28. Англо-французы бомбардируют Свеаборг. Узнав это, великая княгиня позвала меня во дворец отслужить молебен Господу Богу, Подателю победы над врагами. Когда я

произносил ектеньи и читал последнюю молитву, она, стоя подле меня, плакала так, что слезы ручьем катились из очей ее. Плакал и я. По окончании молебна все фрейлины и царедворцы целовали крест: только фрейлина Сталь, безрассудная католичка и ветряная девчонка, не целовала его и тем раздосадовала всех присутствовавших. Настоящий случай доказал, что Елена Павловна горячо любит Россию. Ее молитву и слезы отнес к Богу светлый ангел-хранитель ее.

Август. День 2. В городе Саратове существует еврейская секта хасидов. Там они недавно умертвили одного христианского отрока, предварительно обрезав его. Началось следствие по этому делу. Оно поступило в министерство внутренних дел. Директор сего министерства г. Хрущов (красавец), желая убедиться в действительности ужасного преступления, прислал мне при своем письме печатный отрывок из книги хасидов и просил меня перевести его по-русски. По этому случаю я писал ему письмо¹⁶.

Сентябрь. День 8. Полагая, что духовно-учебное управление при св. Синоде, вследствие моего прошения, препроводило в правление петербургской духовной академии деньги (1000 руб.), причитающиеся мне в жалованье за текущий год, я просил это правление сделать распоряжение касательно ежемесячной выдачи мне этих денег, начиная с первого июня сего года. (Прощение мое исполнено).

День 11. Исправляющему должность обер-прокурора св. Синода А.Н. Карасевскому подано мною прошение¹⁷. (Отказано).

Ноябрь. День 2. Я получил любезное письмо из Иерусалима от тамошнего австрийского консула Пиццамано.

Тогда же я через посредство фрейлины Эйлер просил великую княгиню Елену Павловну замолвить за меня слово в Синоде. Но ей ответили вот что: «Saint Synode ayant des vues plus ambitieuses pour père Porfyre, ne veut pas le laisser partir et desire l'employer ici»¹⁸. (Однако любочестивые взгляды на меня Синода оказались жмурками).

День 3. Содержание этого письма¹⁹ и послания ко мне преосвященного Мелетия, наместника Иерусалимского патриарха, передано было Сенявину.

День 12. Сегодня кончено мое сочинение молитв для сестер Крестовоздвиженской общины. Вот перечень их:

Молитвы, читаемые ежедневно:

1. Молитва по вступлении сестры в общину.
2. Молитва об основательнице общины и о супруге ее.
3. Единодушное моление сестер друг о друге.
4. Молитва их о недужных.
5. Укрепление в подвиге служения недужным.

Молитвы во время служения недужным:

6. Молитва перед отшествием к недужным в дом.
7. Молитва при заготовлении и подаении врачевства недужным.
8. Моления сестры вкупе с недужным.
9. Моление ее о недужном, когда он тяжело страдает.
10. Молитва по выздоровлении недужного.
11. Иная молитва по выздоровлении от тяжкого недуга.
12. Покаяние недужного перед смертью.

Молитвы в дни брани:

13. Молитва о Божией помощи во время нашествия супостатов.
14. Молитва перед перевязкой раненых.
15. Молитва при перевязке раненых на поле битвы.
16. Молитва после перевязки раненых.
17. Молитва при заготовлении и подаении лекарства раненым.
18. Моления о раненых, лежащих в больнице.
19. Вероисповедание умирающего воина.
20. Покаяние умирающего воина²⁰.

Декабрь. День 8. Фрейлина в.кн. Елены Павловны Эдитта Федоровна Раден подарила мне проповеди Лакордера на французском языке.

День 14. Сегодня я слышал от единоверческого священника Афанасия Базарянинова (учившегося у меня в Одесской семинарии) вот какие вести:

В Москве у раскольников уже есть тайный епископ, посвященный в Буковине, и он уже не первый, когда государь Александр Николаевич был в Москве, тогда митрополит Филарет

уговорил его продолжать действия отца его касательно раскола. Из московских раскольников богатейший Рахманов приезжал в Петербург с миллионом рублей, дабы выхлопотать отмену всех распоряжений императора Николая Павловича о раскольниках. Но его схватили и посадили в крепость. При восшествии на престол государя Александра Николаевича раскольники распустили молву, что все у них будет по-прежнему, и потому не сделались единоверцами.

Январь, 1, воскресенье. Господи, Господи! Стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладает мною всякое беззаконие. Избави мя от клеветы человеческия, и сохраню заповеди Твоя. Просвети лице Твое на раба Твоего и научи мя оправданием Твоим.

День ясен. Холодно.

6, пятница. Я служил литургию вместе с митрополитом Никанором в большой церкви Зимнего дворца и ходил на Иордань на Неве реке. Митрополит не читал ни литургийных молитв, ни молитвы на освящение воды, дабы не задерживать царской фамилии продолжительностью священнодействий. Непростительное человекоугодие. Замечательное слабоумие! Когда Император спросил, почему митрополит не читал водоосвятительной молитвы, ему ответили, что он прочел ее, идучи к Иордану. Но его величество не был доволен этим ложным ответом и сказал, чтобы впредь не было никаких нарушений церковного устава.

После освящения воды все члены св. Синода, митрополитанский vikарий Христофор и я обедали в какой-то небольшой горнице дворца. Обед был сытный, но, к удивлению моему, за столом не было ни министра двора, и никакого сановника, даже мелкого. Угощали нас одни лакеи. У одного из них vikарий Христофор попросил икры к пирогу, но тот сказал ему: «Батюшка, здесь этого не водится». Это поразило меня так, что я ничего не ел и не пил. Если так поступают с высшим духовенством в чертогах царских, то нет ничего удивительного в том, что наши бояре потчуют своих священников рюмкой водки и куском пирога в своих кухнях. *Exempla trahunt*²². За столом никем не был занят один стул. Заметив это, царский духовник Бажанов обратился ко мне и спросил меня: «Чей этот стул?». Я промолчал, а на повторенный вопрос этот ответил: «Это – стул патриарха». Бажанов прикусил свой сорочий язычок.

10, вторник. Носится слух об унижительном для России заключении мира. Все высокопоставленные ропщут и

уступчивую торопливость императора объясняют нетерпеливым желанием его начать внутренние преобразования.

11, среда. Фрейлина Эйлер, по желанию моему, прислала мне печатный конкордат римского папы, заключенный им с австрийским императором. Я выписал из него четыре артикула.

Февраль, 15, среда. Ночью под этот день мне снилось, будто я лежу на острове среди моря под небом сумрачным и что-то обдумываю. Светло только надо мною. А в этот день я был у Анны Федоровны Тютчевой, любимой фрейлины императрицы Марии Александровны. Тесно и куда как нероскошно помещение ее в самом верхнем этаже Зимнего дворца. Она благочестива и умна, но выглядит болезненно. Я знакомил ее с христианским Востоком и не упустил без внимания намеки ее, чтобы с ним ознакомлена была и императрица. Сдается, что ее величество желает видеть меня у себя. Если это состоится, то я буду просить ее устроить нашу духовную миссию в Иерусалиме в больших размерах, с банком для поддержания православных христиан в Палестине и Сирии. Эти области – то же, что виденный мною во сне остров под облачным небом, а учреждение там банка – вот и дума моя в сновидении. Если бы осуществилось это учреждение, то я был бы и свет, и теплота в этих областях. (Не осуществилось оно).

20, понедельник. Сегодня генеральша Ширман поведала мне вот что: «Когда вы служили обедню в дворцовой церкви 6-го января, императрица обратила на вас свое внимание, а после обедни спросила графа Олсуфьева: «Какой архимандрит сегодня служил с митрополитом? У него такое замечательное лицо». Олсуфьев ответил ей: «Не знаю»; но вскоре расспросил обо мне царского духовника Бажанова и сказал императрице, кто я».

Олсуфьев коротко знаком с госпожой Ширман.

21, вторник. Был у меня чиновник министерства иностранных дел Лапин, находящийся теперь в отставке, и говорил: «Ваши два отчета о Палестинской церкви и о святых там местах с другими депешами посланника Титова курьер привез прямо к государю Николаю Павловичу в Царское Село. Он распечатал пакеты и, заглянувши в ваши отчеты, написал на

них: сделать извлечение и представить мне. Эта работа поручена была мне (Лапину), и я в три дня и ночи кончил ее».

29, среда. Ночью под этот день мне снилось, будто я у берега моря сел в небольшую лодку. Она сама собой, без паруса, без весел, без руля, тихо поплыла вверх, как бы на север. А свет так и обливает меня. Море тихо. Мне приятно. Хороший сон. Но что он означает? Море – тихое житие в лавре и мои ученые занятия, освещающие Восток христианский.

Март, 1, четверток. Ночью под этот день снилось мне, будто я невысоко от земли лечу к родительскому дому в одной рубашке. Ноги мои, голые и красные, не двигались. Навстречу мне шли и ехали какие-то придворные женщины. У самого дома я увидел турецких солдат в красных фесках. Один из них прикладом ружья своего погонял христианского мальчика, который кротко говорил ему: «За что меня бьешь ты, капитан?». Потом эти солдаты небольшими отрядами начали проходить между толпами людей, одетых в полотняные зипуны, устремив вперед штыки. Грома оружий не слышать, крови не видать. Мирны все были. Даже говора и шума не слышал я. Но в дом родительский не попал. Сдается, что будет мир и лад с турками и что мне еще раз придется лететь к ним из родной России.

19, понедельник. Ночью под этот день снилось: Будто я иду по ровному полю и налево от дороги вижу земляной вал, а на нем – две пушки зеленого цвета, без лафетов, лежащие в лощинках так, что видны только поверхности их. Та и другая пушки длиной в несколько сажен. На них лился яркий свет. Людей и животных около них не было. Место угрюмо. Воды нет. Дерев нет.

Сегодня получено из Парижа известие от графа Орлова о заключении мира. Мой сон имеет связь с этим событием. Думаю, что у нас отнята часть Бессарабии и граница установится по суше. Но что значит свет над пушками? Не знаю.

Сон в руку! В манифесте настоящего дня объявлена новая граница России по Траянову валу.

20, вторник. Ночью под этот день снилось: кто-то невидимый сказал мне: «Русские побили 30000 французов; эти враги ваши перешли на другую сторону к рвам». «Как? –

возразил я, – ведь мир заключен?». Невидимый отвечал: «Русским позволено иметь только 14 кораблей в море». А я ему опять возразил: «Какой же тут мир? Обида!». Сим видение кончилось.

NB. В манифесте 19 марта объявлено об уменьшении нашего черноморского флота. Нам позволено иметь только десять кораблей.

И во сне я – патриот!

Апрель, 6, пятница. Императорское археологическое общество признало меня своим членом и прислало мне великолепный диплом за подписью председателя, великого князя Константина Николаевича.

21, суббота. Великая княгиня Елена Павловна предложила мне переместиться в Ораниенбаум. Спаси ее Господи.

Меня ждут тамошние сосны, дабы и мне уделить часть того живительного благоухания, которое усвоил им на пользу нашу Тот, Кто создал кедры ливанские и кипарисы сионские.

Поспешу укрыться в тени этих божьих деревьев, когда наступит благоприятная погода.

22, воскресенье. Сегодня я обедал у митрополита Никанора. Он за обедом объявил членам Синода, что преосвященный оренбургский прислал ему письмо, в котором уведомил его, что в Оренбурге явился раскольничий архиерей и посвятил многих в сан диаконский и иерейский; а они обращают мужиков в раскол и снова венчают их по своему.

Приняты меры к поимке сего архиерея.

Май, день 5. Митрополит Никанор благословил меня жить у великой княгини в Ораниенбауме до октября месяца. Я переехал туда в июне и занял всю квартиру полковника Соболевского.

Случилось: ночью, когда я уже спал и домочадцы мои заснули, в незапертую из сада залу кто-то вошел. Я услышал шаги его и кликнул абиссинца Фрументия и прислуживавшего мне солдата. Они вошли ко мне с зажженными огарками свеч и побежали в залу, где и застали молодого мужика, который, как увидел черного абиссинца с белыми зубами и сверкающими черными глазами, оробел, одеревенел и стоял неподвижно на одном месте. Ему связали руки и отвели его в полицию. Здесь

он едва-едва очнулся от страха и, сознавшись, что был пьян и вошел в горницу ночевать, потому что она показалась ему сараем, говорил: «Как только я увидел какого-то черного, как смоль, смертельно испугался и вообразил, что я уже в аду и вижу там самого дьявола, черного, как сажа».

Его отпустили, а случай этот насмешил весь Ораниенбаум.

День 16. Резолюцией св. Синода 16 мая разрешено печатать мое сочинение под названием «Вероучение, богослужение, чиноположение и каноник коптов».

Июнь, 21, четверток. Сегодня я был у секретаря св. Синода Юзефовича по своему делу о печатании сочинений моих, одобренных Синодом. В самом начале моего переговора с ним об этом деле пришел к нему какой-то купец из Москвы и сказался старостой тамошней церкви, подаренной Александрийской патриархии. Юзефович объявил ему, что в эту патриархию послано 13000 рублей через посредство Андрея Николаевича Муравьева, яко ктитора Александрийской церкви. Таким образом, я случайно узнал то, что желал знать, потому что московская церковь подарена названной патриархии по моему и только по моему ходатайству.

Июль. День 31. Священник дворцовой церкви в Ораниенбауме о. Гавриил Любимов записочкой уведомил меня, что великая княгиня Елена Павловна позволила мне участвовать в богослужении и в крестном ходу на воду завтра.

Август. День 1. Сегодня я служил обедню в названной церкви и освящал воду у пруда, через который протекает Черная речка, имеющая темно-красноватую воду. Елена Павловна тогда была нездорова, а дочь ее Екатерина Михайловна присутствовала при водосвятии и по окончании его шла в крестном ходу до дворца своей матери. Ее сопровождали фрейлины и дамы. Замечаю, что когда я начал водосвятие, тогда супротив меня на небосклоне легкие облака образовали собой вид иконостаса. Еще замечаю, что о. Гавриил в водосвятную чашу влил воду из нечистого пруда, и я святил эту воду, сжав сердце, и ею кропил Екатерину Михайловну и всех спутниц и спутников ее и все покои, даже спальню Елены Павловны, где стояла простая железная кровать ее высочества. Она вышла ко

мне в чепце, белая и румяная, и стоя говорила, что до сей поры не могла принять меня по причине нездоровья своего, сказавши же это, показала мне свой затылок и на нем прижигание.

День 4, суббота. Фрейлина Эйлер дала мне знать, что ее высочество желает видеть меня в восемь часов пополудни. В назначенное время я был принят ею весьма ласково. Собачка какой-то особой породы, сидевшая на коленях ее, спрыгнула на пол и вспрыгнула на мои колени, и тут оставалась во все время нашей беседы, продолжавшейся ровно два часа, так долго потому, что великая княгиня заготовила, как оказалось, несколько вопросов и желала слышать мое решение их. Первая речь у нас была о схизме Русской церкви. Я повторил то, что говорил ей во дворце на Каменном острове, но дабы не отенить светлой души ее, совестно думавшей об этой схизме, сказал ей слово примирительное: «Не смущайтесь, благоверная государыня, недогматическим уклонением Русской церкви от Вселенского Православия. Не смущаются им восточные патриархи и прочие святители и состоят в братском общении с нами, зная третье правило Шестого Вселенского Собора, которым заповедано соблюдать в некоторых обстоятельствах человеколюбие и снисхождение. А по некоторым обстоятельствам у нас неизбежно было уклонение от канонического Православия. Например, еще в начале нынешнего века в священный сан рукополагались едва грамотные лакеи и мужики в помещичьих селах. Надлежало прекратить еще это зло. И вот с 1809 года явились у нас семинарии и попы из семинаристов, попы двадцатилетние, против правила Церкви, назначавшего 30-летний возраст для священника, попы не избранные прихожанами, как это быть должно по уставу, а присланные с семинарскими аттестатами. Эти попы улучшили и чтение, и пение, и все богослужение. Итак, у нас последовало уклонение от правил Церкви по требованию обстоятельств. А обстоятельствоуное уклонение извинено, как я сказал вам, третьим правилом Шестого Вселенского Собора. Следовательно, смущаться им не должно. Минуют принудительные обстоятельства. Распространится грамотность в нашем народе. Тогда и священники будут избираемы из среды народной по

уставу церковному, а их неумение проповедовать слово Божие заменится умением проповедников особых, которые неотменно должны быть у нас по слову апостола Павла: пресвитеру учащему подобает сугубая честь».

Этот примирительный глагол мой был приятен великой княгине. Сложив его в памяти своей, она спросила меня: «Когда и почему армяне отделились от вселенской церкви и с чего бы начать присоединение их к ней?». Последовал ответ мой: «Краеугольный камень веры христианской в Армении положен был в 38 году от Рождества Христова руками св. апостолов Фаддея и Варфоломея. С той поры до начала четвертого века Армения находилась под властью царей идолопоклонников; посему христианство там было гонимо. В 302 году тамошний священномученик Григорий, чтимый и нашей Церковью, крестил своего царя Тиридата; потом крестились и все армяне. С той поры как этот Григорий, рукоположенный в сан архиерейский греческим епископом Леонтием, так и преемник его постоянно состояли в братском общении с цареградскими архиепископами и присутствовали во вселенских соборах. Так, Аристанес, сын и преемник св. просветителя Армении Григория, присутствовал в 325 году в Первом Никейском Соборе, осудившем Ария, и Символ веры и постановления этого Собора принял и ввел в свою церковь. Во Втором Вселенском Соборе участвовал Нарсес Великий, первый патриарх армянский, и Символ веры с правилами этого Собора принял и сообщил своей пастве. В Третий Вселенский Собор, судивший Нестория, приглашен был армянский патриарх Иессан, и хотя не мог явиться туда, потому что задержал его у себя царь персидский, но определения и правила этого Собора были присланы ему; и он принял их и соборне предал Нестория анафеме. Около половины пятого века началась вражда между греками и армянами, возбужденная политическими обстоятельствами того времени. Она-то и была причиной наружного разъединения двух церквей. Поводом к разъединению их послужил Халкидонский Собор, бывший в 451 году. В этом Соборе не было армян, потому что они тогда воевали с персидским царем Сапором. Это отсутствие их, политическая вражда с греками и в добавок неверный перевод

и, следовательно, превратное толкование вероучения и определений Халкидонского Собора были причиной тому, что часть армян воспротивилась этому Собору, постановившему исповедовать в Христе два естества, божеское и человеческое, в одном лице. Доказательством же тому, что это противление было наружное, от недоразумений, служит то, что мнимо отделенные армяне, согласно с халкидонским вероисповеданием греков и латин, веровали и теперь веруют, что Иисус Христос есть совершенный Бог и совершенный человек, и потому говорят, что два естества соединились в Иисусе Христе без смешения, без превращения Божества в человечество и человечества в Божество и что свойства двух естеств, божеского и человеческого, остались неизменны. Были попытки воссоединения армян с Православной Церковью; в 1170 году греческий царь Мануил посылал к армянскому католику Нарсесу отличного богослова Феориана для переговоров об этом воссоединении. Феориан своими основательными и умными речами склонил сего католика принять халкидонское вероисповедание и внушить оное всей пастве его. Но, к сожалению, это благое начинание замерло. Наш св. Синод в 1841 году 24 сентября письменно просил тогдашнего католика Иоаннеса представить ему возможно подробнейшее изложение вероисповедания армяно-григорианской церкви. Но едва ли оно представлено было. И так есть возможность соединения, о котором веду речь. Ежели армяне делаются католиками и протестантами, то могут принять и Православие. Для воссоединения же их к нам, по крайнему разумению моему, с нашей стороны требуется, во-первых, усердие к этому святому делу, во-вторых, повторение запрещения нашего Синода (1841 г.) печатать в наших церковных и нецерковных книгах горькие для армян выражения, например, треклятые армяне такие же еретики, как и ариане, постыющиеся в честь пса, именуемого Арцивурий и т.д., в-третьих, подробнейшее изложение православного вероисповедания и представление его в соборе армянских епископов для подписи, с простейшим глаголом в нем о лице Иисуса Христа, что он есть Бог совершенный и человек совершенный, в-четвертых, допущение церковных

бракосочетаний армян с русскими девицами и крещение детей в нашей или армянской церкви по взаимному согласию родителей».

После сего великая княгиня пожелала знать о числе имений, принадлежащих Гробу Господню в Валахии и Молдавии. Я удовлетворил ее любопытство и высказал свое политическое воззрение на шаткость владения этими имениями в недалекой будущности вследствие упрямства греческих иерархов и монастырей, по которому они не хотят давать ни малейшего выдела из доходов со своих имений правительствам Молдовлахии, тогда как эти правительства стремятся к политической самостоятельности и не имеют государственных имуществ и потому жадно смотрят на имения церковные и задумывают отобрать их себе на общественные нужды.

Была речь о поклонении нашего народа лежащему во гробе царю. Это поклонение казалось ее высочеству странным. «Я, – говорила она, – перед смертью попрошу, чтобы на грудь мою была положена не малая икона. Пусть ей поклоняются, а не мне». Я разделял ее мнение.

Великая княгиня, объявивши мне, что она поедет в Москву на предстоящую коронацию государя императора, и подаривши печатный церемониал священного венчания его на царство на немецком языке, выразила свое неудовольствие на то, что императрица будет принимать от него корону, стоя перед ним на коленях, потом спросила меня: уместно ли и одобрительно ли коленопреклонение ее в такой час священный и торжественный? Послышался ответ мой: «У меня есть древняя славянская рукопись, в которой помещен устав венчания государя на царство. В этом уставе, переведенном с греческого, написано: «Если хочет венчаться жена царя, то патриарх подает царю диадему для нее, осенив ее крестным знамением; царь же возлагает на нее». О коленопреклонении ее ни слова. – Значит, оно установлено не в Греции, а у нас. Кем? Пока не знаю этого, но считаю сей обряд неосмысленным, неуместным и деспотическим. Судите: царица помазывается тем же святым миром, каким и царь, и сподобляется равной с ним благодати, причащается Святых Тайн, как и он, венчается короной в знак

раздела с ним царственных трудов и для упрочения ее права и власти управлять государством по смерти его в случае малолетства наследника престола. Все это уравнивает ее с царем. А коленопреклонение ее пред ним понижает ее равенство. Следовательно, оно и не осмысленно и не уместно в церкви, где предоставляется ей священное равенство, да и нехорошим примером служит для русских мужчин, которые обыкновенно считают жен своих рабынями».

«И я так думаю», – сказала благоверная государыня, и потом предложила мне ехать в Москву на коронацию. Выслушав это неожиданное предложение ее, я колебался, поставляя ей на вид, что Синод не пригласит меня туда, но когда она повторила его с настойчивостью, догадался, что там будет ходатайство ее в мою пользу, и сказал ей: «Поеду».

Так кончилась моя аудиенция. Возвращаясь в свой приют, я говорил сам себе: «Любознательная женщина! умная женщина!».

6, понедельник. В этот день я служил обедню в дворцовой церкви ее высочества и молился горячо.

19, воскресенье. А сегодня переместился из ораниенбаумского эдема в лаврскую темницу.

22, среда. Не поеду в Москву, хотя и отпустило меня духовное начальство (будто) в Кострому для свидания с матерью моей. Глаза болят, да и являться миру не хочется.

Нетерпеливо ожидаю речи московского митрополита Филарета новому помазаннику Божию, хотя наперед угадываю, что она не будет пророческая.

Сознавая особенность времени, в которое живу, и помня, что оканчивается первое тысячелетие Русского царства, я желал бы слышать апокалипсис, т.е. откровение воли Божией во второе тысячелетие его. Но где Иоанн Воанергес, сын громов?

А по расчету вероятностей человеческих, будущность России представляется мировой, величественной, славной, ежели в число предначертаний государственной мудрости войдут:

Последование за шествием Бога с запада на восток.

Труд, самоотвержение и самопожертвование ради всемирного блага.

Восстановление царств Сербского, Болгарского, Молдаво-Влахийского, Иллиро-Венгерского, Чешского и Польского, и устройство взаимного союза их с нами в началах братней правды и любви, в видах действительного уравнивания сил всех народов в Европе и водворения общего спокойствия.

Восприятие в католическую церковь армян, сириано-иаковитов, коптов, абиссинцев, исповедующих одни догматы с нами, с удержанием их обрядов, иерархий и народностей в видах благотворного уравнивания восточного христианства с западным.

Мудрая и бескорыстная опека над этими христианами и над племенами сиро-палестинскими, месопотамскими и малоазийскими, дабы сильнейшие из них, по неминуемом сокрушении магометанства, явились самодвижными планетами около солнца России.

Самое деятельное участие в судьбе союзного с нами греческого королевства и утверждение владычества его на окрестных островах и материках Македонии, Фессалии и Епире.

Установление средоточия а) законодательной власти духовной и б) примирительной расправы с правительствами, в зависящем от одного Бога – Константинополе.

Всемерное и многостороннее содействие к распространению Православия во всех частях света из царьградского храма св. Софии, этого величественного собора народов православных.

Всестороннее приобщение Российской церкви к восточному католичествому по коренному началу Православия: истина открывается во взаимной любви всех и этой любовью сохраняется, в видах устранения горестного отщепенства ее и надежного обращения так называемых раскольников наших, следовательно, подчинение ее законодательной власти духовной в Константинополе, точное исполнение правил Вселенских Соборов, учреждение многих митрополий и зависящих от них епископий с правом составлять поместные соборы для ограничения страстей, предупреждения зол и спасения душ, уничтожение касты духовенства, назначение проповедников при каждой митрополии и епископии и особых духовников в каждом приходе, отмена присяги и браков в

близких степенях родства, канонизация святых по указу Божию, а не императорскому.

Вычисление всех противодействий нам на поприще мировой деятельности и мудрое отстранение их при сильном тяготении свежих планет, кои будут обращаться около своего солнца России.

Измерение и взвешивание всех благ, какие произведет такая деятельность, не исключая и задумчивости католиков и протестантов при зорком взгляде на новое шествие Бога среди нашего рая, задумчивости, от которой один шаг к новому вселенскому собору, долженствующему уяснить, умирить и облегчить совесть народов и привести их к простоте веры и к истинному богочитанию, без всякой примеси суеверия, умничанья и фанатизма.

Уничтожение постыдного рабства, общечеловеческое образование и законодательство, нелицеприятный суд, думы мудрых и добродетельных мужей, предупреждение, а не преследование зла, увеличение удобств жизни, то ученье, что свет, а не тьма, и участие в археологических разысканиях по крайней мере в Святой Земле, еще не тронутой заступом англичан и французов.

Таковы воззрения мои на будущее дело русского народа, дело общепольное и славное!

Но если мы будем только проповедовать о воскресении мертвых, лежа в гробах, переменять пуговицы, подкрашивать старые заборы и лафеты, обворовывать самих себя, обкрадывать свой ум, кричать: «мы – мы!» – не давая молока ни братьям, ни соседям, идти не вперед, а позади народов, хромая и под хмельком пошатываясь, и проч. и проч., то ходящий среди народов Вседержитель их сотворит Страшный суд над нами.

Помилуй нас Боже по велицей милости твоей!

26, воскресенье. Накануне священного помазания царя здесь (в Петербурге) ночь была тихая. Звезды ярко горели на небе. Во время всеобщего бдения петы были песнословия, определенные уставом того дня, но они дивно согласовались с царственным празднеством нашим после кровавых дней Севастополя. Какие же песнословия? Дьявола (Наполеона)

прелесть упразднися, и мы ожихом. Господь воцарися, в лепоту облечеса. Да веселятся небесная, да радуются земная, яко сотвори державу мышцею Своею Господь. Из чрева адова избави нас, и подаде мирови велию милость. В минуты пения стихов: «Хвалите имя Господне» и проч. у кадящего архимандрита из кадила вырывалось пламя. Так как чашечка кадила означает Пресвятую Деву Марию, а огонь в ней знаменует рожденного Ею Еммануила, то я, увидев кадильный пламень, подумал о наследнике престола и помолился о нем Еммануилу. В Евангелии читались слова Господа: «Дадеса Ми всяка власть на небеси и на земли. Шедше, научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и св. Духа» и проч. Выслушав эти слова, я вздохнул и сказал сам себе: «Так, Господи! По Твоей владычней воле будет царствовать над нами возлюбленный монарх наш. Воспламени убо в сердце его ревность к научению подвластных ему языков вере истинной».

День с утра до ночи был ясный, теплый и тихий. В час литургии, чтения из Апостола о твердости в вере и о благовестнических трудах Павла («я, меньший из апостолов, более всех потрудился») и из Евангелия о богатом юноше, сохранившем все заповеди, но не захотевшем раздать свои имения нищим, согласовались с моими помыслами о будущем мировом значении русского народа, который, будучи юнее всех, должен больше всех потрудиться с самоотвержением и самопожертвованием ради всемирного блага. По окончании литургии весь народ в лаврской церкви безмолвно и благоговейно ожидал электрического известия из Москвы о совершившемся миропомазании царя. У каждого притаилось дыхание. Каждая душа была вся в Боге. Наконец послышалось торжественное пение: «Господи, силою Твоею возвеселится царь». В эту минуту сердце мое затрепетало радостью, и ток молитвы моей слился с общим потоком молений о новом помазаннике Божиим.

Сентябрь, 17, понедельник. Ночью под этот день мне снилось: где-то в большой зале стоит черный стол. Много людей тут. Какая-то девица подала мне нечто съестное. Я сел на камень. За мною очутился херсонский архиепископ Иннокентий и

сел ниже меня. Мне совестно, что он сидит ниже меня. Что-то он говорил мне, но не помню. Во время разговора прошли мимо меня два капуцина, один после другого, и кланялись мне весьма почтительно. Потом лакей митрополита Никанора в черном фраке поднес мне рыбу на подносе. Я взял ее, но не ел!

Этот сон я записал в три часа и 25 минут пополудни, и как только кончил запись, услышал: ударили в колокол, извещая о кончине митрополита Никанора, который из Москвы после коронации государя приехал в лавру свою и заболел тяжело. Сердце мое встрепелось. Но я не жалел о покойном. Его личность была посредственная, без блеска и пользы.

19, среда. Описание моего путешествия по Египту и в монастыри Антония Великого и Павла Фивейского одобрено духовной цензурой и св. Синодом, но еще не возвращено в цензурный комитет для выдачи мне. Посему я просил г. Сербиновича ускорить это дело мое.

Октябрь, 2, вторник. Снилось, будто я читаю бумагу, на которой написано, что мне как архимандриту иерусалимскому назначены в жалованье 16600 пиастров. Мне показалось мало. Но чиновник на той же бумаге, ниже, указал мне прибавку жалованья.

Что же? От меня как от начальника нашей духовной миссии в Иерусалиме св. Синод через петербургскую консисторию потребовал отчета в деньгах за 1854 год. Но отчета я не дал, поставив на вид секретное назначение миссии, которого не должна знать консистория. Требование не возобновлялось.

В настоящий день погода была ясная и светлая. Государь император с супругой и с тремя сынами своими торжественно въехал в столицу свою и был в Казанском соборе. Его сопровождал Константин Николаевич с супругой своей. В этот же день казанский архиепископ Григорий возведен в сан митрополита Новгородского и С.-Петербургского.

10, среда. Великая княгиня Елена Павловна сегодня уехала за границу и вчера прислала мне литографированный портрет свой памяти ради. Сходство большое!

Ноябрь, 1, четверток. Сегодня я был у Андрея Николаевича Муравьева. Он поведал мне, что новый обер-прокурор св.

Синода граф Александр Петрович Толстой предубежден против меня, не постившегося в Иерусалиме и известного ему еще по Одессе.

Не знаю, кто и кто внушил ему, что я вместе с подчиненными мне лицами, из которых три были миряне, ел скоромное в Иерусалиме, где нечего более есть и где все владыки и монахи, по древнему обычаю, вкушают пищу мясную, а в Одессе, где Толстой недолго был градоначальником, а я профессором в лицее, настроил против меня известный у нас Магницкий, вместе с которым он воевал против графа Воронцова, любившего меня крепко. Магницкий, кем-то описанный вот так:

Без денег – пурист,
За деньги – атеист,
На тайной вечери – Иуда,
Магнитский – чудо.

Этот-то Магницкий, неоднократно ссылаемый в Ригу, Одессу и наконец в Херсон, Магницкий, от которого одесские друзья мои предостерегали меня, как от чумы, и который, видя холодность мою к нему, не любил меня и даже в проповедях моих отыскивал укорины себе (о чем я не помышлял). Этот человек, дружа с графом Толстым и вместе с ним порицая управление Воронцова и написав на него донос государю Николаю Павловичу, наговорил ему, что я не православен, что я *esprit fort et sceptique*²³ и не подвижник. Это было давно. Однако дикое эхо наговоров его отзывается и теперь в душе Толстого. Злопамятен же он! Зла и жена его. Бывало в Одессе она, собираясь к обедне, оделит пощечинами всех своих горничных за неловкое одевание ее.

28, среда. Лев Григорьевич Сенявин, пригласив меня к себе, объявил мне, что граф Толстой предубежден против меня по разным наговорам, но ходатаем за меня перед ним употреблен г. Любимов (бывший директор азиатского департамента министерства иностранных дел) как воспитанный в доме отца графа Толстого. Любимову предложено было пересказать о мне сему графу то и то и то и то. Так говорил мне Сенявин, разумея особые труды и заслуги мои.

29, четверг. Сегодня я представлялся новому обер-прокурору Синода графу Толстому. Он вспомнил Одессу и говорил мне о тамошних красавицах Воронцовой, Нарышкиной, Щербининой, как они тогда цвели и жили припеваючи. Прилично было синодальному чиновнику говорить о них, и кому же? Монаху, которого, впрочем, уважали эти красавицы. Я внутренне подивился легкомыслию графа и разговору дал другой оборот, внушив ему сведения о действиях нашей духовной миссии в Иерусалиме. «Этой миссией, – говорил я, – приостановлены тяжбы греков, армян и католиков за обладание Святыми местами в Палестине, открыты училища, основана типография, снабжены семь церквей ризницами, склонено Святогробское духовенство вносить деньги в наши банки на случай отнятия Святогробских имений в Молдавии и Валахии». Тут граф остановил меня и сказал, что он позовет меня к себе вечером в другой день и поговорит со мной о восточных делах.

30, пятница. А.Н.Муравьев шептал мне, что граф Толстой на место мое в Иерусалиме избрал диакона Оптинской пустыни Ювеналия (из дворян) и держит его здесь в доме матери его, дабы при первых переговорах и возобновлении нашей миссии в Иерусалиме явить его миру, яко великого постника и молитвенника о душах наших. А шептал он это, ударяя себя по челу и приговаривая, что только крайне ограниченный ум может думать, что в Иерусалиме нужен нам монах, служащий одни обедни, панихиды и молебны. Вечером я ездил к Сенявину по условию с ним, но не застал его дома.

Декабрь, 4, вторник. Мне объявлено, что бывший посланник наш в Константинополе Владимир Павлович Титов весьма желает видеть меня у себя в доме.

5, среда. Был у меня студент нашей Иерусалимской миссии, ныне диакон, Николай Крылов и поведал, что граф Толстой призывал его к себе и расспрашивал о нашем житье во св. граде, что и что мы ели, что делали, о св. огне и проч. Инквизитор!

Он же приглашал к себе и другого, состоявшего при мне студента Петра Соловьева, ныне священника на Охте, и расспрашивал его о том же. Инквизитор!

Сегодня получено мною из Константинополя верное известие о бедствии, недавно, 15 октября, постигшем наших единоверцев на Антиливане в Сирии. Тамошние марониты и друзья составили заговор против православных христиан и разграбили их церкви и жилища. По этому случаю Антиохийский патриарх отправил в Константинополь своего поверенного просить у Порты суда и защиты. Но я думаю, что Порта отделаётся одними обещаниями, не помышляя об исполнении их и желая искоренить Православие в областях своих, дабы устранить нас от влияния на дела наших единоверцев на Востоке.

И я несчастлив. Меня, сиротинку, судит и осуждает Толстой ум, и за что же? За то, что вкушал скоромную пищу там, где нет ни рыбы, ни грибов, ни ягод и где святые апостолы учили, что пища не поставит нас перед Господом.

Ни слабость моего здоровья, ни созерцательная жизнь моя, от которой я сознаю в себе скорее бытие души, нежели тела, ни дарования и познания мои, ни труды и заслуги мои, ни ходатайство о мне нескольких сановников, изумленных фарисейством Толстого, ничто не уважается. Вкушение нескольких капель скоромной похлебки там, где более нечем питаться, признано величайшим преступлением. И кто судья мой? Кто порицает меня и тех иерархов, с которыми я разделял трапезу в св. граде? Мирской человек, который не понимает различия между заповедью и обычаем, который суд свой ставит выше рассуждения многих, но который, к несчастью, имеет власть распинать.

Боже! Прости ему, ибо он не знает, что творит.

Жизнь наша – море. Блажен же тот из нас, кто челн свой вверил Кормчему небесному. Этот Кормчий введет его в тихую пристань.

Ему Всемогущему и Милостивому вручаю себя. Аминь.

Мои сновидения

Март, 23, пятница. Ночью под этот день у меня были четыре сновидения.

1. Будто я нахожусь в чужом доме, в котором есть коридор. Тут одесский протоиерей Михаил Павловский взял мой саквояж с деньгами и положил его в своей комнате. Но я, воспользовавшись выходом его в другую комнату, взял этот дорожный мешок, а протоиерея запер в его помещении снаружи из коридора. Потом я вынес этот мешок с деньгами на двор и, идя к какой-то церкви как бы в ограде монастырской, спрятал его в снегу и сам воротился в дом. Сажу тут и вижу: растворяется дверь и входит толпа музыкантов, а за ними идут С.-Петербургский митрополит Никанор, его викарий Аристарх и еще какой-то архиерей с архимандритом. Они сели за стол, и им поданы были снеди. Митрополит с растрепанными волосами был одет в полосатую засаленную рясу. Я же не садился за стол. На мне сверх рубашки был багряный хитон, какой пишется на иконах мучеников. Архиереи эти ничего не говорили и исчезли. А я опять вышел на двор и направился к тому сугробу снега, в котором скрыл свои деньги, на дороге же нашел оброненный кем-то полуимпериал. Подхожу к сугробу, тут играют ученики духовного звания. Я подумал, что пропали мои деньги. Но они оказались целы. Я взял их.

2. Будто я еду в малой коляске. Сзади ее привязан чемодан мой. Она очень тесна и качается неприятно, но летит быстро. Я еду куда-то в дальний край. Вдруг очутился я верхом на овце. Она палевого цвета. Низка ростом. Бежит проворно. Я доволен ее бегом и целую ее в голову. Она привезла меня в арабскую деревню, как бы на Ливане. На краю этой деревни я вижу два отверстия в земле, и между ними соскакиваю с овцы своей. А она тотчас прыгнула в одно отверстие. Смотрю туда. Овца моя не ушиблась и ест говядину в подземелье большом. Мне захотелось вытащить ее оттуда; и я подошел сперва к слугителю моему Ивану, который, однако, спал, потом к одному мужику и сказал ему по-арабски: овца моя упала в яму; но он не хотел высвободить ее оттуда, отговариваясь, что нет лестницы.

Тогда я подбежал к отверстию и начал подзывать к себе овцу. Но ко мне вспрыгнула черная кошка, толстая, мягкая и весьма красивая. Я положил ее на свою шею. Она очень любит меня и мурлыкает. Потом я с нею пошел гулять. Вижу: недалеко от меня идут на гору две девицы, ливано-горки, красавицы, одна русая, а другая с черными волосами, но белая, как лилия. У обеих их на головах высокие, нарядные кокошники с узорчатыми покрывалами из шелка, кои спускались по спине их до пят. Одна девица одета была богаче. Она-то, проходя мимо меня, подняла руки к лицу, как католичка, лицо ее – прелестно, полно, кругло, бело, румяно. Рост у нее высокий, стан гибкий. Она ничего не говорила мне. А другую я видел сзади. Платье на ней было дымчатого цвета, отороченное по подолу черной каймой. Когда эти девицы скрылись от меня, я с кошкой своей вошел в избу. Тут сидел арабский мальчик, весьма белый и румяный, и говорил мне, что в деревне все мужики – православны, но один из них переменял веру за четвертак. Это мне горько. Смотрю в окно и вижу: множество мужиков, одеты по-сирски, глядят на меня ни сурово, ни мило. Ко мне в избу вошел священник, как бы русский, в камлавке, с медалью, и что-то говорил очутившемуся подле меня студенту Соловьеву.

3. Будто я у епископа Христофора. У него какой-то иностранный священник налепил на стены какие-то аллегорические картины. Одна представляла центавра. Он подошел ко мне и, показав нарисованный им шар земли с цепью внизу из сердец, что-то говорил мне об этом шаре. Но я забыл слова его.

4. Какой-то старик спросил меня по-французски: «Avez vous parcouru le pays des Druses?». Я ответил ему: «Oui, monsieur, j'ai vu les Druses du mont Liban. Mais il est très difficile de connaître leurs rites, parce qu'ils cachent leur religion»²⁴.

NB. Ложась спать, я просил Бога открыть мне: возвращусь ли я в Иерусалим. И вот мне поведано, что я поеду туда, и открыто печальное положение там Православия под образом девицы в дымчатом платье с черной каймой и жалкое состояние тамошней католической церкви под образом девицы, молящейся

по-католически. Сдается, что и второе назначение туда нашей духовной миссии будет овечье, бестолковое.

26, понедельник. Ночью под этот день снилось:

1. Будто я стою на поле. Кто-то взял в руки свои пушечку, похожую на втулку, и выстрелил из нее в стену. Небольшое ядро отскочило от нее, летело ко мне и ударило меня в шею, но вреда мне не причинило; потом опять полетело к стене и опять отскочило от нее и приразилось ко мне, но без вреда. Стрелявший говорил: это выстрел коптский.

NB. Сдается, что мое сочинение о коптах будет сдано мне св. Синодом для печатания.

Sic. Сдано 16 мая без всяких поправок.

2. Снилось, будто я стою в горнице, похожей на церковь. Тут в углу у печи сидит на стуле великая княгиня Елена Павловна в черной шляпке. Около нее сидят фрейлины. Вижу: поставили налой среди горницы, и тверской архиепископ Гавриил вышел говорить проповедь. После приветствия – «Благоверная государыня», – он начал говорить, но как только сказал, что пастыри не проповедуют, великая княгиня встала, подошла к нему и сказала: «Как не проповедуют? Каченовский проповедывал». Потом вынула из кошелька своего несколько червонцев и дала их архиепископу. Он принял их, перестал говорить и отошел к печке, дабы пересчитать деньги. А великая княгиня подошла к одному чиновнику, отдала ему золото. В эти минуты я уже лежал на кровати под одеялом. Она подошла ко мне и, сказавши: «Прощайте, батюшка», – поклонилась мне и ушла. Лицо ее было очень желто и сморщено.

NB. Архиепископ Гавриил, под священноначалием которого я служил в Одессе, в феврале 1857 года уволен на покой с пенсией в 1500 руб. в год.

3. Потом снилось, будто я стою среди той же горницы. Подле меня стоит фрейлина Елены Павловны, протестантка Раден, так близко, что я чувствую прикосновение руки ее к моей руке и весьма приятную теплоту, струящуюся из руки ее. Она сперва молилась Богу по-православному, потом подняла руки к небу, как поднимают наши священники, и перешла на правую сторону

к фрейлине Эйлер, которая что-то звонко пела приятным голосом.

NB. Сегодня я был у фрейлины Раден и говорил с нею о духовных предметах; она очень рада была моему посещению. А Эйлерша собиралась к императрице Марии Александровне, дабы представлять собой живую картину жены Навуходоносора по рисунку, который показала мне.

4. Снилось, будто я в Константинополе быстро иду у стены тамошней Галатской крепости, веду за собой толпу фрейлин и вязну в сухом песке. На дороге лежат кучи денег. Я поднимаю их, но не беру себе, а только рассыпаю по дороге. Все мы подошли к какому-то зданию с башнями. Вход в одну из них, похожую на выпуклый алтарь, был отворен, но внутри было весьма темно. Один чиновник подошел к человеку у алтаря и сказал ему: «Пришла великая княгиня». Началась суматоха. Пока делалось распоряжение, чтобы впустить нас в церковь, я подошел к фрейлине А.Ф.Тютчевой. Она мне сказала: «Наши священники не учат, как надобно нам исповедоваться». Великой княгини я не видал.

NB. В первый день августа я служил обедню в церкви ораниенбаумского дворца в.кн. Елены Павловны и оттуда ходил в крестном ходу на пруд, что недалеко от дворцовой башни, и освящал тут воду. При освящении ее присутствовала в.кн. Екатерина Михайловна, а Елены Павловны не было. Святой водой я кропил все горницы ее и даже спальню, в которой стояла простая железная кровать ее высочества.

Апрель, 2, понедельник. Под этот день снилось, будто я в Иерусалиме стою на высоком месте подле башни, как бы у Яффских ворот. Некто подошел ко мне и сказал: «Училища расстроились». «Чего же смотрит патриарх?» – возразил я и слышал ответ незнакомца: «Он думает выйти в светское звание». Я засмеялся.

9, понедельник. Ночью под этот день снилось, будто нахожусь у императрицы Марии Александровны. У нее великий князь Константин Николаевич, одетый в нагольный тулуп, занимается математическими вычислениями постройки кораблей. Государыня, сказав ему: «Мы не помешаем вам

разговором нашим», – обратилась ко мне и, протянув ко мне обе ручки, сказала: «Вы заняты сочинениями вашими, скоро ли они выйдут в свет?». Я отвечал: «Одно из них в Синоде». «Там оно пролежит долго», – сказала императрица. Она была весьма ласкова ко мне. А Константин не проговорил ни слова.

NB. Апреля 6 дня он избрал меня в члены Императорского археологического общества. Кстати же я видел его в тулупе, в этой наидревнейшей одежде русского народа.

17, вторник. Ночью под этот день снилось, будто я нахожусь в Иерусалиме и из сада Архангельского монастыря смотрю на новый дом, который я выстроил в 1853/4 году. Снаружи он цел, только в окнах нет оконниц, а внутри стоят леса в два яруса, у восточной же стороны его навалены щебень, мусор и известковая земля. Я не входил туда. Потом видел мимоходящего патриарха Кирилла в багряном цветном одеянии, зашел в греческий монастырь св. Гроба и тут мимоходом слышал, что монахи считают деньги.

NB. Этот сон предвещает, что я не буду жить в своем новом доме иерусалимском. И не жил!

Май, 3, четверток. Ночью под этот день видел два сна:

1. Какой-то военный говорил мне, что русские побили французов в сражении и что на обеих сторонах легло много солдат: грудями, холмами лежали убитые. Отличился наш генерал Бибииков.

2. Будто я хожу в каком-то чужом городе между деревянными строениями и удивляюсь, что их весьма много. А строения эти походят на константинопольские.

NB. Ужели я буду в Константинополе? Туда назначен посланник Аполлинарий Петрович Бутенев, и он желает, чтобы я служил в тамошней посольской церкви. Но я не хочу ехать туда. Возвратился бы в Иерусалим! Ни то, ни другое не осуществилось. Сон предвещал, что я и в нынешнее лето буду жить в деревянном городе Ораниенбауме, куда уже пригласила меня в.кн.Елена Павловна.

9, среда. Ночью под этот день снилось: Я вошел в какую-то длинную горницу. В ней было много незнакомых мне разночинцев, духовных и мирских. Две двери вели из нее в

боковую комнату налево. Они были затворены. Однако там слышен был говор людской за обедом у графа Протасова (покойного). Я подошел к одной двери и, отворив ее немножко, заглянул в эту комнату. Вижу: тут против дверей сидят люди, духовные, военные и гражданские, а далее налево вдоль горницы стоит длинный стол, покрытый для обеда, но за ним никто не сидит, хотя некоторые рюмки и стаканы были наполнены пенистым квасом. Потом я затворил дверь. Но скоро оттуда вышел граф Протасов с митрополитом Никанором. Первый провожал второго. Конец сновидению.

НВ. Думается, что оно предвещает смерть митрополита Никанора. Граф придет за ним с того света. Обед – похоронный!

Точно так. Никанор умер 17 сентября 1856 года.

Знать: Протасов обер-прокурорствует и на том свете.

19, суббота. Ночью под этот день снилось, будто я во дворце у императрицы Марии Александровны. Она, одетая очень просто, с голыми руками, сидела за особым столиком у стены, а меня усадила за большой стол на противоположной стороне. Мне подали чай. Я пил его с булкой. Потом императрица говорила, но что, не помню, и севши подле меня, раскрыла греческое Евангелие, начала читать его и просила меня объяснить ей то, что прочла. Я по-русски перевел, что было нужно, и объяснил.

НВ. Сон в руку! Императрица поручила мне написать рецензию греческого рукописного Евангелия 1272 года, подаренного ей Александрийским патриархом Иаковом через посредство министра Авраама Норова.

24, четверток. Ночью под этот день снилось:

1. Молодой арабский священник, приятной наружности, родственник служившего при мне переводчиком Фадлаллы, освящал воду в моей иерусалимской келье.

2. Наш посланник при Оттоманской Порте Бутенев, прощаясь со мной, говорил мне: «Поклонитесь от меня консулам Базили и Марибути, но не гласно. Они служили усердно».

НВ. Перед сном я повелел душе моей открыть мне будущность. Она открыта. Выстроенный мною дом в Иерусалиме освящен, но не для меня, а для молодого и красивого епископа

Кирилла. Консулы же Базили и Марибути отслужили там свою службу. Поклон им! Сие толкование записано мною в 1860 году на черновой записи моих сновидений.

Июнь, 10, воскресенье. В этот день после обеда я лег спать и видел следующий двусоставный сон: Я в церкви. Митрополит Никанор служит обедню. Во время малого выхода протодиакон пошел с Евангелием, а за ним я в монашеской, а не архимандритской мантии несу в руках Евангелие же в золотом кованном переплете. Оно так и блесит и то тяжело, то легко. Протодиакон подошел к митрополиту, сидевшему не среди церкви, а в алтаре, и возгласил: «Премудрость», и еще какой-то праздничный стих. В эту самую минуту я стал между протодиаконом и каким-то незнакомым мне священником. Свет так и обливает меня. Протодиакон взял у меня Евангелие и перед митрополитом наклонил меня до лица земли, потом поднял весьма быстро, держа меня под грудь так, что мне весьма легко было вставать, опять наклонил меня по-прежнему и опять поднял так же. В первый раз я целовал колено митрополита, а во второй его руку, и думал, что он хочет посвятить меня в сан игуменский. Но посвящения не было. Зрелище тотчас переменялось.

Я будто в доме митрополита. По правую сторону его сидит какая-то духовная особа. Я стою перед владыкой. Он говорит мне: «Кто не так здоров, тому полезно ехать в Грецию». Я подумал: «Почему же не в Иерусалим? Ужели туда пошлют афинского архимандрита Антонина, а меня на его место?». Но эта мысль была несносная, скоропереходящая. Потом митрополит спросил меня: «Архиереи, возвращающиеся в Грецию, имеют ли епархии?». Я ответил ему: «Не имеют, а живут на покое». Отвечая же так, имел в уме своем покойного митрополита Адрианопольского Герасима и Макария Силистрийского. После сего митрополит сказал мне: «Ежели подана на тебя просьба...» Я ответил: «Владыко святой! Я никому не сделал никакого зла и сам незлобив». По сем послушник внес к нам круглую корзину с крупными плодами, как то: с ананасами, айвами, яблоками и лимонами. Митрополит встал со своего места, подошел к корзине и начал завертывать

плоды в бумагу, но ни одного из них не дал мне. Затем он, духовная особа и я, мы перешли на другую сторону горницы и сели обедать. Нам подан был хлеб, похожий на ячменную кашу. Те не едят, один я ем; и этот диковинный хлеб мне нравится. Он вкусен и сладок. И что же? Вдруг он превратился в полотенце зеленого цвета, сложенное в несколько складок. Я развернул это полотенце и удивился, что можно печь такой хлеб, тонкий как полотно. Потом митрополит заговорил о свадьбе дочери обер-священника Кутневича и сказал, что свадьба ее вне дома была скромна, а внутри пышна; играла музыка. Конец сновидению.

NB. В первой половине его он вещает мне какое-то понижение меня, какую-то нерасположенность ко мне митрополита, а во второй – мое предвидение следующего случая:

В 1857 году 13 января бывший посланник Титов и знаменитая госпожа Татьяна Потемкина в доме министра Норова объявили мне, что архимандрита Антонина хотят послать в Иерусалим на место мое, а меня в Афины на его место. Однако же ни то, ни другое не сбылось. Что касается до обеда, к которому не дотронулся митрополит, то он означает, что его преосвященство скоро прикажет нам долго жить.

Июль, 14, суббота. Ночью под этот день снилось. Где-то в саду вижу наших императриц, старую и молодую. Обе они высоки, старая – румяна, но под глазами у нее желто и опухоль видна. Она спрыгнула с невысокого обруба на зеленый лужок, чему я удивился. Потом обе царицы пошли в даль, но в священнических ризах. За ними шло много фрейлин и дам.

NB. Во сне я предвидел совершенное мною освящение воды 1 августа в ораниенбаумском саду в.кн. Елены Павловны у пруда, через который течет Черная речка, имеющая желто-красноватую воду. Ее высочество была тогда нездорова, а молодая дочь ее Екатерина Михайловна присутствовала при водосвятии и по окончании его шла в крестном ходу до дворца своей матери. За нею шли фрейлины и дамы. Замечаю, что когда я начал водосвятие, тогда супротив меня на небосклоне легкие облака разрисовались в виде иконостаса. Придворный священник о. Гавриил Любимов влил в водосвятную чашу воду

из нечистого пруда; и я святил эту воду, сжав сердце, и ею окропил Екатерину Михайловну и всех спутниц и спутников ее, и все покои и даже спальню Елены Павловны.

21, суббота. Ночью под этот день снилось, будто я в одной рубашке лежу на полу у кровати великой княгини Елены Павловны. Она в спальном чепце всею верхней половиной тела склонилась ко мне и как бы висела на воздухе неподвижно, но ничего не говорила мне. Лицо ее было весьма бело и румяно. Потом оба мы вышли из горницы, она в спальном одежде серого цвета и в чепце, а я в каком-то хитоне. Была ночь. Неизвестно мне было то место, по которому мы шли в потемках, не разговаривая. Шли мы, шли вперед. Вдруг я увидел на дороге медную монету, величиной в пятак, поднял ее и, заметив на ней цифру 6, положил ее в свой карман, не показавши ее великой княгине и не сказавши ни слова. Потом и она увидела на дороге медную же монету и наклонилась, чтобы взять ее. Наклонился и я. И что же? Оказалось, что в этом месте в землю зарыто было несколько монет. Великая княгиня начала отрывать их и забирать в рядиное полотно с некоторой торопливостью и жадностью. Чем глубже она рылась, тем более вытаскивала денег; а яма углублялась и великая княгиня уходила в нее. Я стою подле ямы этой и вижу тут серебряный талер, и поднимаю его; но он в руках моих оказался посеребренным пряником круглым. Я бросаю его поодаль, и опять смотрю в яму и вижу в ней кожаные сапоги грубой работы: беру их в руки и надеваю на свои ноги. Но они тесны. Потом оба мы пошли далее впотьмах и вошли в какой-то дом. Тут великая княгиня села на диван подле какого-то невоенного человека, большого роста, с белой головой, и что-то говорила ему. А я стоял против них. Этот человек своими сероголубыми глазами смотрел на меня неприятно. Конец сновидению.

NB. Начало его предвещало мне аудиенцию у ее высочества. В первый день августа я святой водой окропил спальню и кровать ее. Она вышла ко мне, в чепце, белая и румяная, и стоя говорила мне, что до сей поры не могла принять меня по причине нездоровья своего. Сказавши же это, показала мне свой затылок и на нем прижигание.

А что означало наше хождение впотьмах и обретение монет? Я исповедовал великую княгиню, как духовник ее. А исповедь – потемки! Для нее написана была мною по-французски исповедь кающегося грешника. Эту тетрадку она брала с собой за границу и, как сама говорила мне, полгода размышляла о написанном в ней, углублялась в смысл моих слов, и сознала, что так надо каяться, как я написал. Мои слова, усвоенные ею, во сне казались мне монетами, кои она вынимала из ямы, т.е. из глубы души моей, с жадностью.

Что касается до невоенного белого человека, который (в сновидении) смотрел на меня неприятно, то он должен быть белокурый канцлер Горчаков, отдаляющий меня от Иерусалима.

22, воскресенье. Снилось, будто я где-то встретил казанского архиепископа Григория и благодарил его за скорый пересмотр моего сочинения о коптах.

NB. Действительно, он не долго держал у себя это сочинение и одобрил.

25, среда. Ночью под этот день снилось. 1. Где-то я сел на пароход. Было темно, как ночью. Пароход плывет по реке среди какой-то деревни. Она не течет. Вода в ней дымчатая! А в деревне все дома деревянные на кирпичных основаниях. Красные кирпичи складены инде горизонтально, инде вертикально, но везде выпукло и откосно ради напора воды. В деревне не видать ни одной души живой. Скоро пароход пристал к такому месту, где река кончилась. Тут я сошел на землю и, увидев торговца мелочью, как бы молдавана, подошел к нему и спросил его по-французски: «Parlez vous en grec?»²⁵. Он ответил мне по-гречески: «Ὁμιλῶ ῥωμαϊκά»²⁶. Я спросил его по-гречески: «Πῶς τὸ λέγουσιν αὐτὸ τὸ λίμνι», т.е. «Как называется это озеро?». В эту минуту оно показалось мне обширнее; но цветность его была тоже дымчатая, неприятная. Торговец назвал его, но оно забыто мною. Я спросил молдавана по-гречески: «Как же мы проедем далее?». Он ответил: «Вон, уже лошади готовы для вас; на них вы скоро доедете до такого места, где опять возьмет вас пароход». Я пошел к лошадям. Их много. Все они черные, и не запряжены. Но вдруг подали телегу. Все другие вскочили в нее поспешно, а я, последний, хотел вскочить с колеса, но

только на облучок попал чревом и повис на нем. Кто-то, стоя в ней и укладывая свои вещи, помешал мне перевалиться в нее. Телегу повезли шибко. Я боялся упасть как бы в безводный канал, а потому заблагорассудил соскочить с телеги; соскочил, пошел пешком и завернул в какой-то деревянный дом, похожий на торговую баню. Никого тут не было. Я испугался, подумавши, что это гроб, и выбежал оттуда. Конец сновидению.

NB. Сон предвозвестил мне путешествие на Восток, которое продолжалось с 1858 лета по ноябрь 1861 года. В 1860 году я возвратился в Одессу, но отсюда опять услали меня в Египет, где я и похоронил приятеля моего, коптского патриарха Кирилла. Вот вам и гроб во сне!

2. Снилось, будто я, в одной белой рубахе и в башмаках, весьма скоро иду где-то по снегу и вязну в нем. Но в одном месте, я остановился, присел на снег и осмотрел свою обувь. Она была чиста и черна. Потом я пошел далее и, прибежав к одному крутому холму, спрыгнул с него как бы на пароходное колесо и с него перепрыгнул на деревянную лестницу, с которой соединялась другая лестница, каменная, но узкая. Я начал всходить по этой второй лестнице, но мне помешали какие-то люди, сходявшие сверху. Я опять пошел вниз. Тут встретил меня турецкий чиновник и сказал: пойдем, я разменяю вам деньги. Мы подошли к меняле. Турок, меняя мои деньги, отгонял каких-то бездельников и дал мне пригоршни мелкой монеты турецкой, новой. Конец.

NB. И этот сон предвозвестил мне путешествие на Восток. А люди, помешавшие мне взойти на лестницу, означали преемника моего по Иерусалиму, мелитопольского епископа Кирилла и его драгомана Фадлаллу. Этого епископа я из Яффы письмом просил прислать мне в Египет Фадлаллу для переговоров моих с коптским патриархом Кириллом о воссоединении коптской церкви с нашей посредством названного переводчика. Но он не прислал его и так помешал мне начать дело, которое поручено мне было св. Синодом.

Август, 3, пятница. Снилось: я видел коронованного императора Александра Николаевича в кафтане с золотыми узкими позументами на полах и в порфире.

10, пятница. Ночью под этот день снилось, будто я в доме великой княгини Елены Павловны, никого не видал, по лестнице взошел наверх и, увидев ее высочество, своротил было налево, но она подошла ко мне и сказала, что архиерей взял у нее двух дискантов. «Зачем же вы отдали их ему? – проговорил я. – И меня в детстве хотел было взять к себе в хор преосвященный костромской, но мать укрыла меня от поисков регента. А вы ведь сильнее моей матери». Княгиня сказала мне: «Будем продолжать наш путь».

НВ. После коронации она уехала за границу, да и я продолжал свои путешествия.

12, воскресенье. Утром, часу в седьмом, я еще спал и во сне слышал голос, который громко сказал мне: «Ступай в Оренбург».

НВ. Я пробудился и надумал: Оренбург означает "Ауиов ёрос, Святую гору Афонскую. Значит, мне быть там еще раз.

И был я там в 1858, 1859 и 1861 годах.

Сентябрь, 12, среда. Утром, когда я еще спал, снилось, будто состоящий при нашем посольстве в Риме архимандрит Софония пришел ко мне и показал письмо на большом почтовом листе. Я начал читать его: почерк сего архимандрита. Написано, что другой, а не я, назначен в Иерусалим начальником нашей духовной миссии и поедет туда в мае 1757 года. Слово «Иерусалим» подскоблено и похерено. Узнав это, я перестал читать письмо, но не печалился. Софония сказал мне с усмешкой: «Что? Не быть вам в Иерусалиме!». Я ответил ему: «Не буду плакать, но поеду туда, чтобы взять оттуда пожитки свои». Конец.

НВ. Сон в руку. В Иерусалим назначен инспектор С.-Петербургской Духовной Академии архимандрит Кирилл в 1857 году и будет рукоположен в сан епископа.

13, четверток. Снилось, будто я в Казанском соборе стою в алтаре. Там на кресле сидит казанский архиепископ Григорий в черном клобуке с блестящим крестом на нем. Все облачаются. Ко мне подошел лаврский ризничий о. Серапион и сказал: «Выходите и вы». Но я не выходил из алтаря.

NB. Сон в руку! Григорий 2-го октября назначен петербургским митрополитом и в этот же день поздравлен в Казанском соборе, где он был по случаю встречи государя. Я был тогда в этом соборе.

15, суббота. Ночью под этот день снилось, будто я с о. Феофаном приехал к какому-то архиерею для поздравления его. Он спал, и потому мы не были приняты. Потом оба мы вышли из сеней в церковь. Она вновь отделана в греческом вкусе. В ней особенно понравились мне хоры. Белые, они повиты были зеленой тончицей (флером). Из потолка спущена золотая люстра. Она мала и увенчана петушиными перьями. У стены высоко видно было место для чтения Евангелия. В церкви стояло много священников. Один из них, молодой, назначен в Вену. Из церкви я зашел в западную комнату, стою тут и слышу: певчие поют что-то весьма тихо и необыкновенно так, что весь хор тянет одну ноту, а тонкие голоса выводят верхние и нижние нотки, как будто вышивают узоры. Оканчивается обедня. Вижу: архиерейская митра лежит на престоле, но она походит на домашнюю скуфью, шитую жемчугами по красному бархату. Вижу воздухи, шитые по белому атласу зеленым стеклярусом. Зеленые лавры издают из себя шум. Лаврский протодиакон Сахаров хотел было сложить их вместе, но, видя колебание зелени и слыша исходящий из них шум, не прикоснулся к ним. Обедня кончилась. Я сижу в комнате. Тут поют митрополичьи певчие и поют очень хорошо.

NB. Сдается, что этот сон предвещал мне смерть митрополита Никанора²⁷.

24, понедельник. Снилось, будто я в кабинете государя Александра Николаевича. Он очень ласков ко мне, но что говорил, того не помню. Дверь кабинета его – однополотнищная.

30, воскресенье. Во всю ночь под этот день снился мне казанский архиепископ Григорий, но мало что помню из разговора его. Он говорил, что меня не пошлют в Иерусалим. Я отвечал ему, что не желаю быть там.

Еще снилось, будто я в багряном саккосе поднялся на воздух.

NB. Сдается, что Григорий будет митрополитом Новгородским и С.-Петербургским. Да! Он назначен 2 октября, в день въезда государя в северную столицу.

Октябрь, 2, вторник. Снилось, будто я читаю бумагу, на которой написано, что мне как архимандриту иерусалимскому назначено в жалование 16600 пиастров. Мне показалось мало. Но чиновник указал мне на той же бумаге, но только ниже, прибавку жалованья.

NB. От меня, как и от начальника нашей духовной миссии в Иерусалиме, св. Синод, через с.-петербургскую консисторию, потребовал отчета в деньгах за 1854 год. Но я отчета не дал, поставив на вид секретное назначение миссии, которого не должна знать консистория.

31, среда. Снилось, будто я в соборной церкви Зимнего дворца читаю Евангелие с наоя, обратившись лицом к западу. Император Александр сидит тут на своем месте, но в тумане. Евангелие писано золотом по голубому полю крупными и вычурными буквами. Я не разбираю его. Мне стыдно. Два протодиакона кафедрального собора подали мне другое, малое Евангелие, написанное мелким почерком. Я не разбираю его, а замечаю, что император ждет окончания Евангелия. Я сам выдумал конец его и прочел.

Ноябрь, 17, суббота. Ночью под этот день снилось, будто я вошел в какие-то пещеры, ископанные в каменной горе наподобие катакомб римских. Они освещены были очень ярко. Кроме меня, тут никого не было. Я там и сям видел надписи на неизвестных мне языках, начертанные длинными буквами. Когда я подошел к одной пещере и стал любоваться золотым переплетом как бы Евангелия, на котором видны были странные письмена, ко мне явился переводчик Фадлалла и сказал, что один грек желает видеть меня. «Пусть войдет», – проговорил я. Вошел грек в белой фустанелле и сел подле меня. Но когда он получил благословение мое и протянул свою руку к устам моим, дабы я поцеловал ее, я рассердился и выслал его вон. Он вышел смиренно, не сказав мне ни слова. Конец.

NB. В декабре настоящего года из Севастополя приехал в Петербург грек-доброволец, сражавшийся там вместе с нашими

солдатами, и был у меня в лаврской келье, одетый в фустанеллу. Митрополит Григорий поместил было его в лавре, но он рассердился и ушел, не знаю куда.

21, среда. Снилось: где-то я стоял на покато́й местности. Было светло, но не от солнца. Стою и вижу широкий и глубокий паром деревянный. В нем стоят две девицы и двигают какие-то машины, кои привлекают речную воду к парому за кормой его. Я дивлюсь этому привлечению ее. Меряю палкой глубь воды у парома. Оказалась глубь в полтора аршина. Вода зеленовата. По правую сторону ската, на котором я стоял, расстилалась долина, а за нею место было покати́сто, и по нему быстро и шумно течет река широкая, но не глубокая; подле нее, взад и вперед, ходят коровы и буйволы черные. Вода пенится. Девицы вышли из парома на землю. Паром исчез. Реки исчезли. Девицы сели за стол. Сел и я против них. Они разложили на столе снеди и виноград желтый с зеленцой. Я сказал одной из них: «Хочу винограду». Она дала мне две ягодки. Я опять сказал ей: «Покупаю у тебя фунт». Девица отвесила мне фунт. Но я не ел его, а только отведал. После сего девица, продавшая мне виноград, вышла из-за стола, переменялась в лице, подурнела, оказалась шадровитой и начала кричать во всю пасть: «Факторы-евреи – обманщики, дорого берут за услуги, по 50 рублей за паспорт». В эти минуты один еврей молча прошел мимо меня с какими-то бумагами. Другая девица молчала и молчала.

NB. Таинственно, неразгаданно это сновидение.

Декабрь, 6, четверток. Ночью под этот день снилось, будто у меня на левой стороне груди сияет звезда.

NB. Вечером я поручил себя воле Божией.

Январь, 1, вторник. Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое. Да приидет царствие Твое. Да будет воля Твоя, якоже на небеси, и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь. И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим. И не введи нас во искушение. Но избави нас от лукавого.

2, среда. Savoir aimer son Dieu et faire de lui son tout est la plus noble de toutes les sciences, et la marque du plus grand esprit et du plus grand coeur²⁹.

4, пятница. День неблагополучный! У цензора выперстил я напечатанную книгу свою (первое путешествие на Синай); но секретарь цензурного комитета солгал: обещался выдать мне позволение пустить ее в продажу, и не выдал. Поехал я в типографию на Васильевском острове, но извозчик вместо Николаевского моста подвез меня к какому-то Никольскому мосту. Приехал я домой: слуги мои ушли, куда захотели.

5, суббота. Замечаю, что в субботу, в этот счастливый день мой, дано позволение духовной цензуры выпустить в свет последний том моих сочинений, какие только захватил я с собой, возвращаясь из Иерусалима.

13, воскресенье. Министр народного просвещения Авраам Сергеевич Норов пригласил меня служить сегодня литургию по-гречески в его домовую церковь. Тут было много греков и посланник Греческого королевства Суццо, а из наших Татьяна Борисовна Потемкина, Владимир Павлович Титов, сам Норов и другие. По окончании литургии Потемкина в гостиной горнице под села ко мне и сказала: «Вас хотят послать в Афины». Я сердито ответил ей: «Не поеду туда, потому что там мне нечего делать!». «Но это еще не решено», – промолвила она, встала и ушла. После нее подсел ко мне Титов и шепотом сказал мне: «Я слышал стороной, что вас хотят послать в Афины». – «Никакие человеческие силы не перебросят меня туда», – проговорил ему я, встревоженный, пораженный этим неожиданным известием, как громом. «Но почему вам не хочется служить в Афинах?» – спросил собеседник. Я ответил ему: «Там мне нечего делать; я

не вижу цели перед собою; а в Иерусалиме у меня было любимое дело – воскрешение арабского православного народа и возвращение палестинских и сирийских униатов в ограду нашей Церкви святой и истинной».

Титов уговаривал меня ехать туда, поставляя мне на вид многое, многое. «Граф Толстой предубежден против вас; по его мнению, в Иерусалиме нужна не ученость, а молитва, набожность, святость жизни; он готовит туда нашего архимандрита Антонина, служащего в Афинах; вы нужны грекам, как человек, образованный многосторонне; вы можете путешествовать по Греции и дополнять ваши сведения на христианском Востоке. Не уединяйтесь слишком долго». «Не поеду, – повторил я, – потому что этого желает граф Толстой; он обижает меня, винит меня без суда, не выслушивает меня». «А что если пошлют вас туда против воли вашей?» – возразил Титов. «О, в таком случае я поеду, но поеду печальный, грустный, истерзанный». Разговор наш перервал Норов, позвав нас завтракать. При переходе в столовую горницу подошел ко мне Суццо и обещался навестить меня в лавре. (Однако не навещал, узнавши, что мне не хочется жить в Афинах). Расстроил я плохо обдуманый план всех этих друзей моих, выставивших меня на показ грекам. Впрочем, спасибо им. Они желают мне добра. Жаль только того, что человеческое дело соединено было ими с богослужением.

23, среда. Кончено новое сочинение мое под названием: «Письмена Киней Манафы на Синайских утесах». Оно начато было в Иерусалиме в 1851 году, а продолжено в Ораниенбауме в 1856 году.

28, понедельник. В 12 часу пополудни я был у фрейлины А.Ф.Тютчевой. Она между прочим мне высказала мнение императрицы об отказе восточным христианам в помощи: «Нам не до них; у нас много своих недостатков, которые должны мы пополнять». Выслушав это, я сказал фрейлине: «Так! Но русские всегда были христианами католическими, держа веру вселенскую, имели и любовь вселенскую и помогали бедным братьям своим на Востоке и деньгами, и вещами, дипломатическим заступлением за них. Ежели мы отступимся от

них и ежели у них исчезнет Православие, то мы останемся одиночками и вместо того, чтобы говорить и петь: «Верую во едину соборную церковь», – будем принуждены говорить и петь: «Верую во едину русскую Церковь». А тогда поколеблется убеждение нашего духовенства в соборности и истинности нашей Церкви; народ же, заметив это колебание, разделится на секты; из дворян одни сделаются католиками, другие протестантами; после этого не будет у нас единства ни церковного, ни государственного. Есть нетрудная возможность поддержать Православие на Востоке. Составим общество для вспоможения восточным братьям нашим, так чтобы все мы, богатые и небогатые, все на все ежелетно вносили в кассу его не менее двух-трех копеек и не более рубля: у нас будет для них много денег. Учредим в Константинополе главную духовную миссию под начальством епископа или архимандрита; она, получая деньги от нашего Восточного общества, будет строить церкви, училища, богадельни, больницы везде, где нужно, и поможет бедным и особенно тем, которые страдают неповинно».

Фрейлина молчала. Но сердце ее соглашалось с моим рассуждением.

Февраль, 15, пятница. Заношу в дом памяти вести от А.Н. Муравьева.

Все члены Синода недовольны самовластием своего обер-прокурора, который не согласился обнародовать новый перевод Нового Завета на русский язык, перевод, о котором все архипастыри рассуждали в Москве во время коронации государя, и решили печатать его. Протопресвитер Бажанов даже сказал в Синоде, что им остается рассуждать только о пьяных дьячках.

Государь повелел потребовать мнения московского митрополита Филарета об этом переводе. По этому делу обер-прокурор едет в Москву.

Он против воли Синода испросил у государя позволение употребить 200000 рублей на расширение и украшение синодальной церкви, дабы она была образцовой. Для сего прикупят часть сенатского дома, смежного со зданием синодальным.

Он же и против воли же Синода желает вызвать в Петербург Камчатского и Алеутского епископа Иннокентия для того только, чтобы посмотреть на него. Напрасно члены Синода говорили ему, что не должно отрывать этого святителя от дела его и что у него нет викария, который заменил бы его на время. Толстой настоял на своем.

18, понедельник. Цензура дозволила мне печатать сочинение мое: «Письмена Киней Манафы на Синайских утесах».

24, воскресенье. Я обедал у митрополита Григория. Перед обедом протопресвитер Бажанов говорил ему: «Опрометчиво поступили, переводя костромского епископа Филофея в Тверь; он хороший монах, но не правитель; всеми делами в Костроме ворочал секретарь его». Митрополит ответил: «Я не знал, что его переводят туда».

Итак, граф Толстой делает, что хочет, помимо Синода.

Март, 4, понедельник. Духовник Крестовоздвиженской общины, созданной Еленой Павловной, о. Вениамин был у меня вечером и поведал, что в Иерусалим уже назначается новая духовная миссия. А слышал он это от директора азиатского департамента Ковалевского.

5, вторник. Фрейлина Эйлер письмом от 24 февраля уведомила меня, что в.кн. Елена Павловна предлагает мне провести лето в Ораниенбауме. Многие ей лета!

28, четверг. Челн мой по-прежнему стоит у берега неподвижно. Его накрывает мрак великий. Скучаю, грущу, не понимая, к чему служит избыток духовных сил моих.

29, пятница. Чиновник великого князя Константина Николаевича Борис Павлович Мансуров тайно объявил мне, что его высочество думает основать в Севастополе восточную академию, в которой ученики учились бы восточным языкам и после выучки служили бы на Востоке агентами Одесского пароходного общества, и послать меня в Крым в сане епископа с тем, чтобы я присматривал и за оной академией.

Но эта дума его не осуществилась. Помешал ему канцлер Горчаков, поставивший на вид государю, что агенты его высочества, не завися от нашего министерства иностранных дел,

могут затруднять наших посланников и консулов на Востоке. Таким образом и я не попал в Крым, о котором как о новом месте моего священнослужения однажды намекнула мне госпожа Потемкина, видно, знавшая тайну великого князя.

Апрель. В пятый день сего месяца заболел. Но кашель и боль в горле продолжались только пять дней.

День 8. При письме поднесены министру Горчакову сочинения мои о христианском Востоке. На другой же день он ответил мне.

День 9. Сегодня послал ему другое письмо. На это письмо не отвечал Горчаков, хотя и обещался в присутствии Сенявина и синодального обер-прокурора графа Толстого помочь мне деньгами, как об этом говорил мне Сенявин, который и побудил меня издать в свет сочинения мои, посулив мне 1500 рублей из сумм министерства иностранных дел для обеспечения издания моего. Сенявин, оставляя управление этим министерством (перемещен в Государственный сенат), просил Горчакова выдать мне посуленные деньги и даже указал ему ту сумму, из которой они могли быть взяты для меня. Но Горчаков, по скупости, не исполнил просьб его. Все это я слышал от самого Сенявина.

NB. Около сего же времени все вышепоименованные сочинения мои были поднесены и подарены: государыне императрице, министрам Норову и Сенявину, синодальному обер-прокурору (8 апр.), Андрею Муравьеву и некоторым духовным лицам.

День 23. Опала моя продолжается. В Иерусалим назначена духовная миссия под начальством епископа. Но не мне поручается управление ею, а одесскому епископу Поликарпу, который некогда священствовал при нашем посольстве в Афинах; я знаю его лично. Nullité parfaite!³⁰

Не жалею о том, что меня не послали в Иерусалим, ибо многократными сновидениями я предуведомлен о разлучении моем со св. местом и с тамошней братией о Господе. Но скорблю о том, что мне не дают никакой высшей должности и тем бесчестят меня в глазах православного на Востоке духовенства, которому очень хорошо известно мое имя. Лучше мне умереть, – говорю устами св. апостола Павла, нежели

терпеть, чтобы кто-нибудь упразднил похвалу мою³¹. Скорблю о том, что меня отталкивают от Церкви, отечества и престола, которым я могу служить словом и делом, разумно и верно с любовью. Скорблю о том, что я осужден без суда какими-то непогрешимыми папами, усечен до корня живой, плодovitый. Никак не могу приучиться смотреть на себя, как на придорожный пенъ, о который будет задевать всякое колесо, смазанное дегтем. Малодушные не сродно мне, но неприятно и услаждение своими страданиями. По природе и по благодати я общителен с ближними, а при напоре на меня Толстой силы уже чувствую в себе зарождение ненависти к людям и какой-то робости, претящей мне бывать даже у тех лучших людей, которые уважали меня и которые теперь, быть может, подозревают во мне многое темное. Я еще смеюсь над этой робостью, но она одолевает меня, почерпая себе силу в моей склонности к отшельничеству. К этой робости присоединяется язвительная мысль, что я живу в обществе не христиан; ибо истинно верующие во Христа врачевали бы мои немощи, поднимали бы меня падшего, прощали бы мои прегрешения ради покаяния моего, ради лучших качеств, кои должны же быть во мне, потому что я сотворен не сатаной. Но меня только грязнят, унижают. Духовное состояние мое в настоящее время весьма не хорошо. Ma mémoire est mise en trouble. Mes pensées se combattent entre elles. Toute la région, où ces pensées se forment, est comme un champ de bataille, où les hommes s'entretuent les uns les autres. Toutes mes passions sont émues. Tout en moi est en discorde. La paix est ôtée. Ma pauvre âme est comme partagée, déchirée, meurtrie et tuée par cette guerre sanglante, qui se fait en elle. Oh! guerre cruelle, et plus cruelle et pénible à supporter que l'on ne peut exprimer! Je n'ai ni force ni courage pour résister à rien. Tous mes projets, toutes mes espérances, tout appui en ce qui m'avait soutenu jusqu'à présent, tout est arraché, et il ne reste qu'un abandon sec et sans aucun goût à la volonté de Dieu: que dis-je? insensé! il ne reste qu'à attendre, si peut-être le Seigneur aura compassion et descendra dans mon enfer. Oh! je crois et j'espère qu'Il descendra là et assistera en secret, et sans que je le sache d'une manière distincte, à toutes mes peines; Il les adoucira en ayant porté la plus amère, et,

par Sa présence me rendra cet enfer supportable et doux, et m'en retirera... Je le crois et je l'espère; c'est pourquoi je comprends, que l'Eternel, qui brise les cèdres du Liban, me remet dans un néant, afin que je puisse être créé de nouveau. Oui! Quand Il anéantit bien plus profondément tout notre propre être par des moyens d'autant plus admirables qu'ils sont douloureux, étranges et incompréhensibles à l'esprit humain, Il veut nous posséder plus intimement que jamais et devenir tout en nous, le principe de notre vie et de toutes nos opérations³².

Май. День 8. Жена министра двора Мария Васильевна Адлерберг передала мне лично слышанный ею ответ государя императора на вопрос жены воспитателя его величества генерала Кавелина Марии. Эта генеральша, бывшая в Иерусалиме и там познакомившаяся со мною, спросила государя: «Архимандрит Порфирий устранен от Иерусалима ужели за то, что ел там скоромное?» – «Между прочим и за это», – ответил он ей, смеясь. Итак, синодальный обер-прокурор успел внушить его величеству, что я не постник, а министр Горчаков выразил ему свое мнение обо мне, неблагоприятное для меня³³. Бог им Судья! Нужно было возмущать тихую душу царя, удостоившего меня пожизненной пенсии за особые труды и заслуги, возмущать сплетнями и позорить человека, с которым они не жили ни одного дня? Но что сказано, то врезано в душу слышавшего. Кто же изгладит в ней шероховатое впечатление? Не знаю.

Лев Григорьевич Сенявин говорил мне, что Горчаков предпочел мне епископа Поликарпа по одобрению графа Путятина, выдавшего сего епископа в Афинах.

Бывает несчастное время, когда стесняют круг благотворной деятельности даровитых людей. Таково наше время. Недавно отсюда услали в Казань умного ректора Петербургской семинарии архимандрита Иоанна и на место сокола насадили ворону, архимандрита Нектария, вызванного из Киева на чреду священнослужения. Ректора академии, преосвященного Макария, удалили в Тамбов, где он будет судить пьяных церковников и где едва ли продолжит историю нашей Церкви,

которой только первые три части обнародованы на днях. Он не имел счастья понравиться новому митрополиту-ригористу.

Нашего апостольского мужа, преосвященного Иннокентия, вызывают с Алеутских островов для присутствия в св. Синоде.

Митрополит Григорий не позволил мне провести нынешнее лето в Ораниенбауме, сказавши мне: «Вам жить там как-то неловко». Не осуждаю его и безропотно покоряюсь воле его, однако нежность души покойного Никанора ценю выше уставной суровости здравствующего Григория. Я просился в Ораниенбаум не по каким-либо своекорыстным видам и не для того, чтобы жить там рассеянно, а для того, чтобы подышать чистым воздухом и в тихом приюте написать новое сочинение о разных состояниях духовной жизни. Почему бы, кажется, не отпустить меня туда? Все наше царственное семейство имеет достоинство священническое; посему-то архиереи целуют руку у царицы, царевны, великой княжны. Почему ж бы неприлично было священному лицу провести несколько дней под отдельным кровом особы священной в занятиях духовных? Иное дело, если бы приглашали меня жить в одном доме с мирским семейством; тогда и сам я отказался бы от такого приглашения, умея отличать неприличное от пристойного. Но ее высочество, по умному такту своему, предоставляет мне отдельный и совершенно уединенный приют; и этот такт ее мирит мою совесть с законом пристойности, тем более что слабое здоровье мое дает мне право сделать исключение из устава моей жизни и пользоваться милосердием особы священной по благословению архипастырскому. В этом благословении вся сила. Оно может обратить загородный приют мой в пристойную званию моему келью, когда известно, что живущий тут есть уже старец. Кому не понравилось бы это рассуждение мое, тому сказал бы: «Душенька! Не место святит человека, а человек святит место», – и промолвил бы, что где царствует целомудрие, там пожить прилично всякому, кто сохранил это ангельское свойство.

День 15. Господь милует меня. Душа моя ощущает благодатное присутствие Его, утишающее бурю многих помыслов ее, угашающее пламень страстей ее и производящее в ней успокоение и даже радостное ожидание чего-то светлого в

будущем. К тому же общее здесь мнение не против меня и за меня. Архиепископы Казанский Афанасий и Ярославский Нил ободряют меня: первый как будто пророчески внушает мне, что я еще могу быть в Иерусалиме после Поликарпа; второй негодует, что не хотели воспользоваться моими дарованиями, опытностью, знанием дел Восточной Церкви и добрым расположением ко мне тамошних иерархов. Знаменитый архиепископ Иннокентий писал к протопресвитеру Бажанову, что пора бы поставить меня выше, как это сказал мне сам Бажанов. Мнение графа Толстого о мне просветлело; и он много утешил меня своим содействием в Синоде к определению абиссинца моего в здешнюю семинарию и к покупке моих сочинений для библиотек академических и семинарских. Столичное духовенство, удивленное предпочтением мне Поликарпа, не знает, как объяснить это дело, и винит едва ли виноватого Муравьева в удалении меня от священнослужения на Востоке. Такое общее внимание ко мне снова разжигает в душе моей желание потрудиться в Святом граде для Церкви и для науки. Так и хочется остановить шатание веры в сиро-арабском племени православном. Так и хочется иметь там большой досуг для изданий в свет разных сочинений моих и восточных рукописей. Хожу по келье и часто произношу стих древнего поэта:

... arva, beata;

Petamus arva: divites et insulas³⁴.

Прошусь на поля,

На злачные поля и на богатые острова.

Пусть пошлют меня туда. Пусть пособят мне снова расцвести там. Пригожусь и своим, и чужим. Поликарпа вызывают сюда. Но когда он приедет, тогда могут предложить ему нижегородскую кафедру, которую оставляет преосвященный Иеремия. Это предложение будет принято им, как повеление. А таким распоряжением были бы довольны все здесь, потому что всем известны мои преимущества перед другими духовными лицами, как то: многосторонняя ученость, практическое знание языков новогреческого, французского и немецкого, способность к дипломатическим делам, умение снискивать доверенность

восточных иерархов, паче же всего просвещенная ревность и любовь к такому святому делу, каково поддержание Православия на Востоке. Есть еще одно побуждение, по которому можно предпочесть меня Поликарпу. Ученые мужи в Австрии и Германии, Миклошич, Мюллер, Эрманн, Тафель с 1847 года нетерпеливо ожидают от меня издания афонских актов, которых краткий список был напечатан мною в том году и переведен на немецкий язык. Эти акты, единогласно признанные у нас и за границей необходимейшим пособием к изучению греко-византийского права, уже готовятся мною в печать. А в Иерусалиме, где учреждена мною эллинская типография, я издал бы их как должно, пользуясь досугом. Там же были бы изданы мною и другие греческие и арабские рукописи, до сих пор не известные. Зачем же взаперти держать порфиру, которой одна часть понравилась немцам? Пусть подарят ее целую всем. Не приятно ли и не славно ли нам видеть новое приращение науки, и приращение наше?

День 16. Здесь холодно. Деревя развиваются туго. Цветов не видать.

День 30. Сегодня я был у министра Горчакова, по приглашению его. Он принял меня ласково и, посадив подле себя на диване, сказал мне:

«Батюшка! Я помню то, что вы говорили мне в Вене. Вы полагаете, что посвящение нашего духовенства неправильно; а по моему мнению, в этом деле важно не число лет посвящаемого лица, а образованность его. Ваши убеждения вам принадлежат; но я не решился избрать представителем нашей Церкви такое лицо, которое не убеждено в правоте ее».

Эта откровенность князя понравилась мне; и я от избытка сердца отвечал ему:

«Ваше сиятельство! Я счастлив и вместе несчастлив; счастлив тем, что меня выслушивают, и несчастлив тем, что меня никогда не дослушают. У всех нет времени на то. Пользуюсь настоящим случаем, чтобы высказать вам свои воззрения на предмет, о котором говорим. Я разделяю ваше мнение о предпочтительности образования духовных лиц, и наипаче проповедников, той численности лет, какая для

посвящения их узаконена была в светлые века христианства. Несравненно лучше и полезнее иметь молодых, но ученых и благонравных священников, нежели старых, но полуграмотных и недостойных великого призвания их, каковые у нас были не очень давно, например, в царствование Екатерины II, когда клир пополнялся мещанами, мужиками и холопами. Крайняя нужда нашего народа в духовном свете клира изменила церковный закон. Как это изменение, так и другие некоторые оттенки наши известны восточным иерархам. Но они не почитают и не называют нас схизматиками, напротив, говорят, что Греческая церковь имеет в себе Дух Божий, но в некоторых обстоятельствах первая действует по строгости закона, а вторая по снисхождению, или, как они выражаются, икономически. Так говорил мне знаменитый богослов и проповедник их Константин Икономос. Так писал он известному Стурдзе, по поводу обнаруженного английским диаконом Пальмером разногласия нашего с греками о крещении иноверцев. Это письмо Икономоса я имею. Вот как думают о нем восточные святители и богословы! Согласно с ними думаю и я. Схизмы между нашей и греческой церковью нет. А разногласие их не в вечных и непреложных догматах, а в воззрениях на некоторые временные и видоизменяемые обычаи и учреждения примиряется тем животворным началом, *principe*, Православия, по которому позволительно и полезно действовать иногда по строгости закона, а в некоторых обстоятельствах и по снисхождению. И это начало выдуманно не мною, не Икономосом и не нынешними представителями церквей восточных, нет, оно весьма древнее и выражено в правиле одного вселенского собора. По этому началу сами цареградские патриархи позволяли православным христианам на Синае и в Индии брачиться в близких степенях родства по причине малочисленности тамошних общин». Таков был ответ мой. Выслушав его, князь поговорил о неспособности Поликарпа и пригласил меня к служению в Святом граде под начальством его, обещав мне преемство по нем, как будто оно зависело от воли его, и объявил мне желание императрицы видеть меня до отъезда ее за границу.

День 31. На другой день я читал в кабинете Горчакова новый проект учреждения Иерусалимской миссии, читал один, потому что князь ушел в другую горницу с приглашенным к нему лекарем. Когда же он воротился ко мне и пожелал знать мое мнение об этом проекте, я одобрил его, но не весь. «Проект дельный, – сказал я ему. – Но...» На этом «но» остановил меня князь и не дал мне высказаться, проговорив: «Проект хорош и не требует ни прибавления, ни убавления», – потом встал с дивана и, прощаясь со мною, еще раз повторил, что императрица желает видеть меня, и прибавил: «Может быть, позовет вас к себе и император». А я хотел сказать ему, чего недостает в проекте. По смыслу его вторая миссия наша в Иерусалиме назначается для наших поклонников, т. е. должна петь им молебны, панихиды и обедни, а заниматься учеными изысканиями, изучать языки греческий и арабский, устраивать училища, снабжать сельские церкви ризницами и утварью, помогать бедным деньгами, как все это делала первая миссия под моим начальством, совершать торжественное богослужение она не будет, потому что не даются ей деньги на эти добрые дела и число членов ее (один диакон) мало.

Июнь, день 1. Министр Горчаков и обер-прокурор Толстой, сказав мне, что епископ Поликарп не имеет той силы ума и воли, той сметливости, той вкрадчивости и того дара слова, кои нужны на дипломатическом поприще, уговаривают меня, чтобы я отправился с ним в Иерусалим и, состоя при нем, руководствовал бы его в обширных действиях, какие там будет иметь новая миссия наша. Их обаяние и обещания мне лучшей будущности я принимаю, как повеления, тем паче что мне поставлено на вид желание царственной матери нашей, чтобы я жил и действовал в св. граде. Но, Боже мой! почему же хотят послать туда преосвященного мальчика и приставить к нему высокопреподобного дядьку? Не лучше ли неумного заменить разумным? Избравшие Поликарпа говорят, что он свят, и сами же договаривают, что святость его не изведена ими лично. Какое противоречие! Какое легкомыслие! Кто свят на земле? Кто из нас чист пред Богом, Который в самих ангелах усматривает пятна, как это сказано в священной книге Иова? Святые существуют на

небе, а на земле все грешны, более или менее. Известно, что Поликарп не исцелил ни одного больного, не воскресил ни одного мертвого. Чем же он исправит будто бы худые нравы иерусалимских греков, как этого ожидают от него? Сухоядением? Земными поклонами? Частыми служениями на Голгофе, у Гроба Господня и в Гефсимании? (чего, однако, не позволят ему католики, армяне и турки). Смиренной наружностью? Уклонением от общения с людьми? Ах! Это ли нужно в Иерусалиме, где посты издавна соблюдаются весьма строго, богослужение совершается ежедневно, смирение свойственно всем под турецким игом, одиночество обратилось в привычку, и где, несмотря на то, Православная церковь, как 38-летний расслабленный, лежит у купели Силоамской и вопиет: «Не имам человека, да ввержет мя в купель». Там нужнее просвещение, богатая милостыня бедным, снабжение больных даровыми лекарствами, вспоможение девицам перед браком, взаимодавство неповинным страдальцам после землетрясения или кораблекрушения, разгадывание замыслов всякой враждебной Православию пропаганды и соображение средств к уничтожению их. Там нужнее та общительность, которую имел апостол Павел и по которой он был всем вся. Там нужнее зоркое наблюдение за четырьмя силами, кои дают направление всем делам человеческим: я разумею силу веры, силу науки, и силу слова, меча и права, и силу денег. Там нужнее разведывать: кто и кто из наших и не наших в больших городах Палестины и Сирии имеет сильное влияние на сограждан посредством торговли, родственных связей, приятельство с турецкими властями, дабы через этих людей действовать в пользу православного народонаселения или спасти его от неприязни. Там нужнее высматривать цели и средства и круг деятельности тайных обществ. Все это я говорю по опыту. Каков же при этом должен быть наш деятель на Востоке? Я не знаю лучшего деятеля, кроме ума сильного, светлого, тонкого, гибкого, обогащенного разными познаниями и почерпающего себе силу в вере в Бога и надежде на Него, в любви к Нему и к ближним, в ревности к славе Его и к общему благу собратий. Пусть найдут такого деятеля. Я охотно последую за ним, как Андрей

Первозванный за Христом. Здесь чувствуют нужду в таком человеке и, не находя его, вызывают меня на прежнее поприще. Но почему не дают мне жезла архиерейского? Почему хотят, чтобы я был только вожатым слепца? Ужели видят во мне великого грешника? Ах! Этот грешник был любим в Иерусалиме нашими и не нашими; этот грешник учредил там училища патриаршее, девичье, и две типографии, греческую и арабскую; этот грешник сближал арабский народ с холодным к нему греческим духовенством. Но долго было бы исчислять все то, что с Божьей помощью сделано было мною на месте, где поставила меня воля блаженной памяти государя Николая. Спешу сказать, что здесь теперь смотрят на меня уже иными глазами и, если не ошибаюсь, чересчур хитрят, спеша определить меня к миссии до приезда сюда Поликарпа, дабы он, узнав об этом, добровольно не отказался от служения на Востоке, к которому признают его неспособным. Бедный Поликарп! Тонет у берега. Не лучше ли же было не посылать его в море, по волнам которого он ходить не может? Думаю, что не осмеливаются открыть истину государю, который уже утвердил назначение Поликарпа. Это открытие ему мог бы сделать кто-нибудь другой, помимо Горчакова и Толстого.

День 4. Сестрам Крестовоздвиженской общины посланы четыре экземпляра всех напечатанных сочинений моих для чтения в часы досуга и у одра болящих, столько же экземпляров дано сердобольным вдовам, живущим в Смольном монастыре, а вдовам духовного звания, призреваемым протопресвитером Бажановым, два экземпляра.

День 17. Сегодня я заметил, что в одном окне моей кельи паук распустил свою паутину, прикрепив ее двумя нитями к верхнему откосу каменного косяка и к моей тетради, лежавшей на подоконнике. Пусть он живет тут. Я велю не трогать его. Он выживает меня из Петербурга. Этот вестник моего удаления отсюда сидит в самой середине кружка, весьма правильного и красивого. А кружок этот величиной с чайное блюдечко. Прекрасная работа! Жаль уничтожить. Живи со мною, паук!

День 27. На место ректора здешней академии преосвященного Макария назначен живший со мною в Иерусалиме Феофан. Non equidem invideo, miror magis³⁵.

Июль. День 9. Сегодня в пять часов пополудни я был у синодального обер-прокурора. Он поведал мне вот что. Великий князь Константин Николаевич имеет какие-то свои идеи о Востоке, коих, однако, не открыл ему; они побудили его послать в Иерусалим чиновника Мансурова для каких-то разведок. Его высочество расспрашивал его обо мне, и ему сказано, что министр Горчаков желает включить меня в число членов нашей миссии в Иерусалиме; но св. Синод еще не знает, как устроить там меня, на особых ли правах или как иначе. Потемки! Потемки!

День 13. Получено письмо из Ниццы от фрейлины Эйлер. Между прочим она известила меня, что великая княгиня Елена Павловна искренно сожалеет о мне. Сожаления ее умастили мою душу, как целебный бальзам. За то даруй ей Господь здоровье, долгоденствие и во всем благое поспешение, и ангел хранитель ее да благословляет струи той целебной воды, которую она пьет. Великая княгиня – краса наша, ее ум и добродетели весьма нужны нам.

День 17. Епископ Поликарп приехал в Петербург. Сегодня в 10 часов пополудни я был у него в первый раз. Он не расспрашивал меня об Иерусалиме, а только говорил о себе и о том, как бы жить ему там удобнее. От него слышал я, что им приглашены в Иерусалим два монаха из Оптиной пустыни, куда он нарочито заезжал из Воронежа, и что митрополит Григорий велел ему подать записку об увеличении числа членов миссии одним диаконом.

Август. День 12. Фрейлина Эйлер письмом из Вильбада, от 28 июля, уведомила меня, что великий князь Константин Николаевич, недовольный выбором блаженных нищих духом на служение в Иерусалиме, где с голубиной кротостью должна сочетаться мудрость змеиная, признавал за нужное дополнить нищету духа избранных туда лиц моими дарованиями и опытностью.

Однако, к удивлению моему, до сей поры еще не объявлены мне ни приказ, ни отказ ехать во Святой град, хотя князь Горчаков в сильных выражениях требовал меня у Синода. Медленность сего дела беспокоит меня, а таинственность пугает. Впрочем, самая та глубь души моей не возмущаема, потому что

в ней есть разумная преданность воле Божией. Куда как хорошо жить в Боге! От Него душа заимствует неизменяемость и довольство среди непрестанного волнения мнений и дел житейских и среди огорчений, производимых неудачами и обманчивостью наших расчетов и надежд.

Епископ Поликарп усиливается устранить меня от дела Божия, говоря, что ему визирь не нужен. Но если он не султан, то и я не визирь. Я священник Бога Вышнего и ни ему, и никому не позволю называть меня иначе. Время покажет: пожертвуют ли дело капризу преосвященного старика.

День 15. Этот старик осмеян и устранен от дела Божия в Иерусалиме. Как? Он в первое свидание свое с министром Горчаковым предъявил ему, что поедет в Святой град только тогда, когда дадут ему в распоряжение не менее 300000 руб. на нужды Палестинской церкви. Такое предъявление показалось министру весьма странным и сразу убедило его, что Поликарп малоумен и потому не может быть начальником миссии. Под влиянием такого убеждения Горчаков уведомил Синод, что он признает сего архиерея неспособным к делам на Востоке, и просил избрать на место его кого-либо другого.

День 16. Все члены Синода в дворцовой церкви перед обедней, долго ожидая царского выхода, избирали епископа в Иерусалим. Казанский архиепископ Афанасий предлагал архимандрита Климента Мажарова, но его не избрали. Митрополит Григорий предлагал меня. Но царский духовник протопресвитер Бажанов заявил, что едва ли утвердит меня государь. Избран был, по толчку свыше, инспектор здешней академии, молодой архимандрит Кирилл. Итак, Поликарпа, избранного за святость, отринули за глупость, а в Кирилле оценили способность к делам, но уже не искали святости, которой и нет в нем. Какая кутерьма!

Не много понимаю, почему и как поставлен на вид архимандрит Кирилл. После преосвященного Макария, переведенного в Тамбов, ему следовало быть ректором академии. Но эта ректура негаданно, нечаянно поручена служившему со мною в Иерусалиме архимандриту Феофану по настоянию синодального обер-прокурора Толстого, который у

кого-то (едва ли не у княжны Лукомской) читал его благочестивые письма и признал его достойнейшим оной ректуры. Итак, архимандрит Кирилл, доктор богословия, был унижен и обижен несправедливо. Но заступился за него ближайший родственник его, придворный протоиерей Наумов и просил о. Бажанова предстательствовать за него в Синоде и содействовать к назначению его на место отринутого Поликарпа. Бажанов поворожил ему и наворожил это место, кстати заявив членам Синода, что государь едва ли согласится послать меня в Иерусалим.

Прощай, Святой град! Не жить мне там. Пригласили меня туда даже именем высочайших особ и снова оттолкнули. Каким же чудом один и тот же я в одно и то же время нужен и не нужен, полезен и не полезен, светел и темен? Если о мне сказано, как о сладчайшем Иисусе, что я – ядца и винопийца и друг грешникам и грешницам, то я принимаю на себя это бесславие, как мутную волну принимает утес, на вершине которого растут плодоносные древа. Но ежели считают меня неспособным представлять нашу Церковь на Востоке потому де, что я не убежден в правоте ее, то ошибаются жестоко. Я родился, вырос, возмужал, состарился и умру под сенью алтаря русского. Любовь моя к отечеству и царю пламенна. Союз мой с возродившей меня Церковью нерушим. Убеждения мои в правоте ее уяснены во мне более, чем в ком-либо. Когда я говорю духовным и мирянам о разностях между нашей и греческой церковью, тогда одни из них молчат, не умея рассуждать об этом предмете, а другие несправедливо укоряют греков в отступлении от Православия. Лишь я один знаю примирительное начало, под которое коль скоро подведу эти разности, они тотчас теряют свое значение, и несмотря на то, меня мучат, как неверного. О, зачем мне суждено иметь большую известность! Лодочки спокойно стоят в пристани, а боевой корабль среди океана обуревается грозными волнами. Тростинки растут роскошно на сырой земле, а кедр на высоте каменистого Ливана расщепывается молнией. О, недруги мои! Дайте мне безвестность. Дайте мне покой. Я вас прощаю.

День 24, суббота. Сегодня обедаю у казанского архиепископа Афанасия, земляка своего, и слышал от него вот

какие вести.

Митрополит Григорий холоден ко мне. Почему? Не сказано.

Архимандрит Феофан, ректор академии, отзывается обо мне хорошо.

Может быть, пошлют меня в Константинополь на место его.

В **16** день августа в соборной церкви Зимнего дворца перед обедней члены Синода избирали епископа в Иерусалим на место Поликарпа. Митрополит прочил меня туда, но Бажанов отговорил.

Сверху велено было митрополиту иметь в виду инспектора академии архимандрита Кирилла. Он отозвался было, что не отпустит его, как нужного для академии. Но веление сверху преодолело.

Мне нужно подождать решения моей участи.

На вопрос мой, отпустят ли меня в Иерусалим за оставленным там имуществом моим, преосвященный Афанасий ответил: едва ли. Наш алтайский миссионер архимандрит Макарий просился туда, но его не отпустил Синод, будучи недоволен домогательством его напечатать сделанный им перевод св. Писания с еврейского языка и какой-то богословский лексикон. «Я (Афанасий) в Иркутске получил из Синода два указа о нем: первым отдавали его под присмотр какого-либо архиерея, а во втором угрожали ему лишением сана за доuku высшему начальству. Строго! Чересчур строго! Лучше бы не позволять печатание перевода, чем преследовать переводчика».

У Афанасия вместе со мной обедал бывший учитель харьковской семинарии Постников, товарищ его преосвященства по академии (6-го курса); его вызвали сюда из Торжка с тем, чтобы посвятить в сан иеромонаха и послать в Иерусалим при Поликарпе. Но ни этот епископ, ни преемник его Кирилл не приняли его, потому что туда уже назначены были два иеромонаха из Оптиной пустыни, Леонид и Ювеналий, оба из дворян и оба любимцы синодального обер-прокурора. Постников уже сед и так отстал от всего, что походит более на мещанина, чем на академиста.

Когда я попросил Афанасия замолвить за меня доброе слово митрополиту Григорию, он отказался, говоря: митрополит

суров и недоступен. О, me miserum! О, me infelicem³⁶.

День 27. Товарищ мой по академии протоиерей Вознесенской церкви Иаков Предтеченский молвил мне, будто хотят упрятать меня в какую-то пустынь в Московской епархии. О, Господи! Доколе! Помилуй меня по великой милости Твоей (молва оказалась ложной).

Сентябрь. День 7. Я кашляю.

День 26. В 7½ часов пополудни пришел ко мне очередной архимандрит Антоний, ректор ярославской семинарии, и сказал мне, что государь император на докладе св. Синода о рукоположении архимандрита Кирилла в епископа в Иерусалим написал: «Согласен, если нужно!». Синод теперь в недоумении.

Сегодня фрейлина Эйлер возвратилась из заграницы в Петербург с великой княгиней Екатериной Михайловной. От нее я узнал, что Елена Павловна очень жалеет, что меня преследуют безвинно, но едва ли будет просить за меня государя, разве случайно зайдет разговор об Иерусалиме.

Октябрь, 10, четверток. Казанский архиепископ Афанасий говорил мне, что митрополит Григорий принял ректора академии архимандрита Феофана, в первый раз, так холодно, что, благословив его, не сказал ему ни одного слова.

11, пятница. Сегодня было наречение архимандрита Кирилла во епископа. Шел дождь.

13, воскресенье. Сегодня он посвящен. День ясен и тепел. Я спокоен.

25, пятница. В десятом часу пополуночи позвал меня к себе митрополит Григорий и сказал: «Св. Синод располагает послать вас в Константинополь; согласны ли вы на это?». Я ответил ему: «Еще тогда, когда меня постригали в монашество, я отдал свою волю начальству; и это я говорю вам не учтиво, а искренно». Митрополит не вслушался хорошо в последние слова мои. «Как не учтиво! Кажется, я говорил вам очень учтиво». Я, не смутясь и не смущая его, повторил ему слова свои громче и выразительнее: «Сам я говорю вам не учтиво, а искренно». Он улыбнулся и сказал мне: «Ну, так хорошо».

26, суббота. Начата переписка моя с фрейлиной великой княгини Елены Павловны Эдиттой Раден, лютеранского

вероисповедания.

Ноябрь, 15, пятница. Записываю вести Татьяны Борисовны Потемкиной, у которой я обедал сегодня.

Камчатский архиепископ Иннокентий соскучился в Петербурге и возвращается в свою епархию в январе 1858 года.

Императрица Мария Александровна хотела учредить общество для поддержания Православия в Палестине. Но министр Горчаков воспротивился этому. Однако она собирает деньги на устройство больницы в Иерусалиме для русских поклонников; собирает их и Потемкина для сего же доброго дела. Императрице не угодна гласность сбора денег; поэтому разным дамам даны сборные книги не шнуровые. Но дамы неохотно берутся за это дело, предполагая, что мало будут доверять им, видя книги не прошнурованные.

Фрейлина вдовой императрицы Александры Феодоровны графиня Тизенгаузен собрала на постройку церкви в Ницце 15000 рублей.

Синод и граф Толстой хотели послать меня в Иерусалим в сане епископа, но воспротивился им Горчаков.

Потемкиной насаждали, что я не хочу ехать в Константинополь. Но я просил ее внушить Толстому, что желаю служить там.

22, пятница. В первом часу пополудни навестил меня протоиерей Казанского собора Андрей Иванович Райковский и подарил мне логику свою, напечатанную на днях. От него я слышал вот что.

Когда назначенный в Иерусалим епископ Кирилл представлялся Горчакову с профессором академии Василием Левисоном, отправляющимся туда же, министр говорил этому выкресту из евреев: «Вы сперва приняли римско-католическое вероисповедание, потом протестантское и наконец православное; поэтому не можете быть членом нашей духовной миссии во св. граде, а если угодно вам съездить туда на поклонение Святым местам, то я не препятствую».

Один сановник, весьма приближенный к митрополиту Григорию, спрашивал его, почему не назначили меня в Иерусалим на место Поликарпа. Его преосвященство сперва

сказал: «Об архимандрите (Порфирии) говорят невыгодно», – потом, услышав возражение сановника: «Надобно ли верить наговорам, когда порицали и Спасителя», – объявил, что «министр Горчаков не захотел его». После сего я открыл о. протоиерею существенную причину, по которой Горчаков устранил меня от Иерусалима.

Декабрь, 13, пятница. Был у меня А.Н. Муравьев и поведал, что московский владыка Филарет хлопочет в азиатском департаменте об определении меня в нашей посольской церкви в Константинополе.

Напрасны были хлопоты его.

Во весь истекший год я подобен был кораблю, обуреваемому и спереди, и сзади, и с обеих сторон. Но правил им Кормчий небесный; и вот я плыву и доплыву, куда поведет меня сей Кормчий.

Мои сновидения

Январь, 4, пятница. Ночью под этот день снилось:

Назначенный в нашу китайскую миссию архимандрит Гурий что-то много говорил мне о нерасположенности ко мне духовного начальства и о причинах ее; но я теперь не помню всех речей его. Остались в памяти только последние слова его: «Тебя отдадут под надзор начальства!».

NB. В **13** день настоящего месяца Владимир Павлович Титов у министра Норова говорил мне о нерасположенности ко мне обер-прокурора гр.Толстого, и объявил мне, что он хочет послать меня в Афины.

29, вторник. Снилось, будто я в какой-то церкви стою у жертвенника. Из боковой двери появился и стал тут тверской архиепископ Гавриил в красивом золотистом саккосе, но без омофора и митры. Лицо его было бело, румяно и полно; а сам он согнулся. Ничего не говорил он мне. Предстояние его у жертвенника было мгновенное.

NB. Он уволен на покой. На его место назначен костромской епископ Филофей. Итак, на Гаврииле нет ни омофора, ни митры. А уволен он по болезни, которая согнула его в дугу.

Февраль, 4, понедельник. Снилось: вижу, идет государь Александр в белом мундире, как бы с австрийским императором. Я иду за ними; гляжу в тыл государя и замечаю, что у него шея смугла. Потом иду под руку с ним; и мне кажется, что он не Александр. Что-то говорили мы. Государь взглянул на небо и сказал: «Еще очень рано; в небе видны звезды». И я взглянул на небо и увидел, что оно сумрачно; в белесоватом тумане чуть-чуть заметны звездочки. Потом я оборотился назад и вдали увидел реку, а на ней – кустистый остров. Государь что-то проговорил мне об этом острове, но не помню что.

NB. Сновидение означало немилость ко мне смуглошейного государя, по наговору на меня Горчакова, бывшего послом в австрийской Вене. Остров назади – это прежняя служба моя, неуваженная³⁷.

5, вторник. Снилось: бывший посланник Титов говорил мне, что наша миссия будет назначена в Иерусалим в следующее

воскресенье. Я сказал ему: «И первая миссия назначена была туда 11 февраля, но отправилась из Петербурга уже 15 октября». Титов проговорил: «Теперь она уедет туда раньше». Потом он повел меня в свою квартиру. В пустой и темноватой горнице его ничего не было, кроме ширмы и стола у окна. Титов, показавши ее мне, махнул рукой и быстро повернулся к двери. Я иду с ним и говорю ему: «Не жить вам так, как вы жили в Константинополе. И я в Иерусалиме выстроил себе прекрасный дом». Конец.

НВ. Не жить мне в Иерусалиме!

7, четверток. Ночью под этот день снилось:

а. В каком-то дворцовом саду, будто в Ораниенбауме, я срываю с какого-то кустарника зеленые стручки гороха и ем их с жадностью. Стоявший подле меня человек повел меня к бобам и нарвал их, подал мне. Я оторвал один боб и, облупив его, начал есть его. Вдруг слышу, что снизу идет царский духовник и член Синода Бажанов и с кем-то громко разговаривает. Мне стало совестно, что я без спроса ем чужие плоды; и я побежал во всю прыть, но уже не по саду, а по какому-то подземельному коридору. Бажанов послал за мною в погоню одного человека. Он схватил меня и привел к духовнику, который при входе моем сидел за столом и экзаменовал каких-то учеников, а мне сказал, что я виноват не в том, что ел плоды, а в том, что трусил и побежал. Я посмотрел на какие-то тетрадки и вышел из горницы.

НВ. Сон предвещал, что духовные власти не позволят мне провести лето в Ораниенбауме у великой княгини. Так и было. Митрополит Григорий, по совещанию с Синодом, запретил мне это. Поп Бажанов наустил его против меня.

б. Где-то вижу великую княгиню Елену Павловну в горнице, сидящую на стуле во всем великокняжеском наряде с голубой лентой через плечо, и жалуюсь ей на притеснения, какие терплю. Она весьма милостиво сказала мне: «Я буду просить императрицу, чтобы она приняла вас под свою защиту».

НВ. Действительно, ее величество защищала меня от нападающих.

в. Я будто в Иерусалиме на площади у Яффских ворот и вижу два дома, ярко освещенные солнцем. Один из них достраивается. Но лицевая стена его с тремя разноцветными

колоннами пошатнулась назад. А на балконе другого дома стояли люди с детьми. К сему дому подходит великий князь Константин Николаевич с сыном, одетым в русскую рубашку. Князь без шляпы, почти лыс, в синих очках и в летнем сюртуке из верблюжьей шерсти, поворотился лицом ко мне, издали посмотрел на меня и исчез. А подле меня очутился высокий и смуглый мужчина, как бы австрийский консул г. Пиццамано. Я спросил его, не князь ли Константин прошел? «Он», – ответил консул и сказал мне несколько слов о том, что меня ожидают в Иерусалиме.

НВ. Действительно я был в этом св. граде в 1860 году, а в.кн.Константин с сыном Николаем богомольствовал там в 1859 году. То и другое я предвидел во сне. В 9 день июля 1857 года обер-прокурор Синода А.П. Толстой говорил мне, что его высочество желает видеть меня лично. Фрейлина Эйлер писала мне из Ниццы, что его высочество благосклонен ко мне.

9, суббота. Снилось, будто в св. ворота лавры въезжают две погребальных колесницы, одна за другой.

НВ. Что же? В 11 часов я поехал к фрейлине Анне Федоровне Тютчевой и видел двух покойников, которых везли в лавру. Не знаю, кто они.

22, пятница. Снилось, будто из комитета духовной цензуры прислали мне рукопись мою о Синайских письменах. Я пересмотрел ее с конца и заметил, что в середине три страницы зачеркнуты красным карандашом, а далее к началу много поправок, которых я не мог разобрать.

НВ. Эта рукопись одобрена 18 февраля, но мало что зачеркнуто в ней красным чернилом.

23, суббота. Ночью под этот день снилось:

Я очень долго говорил синодальному обер-прокурору графу Толстому о том, что тяжело мне терпеть порицание и быть удалену от священнослужения в Иерусалиме. Граф рукой давил мне грудь так сильно, что я едва перемогал боль в ней, и своими руками отводил от нее железные пальцы его. Он проговорил мне: «Я дал вам аттестат». Я же возразил: «На что мне аттестат ваш? Есть Бог, Который один дает верное свидетельство

душам». Не помню всего. Но разговор мой с ним был очень длинен.

Апрель, 11, четверток. Ночью под этот день снилось, будто я в какой-то семинарии стою в классе. Вдруг входит туда императрица Мария Александровна, одетая в черное платье, но низенькая, бледная, худенькая и не похожая на государыню, и начала ходить вдоль стола, за которым сидели ученики, как бы ободряя их, потом исчезла. Исчезли и ученики. Остался я один. Вдруг входят туда два царевича, Алексей и Владимир, первый позвал меня к императрице. Иду за ними из комнаты в коридор, и отсюда поворачиваю направо в горницу ее величества. Тут много дам и кавалеров, и какие-то знатные греки и гречанки. Императрицы нет. Спустя несколько минут она вышла из боковой горницы и подошла ко мне. Мы поцеловали руки друг у друга. Она говорила мне что-то, но я призабыл: помню только, что она говорила о какой-то поездке. Потом она села за столик, на котором лежала книга, и под звуки отдаленной музыки ударяла пальцами по этой книге, разинув ротик свой. Я сел на кресло. Дамы и кавалеры молчали. Против меня сидел какой-то грек с черными, густыми и союзными бровями, он ничего не говорил.

NB. Фрейлина Тютчева поднесла императрице мои путешествия на Синай и по Египту и Восток христианский. Египет и Синай в картинах. А министр Горчаков говорил мне, что ее величество желает меня видеть, если я поеду в Иерусалим.

25, четверток. Утром сегодня снилось:

1. Покойный в.кн. Константин Павлович в зеленом вицмундире военном с блестящими пуговицами, но без эполет, похожий на бывшего одесского градоначальника Левшина, осматривал вместе со мной Одесскую семинарию. Оба мы ходим по комнатам так, что князь обхватил меня поперек, а я обхватил поперек его. В обширной комнате спали семинаристы на кроватях. Я, идя подле кроватей вдоль комнаты, заметил князю, что прежде полы были крашены, а потолки расписаны живописью. В эту минуту я взглянул на потолки: они оштукатурены и побелены; но инде проглядывала прежняя желтая краска. В другой срединной комнате я видел деревянный узорчатый потолок с живописью. Когда из обширной комнаты я

ввел князя в другую горницу, тогда сказал некоторым ученикам: «Это в.кн.Константин Павлович». Они, молча, благоговели. После сего оба мы вышли из семинарии. Конца сновидения не помню.

NB. В этом сновидении своеобразно повторилось вот что. В марте месяце сего года 29 дня чиновник в.кн.Константина Николаевича Борис Павлович Мансуров за тайну объявил мне, что его высочество думает основать в Севастополе восточную академию, в которой ученики учились бы восточным языкам и после выучки служили бы на Востоке агентами Одесского пароходного общества и послать меня в Крым в сане епископа. Но эта дума его не осуществилась; помешал ему канцлер Горчаков, поставивший на вид государю, что агенты его высочества, не завися от нашего министерства иностранных дел, могут занимать наших посланников и консулов на Востоке. Таким образом, и я не попал в Крым.

2. Я очень долго говорил с синодальным обер-прокурором гр.Толстым в доме его: но что говорил, всего не помню. Памятно только вот что: граф сказал мне, что ректором С.-Петербургской Духовной Академии назначен архимандрит Фотий. Когда я сказал ему, что все семинарии надобно спалить, как вместилища распутства умственного и нравственного, тогда граф почернел, как уголь. Сквозь черноту лица его просвечивала краснота, похожая на цветность застывшей крови. Он ничего не сказал мне, но я насквозь видел душу его и понимал, что он гневается на меня за то, что я резко выразился о семинариях, состоящих под начальством его. Однако лицо его скоро изменилось и сделалось весьма бело и приятно, но получило уже другой оклад и вид. Он встал и начал приглашать меня закусить что-нибудь. Я отказался, потому что было полночь. Он не принуждал меня. Я простился с ним, но прощаясь подумал, как я пойду домой так поздно. Меня возьмет дозор. (Конец).

NB. Граф Толстой переменял свое мнение о мне и 30 мая сказал мне, что он желает, чтобы я ехал в Иерусалим на службу. Однако меня не послали туда.

А в помянутую академию назначен архимандрит Феофан, тот самый, который при мне был членом нашей духовной миссии

в Иерусалиме с 1847/8 по 1854 год.

Июнь, 15, суббота. Ночью под этот день снилось, будто я с какими-то духовными лицами, неизвестными мне и закрытыми туманом, еду в большой лодке по Черному морю в какой-то залив его. Когда лодка, никем не правимая, ни на парусах, ни на веслах, и сама собой вошла в морской залив, похожий на широкую реку, постепенно суживающуюся, я увидел недалеко от устья огромный новый фрегат, только что обитый тесом, но без мачт и без всякого вооружения, а вдали усмотрел мост, устроенный на каменных устоях в заливе. Под этим мостом видно было сильное течение воды к устью залива. Вода имела цветность вороненой стали. В заливе было тихо и не светло, как бы перед утром. Я удивлялся тому, что проточный родник Черного моря очень мал и узок, и говорил сам себе: «Вот какова мать морей, Palus Maeotides!». На обеих сторонах залива было пусто. Берега его казались высоки. Когда наша лодка подъехала к фрегату, я тотчас выпрыгнул из нее на новую деревянную лестницу, спущенную с него к воде, а лодка подалась к другой лестнице, старой и грязной. Спутники мои начали восходить по ней на фрегат, а я, нагой, стал взбираться по своей лестнице, и чем выше поднимался, тем крепче держался руками и ногами за сквозные ступеньки ее, боясь упасть в море, наконец очутился на палубе фрегата близ кормы его, тогда как спутники мои остановились у носа его. Тут они исчезли. Подле борта, где я стоял, была будка; и тут какой-то солдат объявил мне, что капитан не пустит меня на фрегат, если я не спущусь по лестнице до той ступени, с которой взошел на фрегат, и если не пройду по всем ступенькам ее. Я ничего не сказал ему и спустился вниз, но на фрегат уже не восходил.

NB. Министр иностранных дел Горчаков и синодальный прокурор 30 мая изъявили желание, чтобы я послужил в Иерусалиме под начальством избранного туда одесского викария епископа Поликарпа в надежде быть и преемником его там. Но последовало иное солдатское распоряжение, по которому Поликарп возвращен в Одессу, а на его место избран архимандрит Кирилл, я же спущен с фрегата назад. Итак, залив Черного моря есть Иерусалимская церковь малая и слабая,

новый фрегат – новая миссия наша, снаряжаемая во св. град, старая и грязная лестница – ничтожное значение этой миссии, которая сделана панихидной, тогда как первая миссия там была ученая и заведовавшая палестинскими школами.

17, понедельник. Перед утром снилось: жена австрийского консула в Иерусалиме господина Пиццамано играет на фортепиано. Я стою позади нее, но звуков не слышу, а вдали на просторном и ярко освещенном месте вижу множество лошадей, русских мужиков и какого-то чиновника в суконном сюртуке без шляпы, среднего роста, белокурого, с приятным лицом. Этот человек глумился надо мною; но как? не помню. Зубы у него не длинные, но широки. Вдруг подле меня очутился Пиццамано с несколькими чиновниками. Он одет был в военном мундире. Густые золотые эполеты покрывали широкие плечи его и блестели очень ярко. Георгиевская лента первой степени украшала грудь его. Прочие чиновники были также в военных блестящих мундирах. Ни он, ни они ничего не говорили мне, и смотрели на меня мило. Госпожа Пиццамано продолжала играть. Но звуков я не слышал. На левой стороне от нее стояли и сидели многие чиновники. Между ними я заметил секретаря нашего посольства в Константинополе Халчинского. Вдруг госпожа Пиццамано в каком-то восторге встала со стула и подняла руку кверху, растопылив пальцы. Все что-то говорили в похвалу ее, но так, как будто она хорошо воспевала мои доблести. И вот человек, которого я видел вдали, перестал глумиться и начал хвалить меня. Конец сновидению.

NB. Глумившийся надо мной чиновник есть Борис Павлович Мансуров, который, как сам говорил мне, проживая в Иерусалиме, долго сердился на меня, будто бы ничего полезного не сделавшего для Палестинской церкви, но в посольстве нашем, которое во сне моем представлял секретарь Халчинский, узнал мою деятельность, полюбил меня и напечатал хвалу мне.

22, суббота. Утром снилось: где-то в длинной горнице я обедаю у в.кн. Елены Павловны. У середины стола, подле меня, слева сидит синодальный обер-прокурор Толстой, подле него в.княгиня и нижегородский архиерей Иеремия, а справа от меня – княгиня Одоевская, напротив же меня сидят фрейлины Эйлер

и Раден. Прочие особы не известны мне. В горнице светло, как днем. Фрейлины разговаривали между собой громко и весело. Великая княгиня обратилась к ним и сказала: перестаньте разговаривать, когда здесь есть другие. Фрейлины замолчали, побледнели и изменились так, как будто на месте их оказались другие незнакомые мне особы; но я чувствовал, что сидят они. Я потупил глаза. Между тем слуга подавал на блюде жаркое. Смотрю и вижу: преосвященный Иеремия взял большой кусок баранины. Граф Толстой удивился, что он ест мясо. Великой княгине не подавали этой снеди. Когда очередь дошла до меня, я начал брать вилкой кусок баранины, но не мог отделить от другого куска, и потому свалил на тарелку свою другой кусок телятины, но не ел его. Потом другой служитель подал мне пшеничный хлебец. Я ничего не ел, и никто ничего не ел. А фрейлины разговаривали шепотом. Одна из них, весьма бледная, уж будто не Раден, склонила голову свою на подушку и что-то тихо говорила соседке, уж будто не Эйлерше, а какой-то белокурой и немиловидной девице шадровитой. Вдруг гр. Толстой исчез, и на месте его подле меня очутился епископ Иеремия, черный как уголь; но и он быстро встал из-за стола и исчез. Я же смирно сижу и в руках держу и рассматриваю какую-то большую чашку фаянсовую сине-зеленоватого цвета. Внутри ее дирочка, снаружи замазанная тем же фаянсовым веществом. Великая княгиня немного придвинулась ко мне. На ней шелковое клетчатое платье. Простерши по столу, ближе ко мне, всю правую руку свою, она сказала мне: «Читали ли вы стихи того поэта, который описал красоту двадцатилетней кошки?». Княгиня Одоевская возразила ей: «Какая может быть красота у такой старой кошки?». Я подхватил: «Поэт описывал ее в пору ее молодости». После сего в.княгиня обратилась ко мне лицом и сказала: «Вас назначают в Константинополь». Я посмотрел на нее печально и увидел, что губа ее необыкновенно тонка и так прозрачна, что видны были синие жилочки. Она поняла печаль мою и проговорила: «Что же делать с дураками?». Затем все и всё исчезло.

NB. Старая кошка это – викарный епископ Поликарп, которого прочат на мое место в Иерусалим. Воспевший его поэт

– гр. Толстой. Дураки не назначили меня и в Константинополь.

30, воскресенье. В три часа пополудни я заснул и видел сон: будто в.кн. Екатерина Михайловна приехала ко мне в родительский дом мой в Костроме. Я проводил ее в сад и тут под густую сень вишен, а сам побежал готовить чай, но как-то очутился вне палестинского города Яффы. Тут встретил меня покойный отец мой, и будто и не он, и говорит мне: «Поди, купи рыбы». Я сказал ему: «Не до рыбы! Ко мне приехала в.княгиня». После сего я быстро воротился домой и побежал в сад свой. Вхожу в вишневую аллею. В ней стоит палатка с тремя отделениями. В первом нет княгини. А палатка обита разноцветными материями. Перехожу во второе отделение через распашную шелковую дверь, и тут нет ее. Иду в третье отделение. Здесь много людей, и она. Я сел подле нее на стул и вижу, что нос у нее велик, и будто не она. Удивляюсь, что она не похожа на ту Екатерину Михайловну, которую я видел в Ораниенбауме, но сознаю, что это она. Слышу: люди поют, запела и великая княгиня мужицким голосом русскую песню, как поют русские песенники, долго протягивая последний звук, самый высокий. Потом она сказала мне: «У меня болит голова. Я хочу чего-нибудь кислого». Я побежал в дом и у сестры своей и матери взял малину и еще какие-то плоды; прибежал в палатку и лег на диван в первом отделении ее, как бы ожидая княгиню. Она подошла ко мне и сказала: «У меня болит голова». Я взял ручку ее и начал гладить ее. Княгиня спустя несколько минут будто почувствовала большую силу моего магнетизма и сделала вид, что не хочет, чтобы я гладил ручку ее. Тогда я начал стучать по мякишам пальцев ее. Конец.

NB. Сон предвещал, что в.княгиня позовет меня к себе. Действительно, 1 мая 1858 года я представлялся ей в Михайловском дворце, где комнаты обиты разноцветными материями, на которых видны цветы и деревья, как аллеи, а двери занавешены шелковыми занавесями. Она была очень бледна после тяжелой болезни. Я сидел против нее на стуле. Она жаловалась на суеверие русских. Вот, и русская песня мужицкая! Она просила молитв моих.

Я благословил ее; вот и стук по мякишам пальцев! Итак, это событие предвидено было мной ровно за 13 месяцев.

Июль, 9, вторник. Ночью под этот день снилось: я будто еду верхом на большой черной собаке. Она бежит бойко и скоро. На пути я рву черные ягоды, как бы гонобобель и черные сливы и ем их. Наконец, я приехал будто в Киевскую лавру и, слезши с собаки, поцеловал ее в голову и погладил по груди. А она смотрела на меня весело. Потом я спустился в какое-то подземелье, разделенное коридором на две половины. Тут по обе стороны коридора кельи покрыты очень плохо. Удивляюсь этому и говорю сам себе: ужели это лавра? Вошел я в одну келью и застал тут архимандрита Петра, бывшего профессора киевской семинарии Платона Троицкого, который гостил у меня в Иерусалиме. Он умывался. Я поздоровался с ним, ничего не говоря, потом вошел в другую келью на противоположной стороне. Тут кто-то подавал мне другие черные плоды. Но не ел их. Конец.

NB. Сон предвозвестил мне отдаленное событие; в 1865 году я рукоположен в архиерейский сан как викарий киевской епархии, а жил в Михайловском монастыре, в котором викариатский дом разделен на две половины узким и несветлым коридором. Комнаты же оказались невзрачны. Я переделал их. Черные плоды означали перевод меня в московский Новоспасский кладбищный монастырь.

17, среда. Ночью снилось:

Сажу в большой барке на Черном море и вижу, что у берега в челнах стоят две девицы, облитые светом, одна брюнетка, другая белолицая, и стоят подле тончайших низких мачт, на которых развиваются черно флеровые флаги. Обе они смотрят в небо и как бы молятся. Когда они исчезли, я обратил внимание на свою барку. В ней появилась какая-то женщина в белом платье, спросила меня: поднимет ли ее лодка, и исчезла. Я с борта взглянул на величину лодки и, увидев, что она весьма длинна, широка и обшита новым тесом, подумал, что она поднимет женщину. Потом гляжу на синее море; оно спокойно. Цветность его – цветность вороненой стали. Подле барки моей стоит в тумане большой корабль. Барка моя поплыла без паруса,

без весел. Никого на ней нет, кроме кормчего и меня. Я сижу близ носа и вижу, что через края барки, движущиеся в уровень с морем, начала вливаться в нее вода. Барка немного погружается, но едет тихо. Я не боюсь и только говорю сам себе: почему бы не приставить к краю барки высокую ширму из парусины. После сего я очутился в доме нашего посланника Бутенева в Константинополе. Он, я и еще какой-то незнакомый монах супротив меня, сидим мы за обеденным столом. Я ничего не ем. Ко мне подошел лакей и налил в высокий и широкий стеклянный бокал белое чистое вино до половины. Я не пил его. А Бутенев сказал мне, что из Тибета назначены студенты в Иерусалим, а меня назначают в Тибет начальником миссии. Я ответил ему: «Ни за что в свете не поеду туда». «Вас понудят ехать», – возразил Бутенев. «Скорее позволю расстрелять меня, нежели соглашусь ехать туда», – сказал я. Тогда Бутенев кротко проговорил: «Но вам нужна постепенность». Конец.

NB. Две девицы – две судьбы мои; настоящая судьба – черная, а будущая белая. Новая барка, плывущая по морю, – мое священнослужение в архиерейском сане в Киеве. У Бутенева я обедал в Константинополе в 1858 году. Несбыточность миссии в Тибете означала несбыточность возвращения в Иерусалим в качестве начальника нашей духовной миссии.

20, суббота. Снилось: где-то в большой незнакомой мне горнице я стою подле двери у фортепиано. Тут появился протопресвитер Василий Бажанов. Я приветствовал его поклоном. Он сказал мне: «Вы назначены ...» (не помню назначенной должности). Я возразил ему: «Что же я буду делать там? Ужели продавать угли?». Бажанов ответил мне: «Переменить назначение нельзя; вам нужна постепенность». Конец.

NB. Опять предуведомление о том, что меня не пошлют в Иерусалим.

28, воскресенье. Утром часов в шесть снилось, будто духовник царя Бажанов написал надгробное слово митрополиту Григорию. Я вижу это слово. Оно написано на белой почтовой бумаге зелеными чернилами, по-французски. Читаю: «Покойный

был гостеприимен, как Авраам». По прочтении сих слов вижу митрополита Григория. Он в какой-то горнице сидит на стуле без клобука, с открытой головой, в рясе. Никого нет около него. Лицо его бело и хорошо. Кто-то невидимый спросил его: «Каково тебе в другом мире?». Он отвечал: «Не дурно, только я глумлюсь над словами: σήλω, προσήλω, – „снисшел еси”». Конец.

NB. Сон предвещал близкую смерть митрополита, нерасположенного ко мне. Странны слова: σήλω, προσήλω. Их нет в греческом языке. Но ежели они русские, то значат, что Верховная Сила попросит его сойти с кафедры.

31, среда. – Снилось, будто император Александр, супруга его и я, мы стоим на горе, ниже Елеона, при пути в Иерихон. Кто-то показывает нам на выпуклой карте ширину и толщу гор. Они волнисты, а у Иерихона отвесно-скалисты. Император поцеловал свою супругу, а мне ничего не говорил. И я не говорил с ним. Вдали, у самого Мертвого моря, слышен был глухой залп из ружей. Я подумал, что выстрелили бедуины. Конец.

NB. Молчание императора означает несогласие его послать меня в Иерусалим начальником миссии. А залп? Сегодня в «Северной пчеле» напечатано, что наш посланник Бутенев прервал дипломатическое сношение с Оттоманской Портой. Вот и залп!

Август, 3, суббота. Ночью под этот день снилось. Среди какой-то будто бы Архангельской церкви в Иерусалиме стоит севастийский архиепископ Фаддей в саккосе без омофора и без митры, старый, седой, тощий, и держит в руках раскрытый Апостол греческий, но не знает, как читать его. Я подсказывал ему: *Πρὸς Ἐφεσίους ἐπιστολῆς ἁγίου ἀποστόλου Πάυλου τὸ ἀνάγνωσμα*³⁸. То же подсказывал ему и монах Прокопий. Но он не сумел проговорить этих слов, как будто у него нет памяти и как будто он не живой. Потом он подошел к св. трапезе, на которой стояла поясная икона Богоматери. Но опять оказалось, что он не умеет священнодействовать. Я учу его; он не понимает. Тогда я стал показывать ему пальцами, как надобно петь литургию, и будто на фортепиано начал извлекать звуки из какого-то клейкого вещества, похожего на клей вишневого

дерева, или на подобоцветный кисель густой. Слышались слабые звуки³⁹

Фаддей, услышав эти звуки, обрадовался и проговорил: «Вот как надобно петь литургию!» – и исчез. А я очутился у южной стены храма. Тут и во всем храме сидело много арабов православных. Вдруг вошла туда какая-то арабская госпожа в соломенной шляпке с широкими полями и в нарядном платье и стала у царских врат, поближе к образу Спасителя. Я смотрю на нее. Волосы ее черные, как смоль, распущены как у священника; лицо смугловато с тонкими чертами, побито оспой, миловидно, руки белые, но пальцы толсты. Вдруг у этой женщины появилась черная борода. Потом сама она превратилась в мужчину и в обыкновенной арабской одежде стала спиной к иконостасу у края царских врат и сказала: «Я хочу проповедовать». И прочие арабы, не все, проговорили: «И я, и я, и я хочу проповедовать». Но один араб, сидевший подле меня на полу, сказал им: «Если вы станете проповедовать, то с вами будет то же, что с о. Порфирием». Я понял эти слова так, что знание ныне не придает чести, и сказал этому арабу: «Точно, вы будете то же, что и я».

NB. В этом сновидении Фаддей представлял избранного в Иерусалим нашего епископа Поликарпа, которому не судил Бог служить там литургию. В 15 день августа канцлер устранил его, как неспособного. А кого означала арабская госпожа? Означала Палестинскую церковь. Всякий, кто назначается туда, испытает горе, подобно мне.

5, понедельник. Ночью снилось, будто я еду с кем-то в карете дорожной. По левую сторону дороги идут служившие в Иерусалиме под начальством моим студенты Соловьев и Крылов и служитель мой Иван. Этот домочадец на голове своей нес книги, будто купленные в этот же день. Перед отправлением же в дорогу студент Соловьев из какого-то дома говорил мне: «Не пожалейте о том, что вам не довелось жить здесь».

NB. Этот сон предвещал устранение меня от Иерусалима, в котором я в 1853 году выстроил новый дом, а жить в нем не жил.

8, четверток. – Утром снилось, будто я в церкви Зимнего дворца выхожу из алтаря с потиром во время великого выхода, но не в полном облачении, и вместо имени императрицы

царствующей произношу имя государыни вдовствующей; чувствую смущение от ошибки своей, потом вхожу в алтарь и ставлю потир на св. престол. Пока прочие сослужащие возглашали прочие имена царской фамилии, я в боковой комнате начинаю торопливо облачаться во все ризы. Кто-то надел на меня белый подризник и отдал мне парчовые поручи новые и вышитые ярким золотом, но они оказались очень велики. Однако я скоро завязал их; завязавши же, слышу, что священники уже оканчивают литургию, не дождавшись моего выхода. Это не смутило меня. После сего я вдруг очутился в квартире воспитателя наследника престола, Владимира Павловича Титова. Сажу против него за столом и держу два лоскутка бумаги, исписанные моей рукой карандашом. Дочь его Мария встала и, поклонившись мне, исчезла. Я свернул лоскутки бумаги. А Титов сказал мне: «Срезались вы сегодня, хоть и не намеренно, но подумают, что вы человек непостоянный». Конец.

NB. В 16-й день августа сего года в дворцовой церкви члены св. Синода говорили о мне по случаю выбора епископа нашего в Иерусалим. Митрополит Григорий избрал меня. Но протопресвитер Бажанов заявил, что государю не угодно назначать меня в св. град. Выбран был архимандрит Кирилл, инспектор С.-Петербургской Духовной Академии. И так я срезался!

10, суббота. – Ночью под этот день снилось, будто я осматриваю какой-то музей или дворец. Он небогат. Комнаты узки. Некоторые из них меблированы, а в прочих расставлены каменные вазы и камни с надписями на разных языках. На одной вазе я мимоходом заметил выпукло изваянный Образ Спаса Нерукотворенный. Отделка его изящна. Оттуда я вышел на поле и очутился на гнедом коне. Еду верхом на нем, он, без узды, скачет весьма легко. Я не чувствую ни малейшего потрясения и дивлюсь полету коня, который начал спускаться к реке по дороге глинистой. Тут я взнуздал его веревочкой. Он захватил ее зубами и у берега исчез. А я кого-то спросил, как называется эта река. «Буг», – ответил мне незнакомец. Я присмотрелся к ней, и мне показалось, что я подъехал к тому месту сей реки, с которого переправился через нее в 1843 году⁴⁰. Смотрю на нее.

Свет обливает воду. А по ней идет весьма длинный пароход, но очень медленно, потому что нагружен какими-то мешками. Конец видению.

NB. Кажется, оно предвещало мне путешествие мое на Восток.

Сего же дня, в четвертом часу пополудни, снилось:

Я в зале митрополичьего дома, что в Александро-Невской лавре, сижу у окна и разговариваю с кем-то. Как только я сказал собеседнику: «Да и покойный митрополит Никанор говорил...», вдруг вместо собеседника очутился этот митрополит в святительской мантии, без омофора и митры, с открытой головой и, сказав мне: «Ты заикнулся о мне», – встал и отошел в угол залы. Я за ним, и митрополит Григорий пошел за ним. Тут же показался товарищ мой по академии Андрей Лазарев. Все мы начали молиться на коленях. Я пламенно молился, приная челом к земле. То же делали и оба митрополита. По окончании молитвы оба святителя, Григорий в рясе и клобуке, Никанор в архиерейской мантии, сели в углу у окна, подле входа в кабинет. Григорий о ком-то сказал Никанору: *Πρέπεις γὰρ εἶναι* мужикос αὐτός⁴¹. Я удивился, что митрополит заговорил по-гречески, и отошел к двери залы. Тут сидел инспектор академии архимандрит Кирилл, и профессеры ее стояли. Никто ничего не говорил между собой. Вдруг Никанор сел у двери, ведущей на балкон с западной стороны дома и, взглянув на меня, сказал: «Вы назначены», – но не досказал, куда; я громко проговорил: «Да это покойный митрополит Никанор, как же он жив?». Профессеры взглянули на меня и подумали, что я помешался в уме. Но я не сробел и начал просить Никанора: «Походатайствуй о мне; я скорблю о том, что скорбит мать моя; скорблю о том, что не имею покоя. Силы мои изнемогают в душной и холодной келье». (Прочее забыл). Конец.

NB. Сон вещий! Поликарп, как мужик, отставлен. А на место его в Иерусалим назначен архимандрит Кирилл. Он сидел у двери, т.е. на пути в Святой град. А я же куда назначен? *Dies docebit*⁴².

25, воскресенье. Ранним утром снилось: где-то по деревенской дороге глинистой, но сухой, ярко освещенной

солнцем, кто-то везет мои вещи на простой телеге; а я, нагой, иду впереди. Как только я спустился с покатоности, вижу малую рытвину у подъема на противоположную высь и думаю: как проедет тут телега; не изломаются ли передние колеса ее. Но возница, сидя на козлах, быстро спустил телегу и через рытвину въехал на высь благополучно. Тогда я, нагой, побежал по дороге неимоверно быстро, махая руками, как бы длинными крыльями, и не касаясь земли. Вдали вижу селение и налево от него реку. Я перестал бежать и, подогнув ноги, отнесся по воздуху, но очень медленно. Телега моя исчезла. Несусь в селение. На дороге сидят женщины. А на самой середине ее сидит очень молодая и прекрасная девица, покрытая белым платочком. Мне стыдно, что я наг. Я сказал женщинам: «Посторонитесь». Они посторонились и скрылись. В селении никого не видать. Оно будто не русское; да и женщины будто хохлушки. Я пронесся по воздуху у берега реки, которая казалась весьма синей. Вдруг потемнело. Опять я пронесся по воздуху как бы над грязным и тенистым местом и коснулся ногой хвороста. Откуда взялась мать моя и, сказав мне: «Куда ты идешь, тут грязно», – подняла хворостину из под ног моих. Ствол ее был загрязнен; но верхушка вдруг выпустила листья виноградной лозы. Конец.

NB. Сдается, что сон этот предвещал мне викариатство в Киеве хохлачком, у синего Днепра. А прекрасная девица?? И она не призрак ... М.Т.

27, вторник. Ложась спать ночью под этот день, я пламенно молил Бога открыть мне будущность мою и подумывал о назначении меня в Иерусалим или куда бы то ни было. А ранним утром снилось:

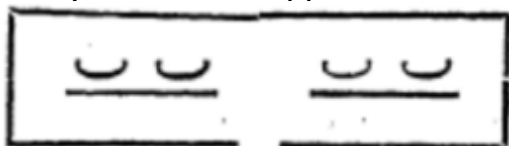
Моя родная тетка, Ольга Степановна, сидит на голой земле в сумерки. Я подошел к ней и вижу подле нее маленький росток деревца, показавшийся из земли. Стволик его – тонок; листочки на одной стороне – весьма зелены; их не много, как на прозябшем жезле Аарона; цвет коры – темно-коричневый, рост – не более четверти аршина. Любуясь им, я думал, что это – расцветшая из сухого прутика маслина. У этого ростка стоял котенок черно-дымчатый. Тетка моя начала давать ему щелчки в

голову. Котенок не пищит, а только склоняет голову свою к земле. Наконец он после нескольких щелчков отбежал от тетки моей, перевернулся, и начал вытягиваться, цепляясь когтями за корни иссохшего былья. Эти корни выдираются из земли. Котенок превратился в черную кошку. Темные глаза ее блестят и смотрят на меня. Конец.

NB. Думаю, что расцветшая маслина означает перемену моей судьбы худшей на лучшую. Вот уже в другой раз я вижу расцветание сухой ветви. Явно, что я расцвету в Церкви Божией. Слава и благодарение Богу!

Сентябрь, 6, пятница. Утром снилось:

Где-то, как бы в Иерусалиме, как бы не там, я в каком-то незнакомом месте вижу дом в один этаж. Вхожу в него и рассматриваю это здание. Вот и план его:

Лицевая стена складена из красных камней и неоштукатурена. Деревянной двери еще нет. Внутри первая стена поднята высоко, но не до потолка. Я вошел в середину здания. Оно состоит из одной комнаты, переделанной после ломки внутреннего простенка, который разделял его на две половины. Стена налево изрыта. Я думаю, какой бы краской окрасить эту комнату, – и вижу, что левая стена вверху голубовата, внизу желта, да и прочие стены желты. Решаюсь удержать желтый цвет. Потом я взошел на поставленные тут леса и увидел на длинной золотой цепочке лампаду, хорошей работы, без стекла. Наконец, я стал в сенях и долго любовался тут деревянными полукругами, висевшими от пола до потолка, и увенчанными карнизами. Над ними, на потолке, видны были круги с черной бахромой. Конец.

NB. Теперь сознаю, что во сне я видел свой викариатский дом в Киево-Михайловском монастыре, не оштукатуренный снаружи, а внутри разделенный на две половины, и в нем – портретную горницу, всю убранную деревом от пола до потолка, а также и деревянные потолки, устроенные мною в виде

квадратов, окаймленных разным из дерева кружевом, и лампы во всем доме.

17, вторник. – После двух часов пополудни я заснул и видел сон:

Какой-то не знакомый мне студент С.-Петербургской Духовной Академии, во фраке серого цвета, вошел ко мне в горницу и объявил, что я причислен к названной академии. «Что же? Надобно повиноваться начальству», – сказал я. Но вдруг явился какой-то профессор сей академии и сказал мне: «Да ведь вы должны читать естественную историю». «Странно! – подумал я, – но возможно! Накуплю книг, содержащих естествоведение, и буду витийствовать на кафедре».

NB. Этот сон есть насмешка над моим желанием быть ректором и профессором академии.

Октябрь, 1, вторник. Вчера ночью, после обычного молитвословия, я пламенно просил Утешителя открыть мне будущность мою. А утром снилось.

Будто я, один, плыву на пароходе по какому-то морю между извивистыми скалами невысокими. Пароход, невидимо кем правимый, весьма быстро проходил между этими скалами, инде избоченясь. Я удивлялся искусству невидимого кормчего. Пароход остановился вдали от какого-то берега, не знакомого мне, и я очутился у деревянной пристани, похожей на пристань Ораниенбаума. Тут стоял другой пароход носом к берегу. На нем толпился народ; многие всходили на него, взшел и я, но один молодец остановил меня и спросил билет мой. Я, одетый в светское платье, сказал ему, что билет мой потерян. Тогда он начал высылать меня с парохода. Напрасно я говорил ему, что я – архимандрит и имею ордена. Он отослал меня к какому-то начальнику испросить позволение. Я тотчас побежал и отыскал сего начальника среди толпы. У него на груди была звезда. Он позволил мне сесть на пароход и даже пошел впереди меня, но так быстро, что я едва догонял его, летя по воздуху и махая руками, как крыльями. Пароход исчез. Начальник опередил меня, сел на санки, и скрылся из виду. Остался я один. Ко мне подошли две деревенские женщины. Я спросил их: «Далеко ли до Петербурга?». «Триста верст, – отвечала одна и прибавила –

а до Кронштадта только 30 верст». Исчезли и эти женщины. Я пошел далее, и дошел до какой-то церкви, которая построена на весьма высоком и крутом холме, обложенном камнями большого размера. Я начал восходить по этим камням, цепляясь за них руками. Некоторые из них колебались под моими пальцами. Наконец я добрался до мелких камней, наваленных кучей, и не мог взойти выше, боясь, как бы они на рассыпались. Тогда я спрыгнул вниз и пошел уже по дороге, покрытой снегом. Конец видению.

NB. Пароход на море – это морское путешествие мое на Афон, в Иерусалим и Египет и в Фессалию. Молодец, не пускавший меня на пароход, это – красивый канцлер князь Горчаков, не хотевший пустить меня в Иерусалим. Начальник со звездой – это великий князь Константин Николаевич, взявший меня с бою у Горчакова в феврале 1858 года и отправивший меня на Восток вместе с Борисом Павловичем Мансуровым. Прочее непонятно.

13, воскресенье. Во втором часу после полуночи я заснул и видел во сне:

Будто в белой, длинной рубахе стою на скамье у стены в каком-то доме, похожем на церковь. Ниже меня на скамье же стоят два семинариста, которые пели в управляемом мною хоре костромской семинарии. Мы не поем, но ожидаем кого-то. Я вижу много народу в церкви, но в потьмах или как бы в сумерки. Народ молчит. Вдруг раздался голос, говорящий: «Государь идет». Тогда скамья моя сама собой повернулась к окну, описав полукруг по полу. Смотрю в окно и вижу множество почтовых лошадей, запряженных цугом попарно, в четыре в ряд и более. Цуг этот был весьма длинен. Я удивился этому. Потом вижу громадные сани под черным лаком. В них сидит покойный государь в шинели серого цвета и в каске, откинувшись к задку саней. Лицо его было закрыто рогожкой, сплетенной из соломы, потому что была зима. Подле него сидела супруга его Александра Федоровна в черной мужской шинели, невоенной, с высоким стоячим воротником на меху, и в военной каске черного цвета. Она от холода наклонилась вперед, как будто озябла.

Вдруг поезд этот исчез. А я с певчими запел: «Благообразный Иосиф с древа снем...», но не dokonчил сего песнопения.

НВ. Ясно, что сон предвещает близкую кончину государыни императрицы. Помяни ее, Господи, во Царствии Своем. Она была хорошая христианка, верная супруга, добрая мать, хорошая царица.

Ноябрь, 3, воскресенье. Видел во сне свои ноги, вымытые очень бело.

Значит: уеду отсюда.

12, вторник. Утром снилось, будто арабские священники в Иерусалимском храме пели: «Исаие, ликуй». Потом я был у императора Александра Николаевича, и он сам надел на меня панагию, большую и круглую, но не ценную, и ничего не сказал мне. От него я вышел в боковую комнату. Тут было много людей и монахов. Я подошел к рижскому архиепископу Платону и, радостно показав ему панагию, сказал, что сам государь надел ее на меня; но он проговорил мне: «Да ведь министр иностранных дел дает панагии». «Как министр», – возразил я. «А в древности, – продолжал Платон, – панагии раздаваемы были скевофилаксами». «Не знаю, не слыхал, поеду и справлюсь», – отвечал я.

НВ. Сон этот сбывся. Я – архиерей, но не с ценной панагией, потому что викарный, что касается до Платона, то он, первый, лично поведал мне, что св. Синод решил рукоположить меня в сан епископский и послать в Киев викарным.

Декабрь, 7, суббота. Утром снилось, будто я еду в коляске с кем-то и догоняю переводчика Иерусалимской миссии Фадлаллу Саруфа. Догнал его.

НВ. В 1860 году, в феврале месяце, Фадлалла выезжал на встречу мне в г. Яффу, и я с ним прибыл в св. град Иерусалим.

13, пятница. Утром снилось:

Где-то московский митрополит Филарет, одетый, не помню во что, ножницами стриг мои волосы выше чела, так что выстриг большую лысину. Я как-то раздвоился и, стоя подле Филарета, видел другого себя стригомого. У этого двойника моего глаза блистали весьма приятно, а выражение лица было миловидное. Я сознавал, что меня расстригают, и молился: «Сердце чисто

созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей; не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отыми от мене»⁴³. Подле двойника моего стоял митрополит Григорий в рясе и черном клобуке, но не участвовал в пострижении меня.

Это сновидение не имело конца.

NB. Как только я кончил эти строки, ко мне пришел Андрей Николаевич Муравьев, приятель Филарета, и поведал, что московский владыка хлопчет в азиатском департаменте об определении меня к нашей посольской церкви в Константинополе.

Итак, вот кто стрижет мой лоб. Но в Константинополь не назначили меня по милости Горчакова. Я и рад этому!

20, пятница. Снилось, будто я сижу у великой княгини Екатерины Михайловны и разговариваю с ней о Николае Чудотворце, ходя с нею по горнице.

NB. Действительно, 1-го мая 1858 года я разговаривал с нею между прочим о чудотворных иконах.

22, воскресенье. Вчера вечером я думал о крещении кавказских горцев, а сегодня утром снилось: спя тонким сном, я говорю сам себе: «Шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа»⁴⁴.

Январь. День 1. Господи сил, со мною буди. Инаго бо разве Тебе помощника в скорбех не имам. Господи сил, помилуй мя.

Во второй, третий, четвертый и пятый дни у меня болело горло и трясла меня лихорадка, но во все это время я занимался сочинением записки для великого князя Константина Николаевича по письменному приглашению его, записки о наших действиях на Востоке и особенно в Иерусалиме⁴⁶. Поводом к ней послужило вот какое дело.

В начале 1857 года великий князь Константин Николаевич послал в Иерусалим статского советника Бориса Павловича Мансурова для собрания разных сведений, которые могли бы быть полезны Русскому обществу пароходства и торговли при устройстве правильного и сколь возможно частого перевоза поклонников из России к Святым местам Палестины.

Г. Мансуров, исполнив это поручение, представил его высочеству записку, в которой изложил потребные сведения. Она секретно напечатана была в малом количестве экземпляров в самом конце 1857 года (25 декабря). Число страниц в ней 209, а изложены сведения и рассуждения: 1. о русских поклонниках, 2. о нашей первой духовной миссии в Иерусалиме, 3. о католической и протестантской пропаганде в Палестине, 4. о нашей второй миссии в св. граде под начальством епископа и о недостаточности средств к выполнению обширной задачи ее, 5. о нашем пароходном обществе и 6. о денежных средствах для обеспечения наших церковных дел в Палестине, о неполитической форме нашего политико-религиозного вмешательства в дела Востока и, наконец, о нашей заботливости касательно укрепления и возвышения наших чисто русских интересов на Востоке.

Эта печатная записка министра сохраняется у меня в числе моих записок о Палестинской церкви. Выписываю из нее в настоящую «Книгу бытия моего» только то, что сказано в ней о нашей первой духовной миссии в св. граде и о мне самом и нечто о второй миссии там.

Стр. 39–58. Около 1841 года, вследствие возраставшей тогда на Востоке деятельности западной пропаганды, наше правительство сочло необходимым обратить особенное внимание на положение дел в Палестине, и тогда же был задуман план о посылке в Иерусалим Русской духовной миссии.

Целью назначения ее было:

1. Иметь в Иерусалиме как центре православного исповедания на Востоке представителей Русской церкви и образец нашего благолепного служения.

2. Преобразовать мало-помалу само греческое духовенство, возвысить оное в собственных его глазах столько же, сколько и в глазах православной паствы.

3. Привлечь к Православию и утвердить в оном те местные народные элементы, которые постоянно колеблются в своей вере под влиянием агентов разных исповеданий и слишком легко отступают от Православия вследствие недоверия к греческому духовенству и неблагоприятного поведения сего последнего.

Вместе с сим, несмотря на данное архимандриту Порфирию пышное название начальника духовной миссии, ему строго было вменено не придавать себе и своим товарищам иного характера, кроме поклоннического, не вмешиваться ни в чем в дела греческого духовенства, ограничиваться предложением советов в случае возможности, не вмешиваться в житейские дела наших поклонников и вообще всячески стараться не возбуждать подозрений иностранных агентов, дабы не подать повода к толкам о каких-либо скрытных намерениях России.

Вследствие этого двусмысленного и неясного характера, данного арх. Порфирию и его миссии, он с самого начала деятельности своей в Палестине нашелся в следующем затруднительном положении:

1. Нося явно звание представителя Русской церкви, он должен был слагать с себя это звание и вести себя, как поклонник безгласный и подчиненный местной духовной иерархии.

2. Обязанный явить перед всеми торжественное благолепие русского служения и показать на Востоке, каково должно и может

быть православное богослужение, он не нашел нигде ни своего угла для себя и для миссии, ни приличной обители, ни церкви; он должен был выпрашивать все необходимое в виде милостыни, даваемой бедному исповеданию.

3. Обязанный распространять Православие и образование в несчастной арабской пастве, поддерживать Православие в Палестине против силы западной пропаганды и исправлять ошибки западного духовенства, сознательно притесняющего арабский элемент, он нашелся в необходимости тайно, перед глазами греков и пользуясь их же гостеприимством, общаться с враждебным им народом, без всякого политического значения, без власти, так же тайно противодействовать католикам и протестантам, ведущим свою пропаганду открыто, твердо и систематически, под защитой сильных консулов и при пособии безграничных денежных средств.

Положение арх. Порфирия, в особенности к греческому духовенству, было совершенно фальшивое; ему вменено было в долг постоянно повторять грекам, что он им брат и друг, что он прислан помогать им и поддерживать вековой дух братской любви между Восточной и Русской церквами, ибо интересы обеих тождественны. На основании подобных уверений правительство наше требовало от греков материальных пожертвований в пользу нашей миссии, и ради этих уверений оно получило то, чего желало. Между тем относительное положение греков к нам было в сущности совершенно инаково: мировые религиозные интересы Русской и Восточной церквей в отношении к Православию действительно тождественны; но на Востоке духовная сила находится в руках греческой иерархии, а интересы России и греков не только различны, но прямо противоположны. Греческая иерархия систематически угнетает единоверные национальные славянский и арабский элементы и по вековому, ей свойственному высокомерию, пренебрегает даже Русской церковью. Русская церковь и русское правительство, по душе и по разуму, желают и должны желать возвышения славянского и арабского Православия и покровительствовать развитию национального самобытного Православия; следовательно, обязанностью арх. Порфирия

было не только не помогать грекам в преследовании эгоистических целей, но содействовать возрождающемуся сопротивлению их намерениям.

Между греческой иерархией и Русской миссией открылась бы немедленно явная вражда, если бы миссия могла и начала действовать согласно с политической целью данной ей инструкции; но так как миссии в то же время предписано было придать себе, по возможности, бесцветный характер и не дано было средств действовать иначе, то греческое духовенство стало равнодушно смотреть на ее деятельность и считать ее для себя безвредной. Таким образом, относительное положение миссии и Иерусалимской иерархии определилось весьма скоро: явились друг перед другом хозяева и скромные терпимые гости, а для сих последних возымело полную силу правило, выражающееся в пословице: в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

В отношении деятельности Российской миссии против пропаганды Запада достаточно упомянуть о том, что арх. Порфирию поручено было действовать в такой стране, где Запад имеет независимое от Турции духовенство, образованных и фанатических миссионеров, таких же и, кроме того, смелых и сильных консулов, превосходные богоугодные заведения, даровые больницы, дельных факторов, сестер милосердия. Запад имеет с этой страной правильно установленные сообщения и торговые сношения, им возбуждается здесь общественная жизнь, создаются новые средства жизни и на все, а в особенности на дело пропаганды, сыплется деньги неограниченно. Одним словом, западная пропаганда привлекает к себе восточные народы всеми условиями нравственного и материального благосостояния и ежедневно доказывает им, что гораздо выгоднее отпасть от Православия к латинской вере, нежели упорствовать в оном под гнетом турок и греческого духовенства. Очень естественно, что при боязливой скромности роли, возложенной на арх. Порфирия, и лишении его всяких материальных средств, даже тех, которые были необходимы для поддержания достоинства миссии, сия последняя не могла и

думать о борьбе против целой благоустроенной системы европейской пропаганды.

Засим, обе политические цели назначения миссии (т.е. приобретение влияния над греческим духовенством и борьба за Православие против католиков и протестантов) с самого начала оказались совершенно недостижимыми. В этом заключается нравственная, невыгодная сторона положения миссии; но не менее затруднительным оказалось положение, в которое она была поставлена со стороны материально-вещественной.

1. В отведенном для жительства миссии Архангельском монастыре есть церковь, но она в полной мере носит отпечаток уничиженного положения Православия на Востоке, как и весь монастырь, носящий весьма неправильно это название. Церковь св. архангела Михаила ветха, темна, бедна, некрасива и в добавок так мала, что в ней с трудом помещается 25 человек, а соборного служения в оной вовсе совершать нельзя. Доступ в церковь несвободен, потому что впуск в монастырь зависит от привратника и местного греческого наблюдателя. Блеска обрядов и внешности богослужения в этой церкви ожидать невозможно, а на посторонних прихожан рассчитывать не следует, ибо греческое духовенство всегда старалось и старается удалять свою паству от благодетельного и бескорыстного влияния нашей церкви. Вещественное положение Архангельского монастыря таково, что оно слишком облегчало греческому духовенству возможность уменьшать число прихожан Русской церкви; к тому же должно иметь в виду, что арабских прихожан собственно в Иерусалиме не имеется, ибо арабы живут в деревнях, приходят в св. град разве только в большие праздники, когда происходят торжественные службы, в которых и нашей миссии приходится участвовать в греческом храме. Вообще, арабы слишком равнодушны к религии, чтобы покидать свои жилища и возбуждать неудовольствие своих греческих пастырей только для наслаждения благолепием, мало еще доступным их понятиям.

2. В отношении участия нашей миссии в служении у гроба Господня и на Голгофе должно заметить, что фактическое устройство общего богослужения разных исповеданий у сих

святынь далеко не таково, чтобы арх. Порфирий мог удовлетворять ожиданиям или желаниям пославшего его правительства. Христиане не располагают свободно храмом гроба Господня. Это, к горю нашему, установилось уже издавна, и в настоящее время даже не оспаривается. Для того, чтобы все исповедания могли ежедневно и постоянно служить у св. гроба, нужно было, чтобы духовенства разных исповеданий поселились в самом храме; литургии у гроба Господня издавна служатся ночью, а с тех пор, когда у подножия этой Святой гробницы начали враждебно спорить разные христианские же исповедания, нужно было так распределить между ними все время, потребное для совершения службы, чтобы по возможности удовлетворить усердию и претензиям всех. Для такового раздела предстояла только сумма 24 часов, ибо всем исповеданиям надобно было дать право служить ежедневно по несколько раз в сутки. Вследствие сего все часы дня и ночи так заняты греками, латинами и армянами, что для новых претендентов на службу у гроба Господня нет и получаса свободного, а совместного служения у разных святынь, но в одно время и в том же храм, все принуждены избегать для устранения беспорядков и неудовольствий. Можно, при совпадении избранного времени с часом чужого исповедания, служить в одном из второстепенных и удаленных от гроба Господня святынь, но тогда невозможно, без возбуждения ропота других, совершать службу торжественную и громогласную. Во всяком случае, чтобы служить в храме гроба Господня, необходимо или жить в оном или заключиться там с вечера на всю ночь до следующего утра; нашим священнодействующим и их прихожанам необходимо было, есть и будет пользоваться последним средством потому, что живущие в храме греческие иноки располагают в оном только двумя малыми комнатами для всех заключающихся туда на ночь, а храм запирается турками каждый вечер в 6 часу и отпирается утром с восходом солнца. Одним словом, постоянное служение в храме гроба Господня для нашей миссии было невозможно потому, что для этого надобно было жить в храме и служить вместо греков, что они дозволяют изредка, но не могут

допустить навсегда; частое служение у св. гроба было затруднительно потому, что требовало препровождения вечера, ночи и утра в соборе, и, с одной стороны, изнуряло бы силы членов миссии, а с другой – отвлекало бы их от других важных занятий; возможно было только служение в соборе случайное, изредка дозволяемое греками, уступавшими тогда свой час арх. Порфирию вследствие предварительной его просьбы.

В воскресные и праздничные дни, когда в св. храме собиралось много богомольцев, арх. Порфирий должен был или участвовать в соборном греческом служении, или, отказавшись от этого, служить литургию у себя в обители; следовательно, именно при стечении народа, когда можно было бы привлекать к нам массы, посредством сравнения нашей службы с греческой, именно тогда миссия наша должна была вовсе сходиться со сцены или сливаться с греками в их соборном служении.

Вообще, необходимо убедиться в том, что для действия на умы народа службой в храме гроба Господня нужно иметь в оном свое определенное место, за исключением других исповеданий, а искать этого для нас невозможно, как потому, что и без вмешательства нового претендатора в храм гроба Господня уже слишком много грустных споров и несогласий, так и потому, что наши права вполне представляются греческим духовенством и мы от Восточной церкви отделиться не можем. Из этого следует, что если Русская церковь хочет (и она должна этого хотеть) приобрести в Иерусалиме, так сказать, нравственное место и утвердить там свое благое влияние, то она должна отказаться от постоянной встречи с другими исповеданиями в храме гроба Господня, действовать у себя в своем храме, независимом от греческого клира, и, по возможности, являться перед народом только тогда, когда она может предстать перед ним со свойственным ей блеском. Арх. Порфирий делать этого не мог и потому не мог и выказывать на Востоке всей торжественности и великолепия настоящего православного служения.

3. Арх. Порфирий послан был в Иерусалим в полном цвете замечательного и обширного ума, но здоровье его было не таково, чтобы возможно было требовать от него усиленных физических трудов. Возложенное на него материальное бремя

превышало не только его, но и всякие человеческие силы; вследствие сего арх. Порфирий весьма скоро подвергся в Палестине тяжким недугам и выехал оттуда с совершенно расстроенным здоровьем.

4. Духовной миссии отказано было во всяких средствах для внешней деятельности, но собственно для жизни своей она была по штату снабжена суммами достаточными. Эти суммы были ассигнованы и внесены в утвержденные сметы; однако они высылались всегда так поздно и несвоевременно, что миссия была почти всегда без денег и в самом затруднительном положении. Непредвидимая случайность застала бы ее врасплох и в крайней беде, а следовательно, воспользоваться каким-нибудь счастливым стечением обстоятельств, чтобы с малым пожертвованием сделать благое дело на пользу нашей Церкви, миссия никогда и вовсе не могла.

Наконец, для полного уразумения положения первой духовной миссии необходимо упомянуть о следующих обстоятельствах:

Арх. Порфирий избран был правительством по особенному доверию к его уму и талантам. Доверие это было довольно велико, чтобы возложить на него дело первостепенно важное, с которым соединялись вопросы достоинства, чести и влияния России и Православия. Если доверяли ему все это дело, то по самому простому логическому рассуждению следовало ожидать, что тем же доверием арх. Порфирий удостоится в частностях этого дела и что почерпнутые им на месте сведения и его мнения будут служить указателями для будущей деятельности правительства. Трудно допустить возможность иной системы, потому что врученное арх. Порфирию дело было новое, а из Петербурга и даже из Константинополя невозможно было ни вперед определить, в каких обстоятельствах миссия найдется, ни ограничить и точно обрисовать круг ее действий. Даже о нуждах миссии не имели точных понятий, и самая инструкция представляла начальнику ее сообразовываться с местными условиями. На деле вышло, что, пока арх. Порфирий писал в С.-Петербург о вопросах отвлеченных и представлял туда свои ученые труды, ему отзывались одобрениями и уверениями в

том, что он пользуется полным доверием, но как скоро он, основываясь на этом доверии, на твердом убеждении и на приобретенной опытности, ходатайствовал о делах важных, касающихся достоинства и пользы России и связанных с интересами денежными, как скоро он требовал действительной помощи для достижения указанной ему цели, то же самое правительство сохраняло сомнительное безмолвие, оставляло без внимания указания того же доверенного лица. Арх. Порфирий или терпеливо сносил отказы и выжидал обещаний, или возражал со скромностью, ослаблявшей ответственность его начальства за отказ или упущение меры. Для убеждения в справедливости этого можно указать на два первостепенно важных дела, в которых арх. Порфирий выражал явную потребность наших местных интересов, а правительство повредило оным, оставаясь равнодушным слушателем его ходатайств. Арх. Порфирий, убеждаемый необходимостью для нашей миссии иметь принадлежащее ей приличное здание, успел устроить все на месте так, что нам приходилось бы только выстроить сообразный с нашими нуждами дом; земля отдавалась патриархией без затруднений и, следовательно, являлась возможность впоследствии приобрести оную для России и положить начало русскому богоугодному заведению в Иерусалиме. Как умный и, конечно, добросовестный человек арх. Порфирий изучил это дело подробно, убедился в необходимости и выгоды предприятия и настоятельно ходатайствовал в С.-Петербурге об утверждении оногo. Между тем греческому церковному управлению дело это не нравилось. Ему не хотелось видеть Россию в Иерусалиме хозяином чего-либо, а не его гостем; но из приличия оно не могло противодействовать арх. Порфирию, довольствуясь и тем, что он не приехал в св. град с деньгами и полномочием и что дело, им задуманное, еще не верно, если требует переписки за 4000 верст. Два года тянулось это дело; наше правительство, оставляя в стороне и доверие к арх. Порфирию, и то, что он один был судьей местной необходимости, спрашивало его беспрестанно: нельзя ли получить то же, да подешевле? Между тем, пока мы торговались, греческое духовенство умело возбудить разные

затруднения к утверждению в Палестине русской собственности, и дело кончилось тем, что наша же дипломатия отстранила возможность для России иметь в Иерусалим свое заведение под тем предлогом, что Порты этим обеспокоится и что удобнее предоставить патриарху самому выстроить для нас негласно предположенный арх. Порфирием дом. Таким образом, еще до войны Россия убоялась обеспокоить Порту построением монашеской скромной обители, когда ни Франция, ни Англия, ни Австрия не боялись в то же время строить в Иерусалиме обширные заведения. Греческое духовенство достигло своей цели, но после того явилось более щедрым и решительным, чем мы, которые утверждаем, что оно живет благодеяниями России. Оно отказалось от денег, которые правительство наше сулило ему для постройки нам дома, выстроило нам здание, на которое у нас не хватило достаточно денег, но выстроило его по-своему, и в настоящее время великодушно принимает в оном и российского генерального консула и российскую миссию. Одним словом, вследствие несвоевременной и мелочной скупости нашего правительства греческое духовенство стало в положение одолжающего, а мы – одолжаемых. Мало того, по наущению греческого духовенства в 1852 году о том, что турецкое правительство обеспокоится построением в Иерусалиме Русского дома, наша дипломатия отказалась от этого и убоялась мысли, что Порта узнает о владении Россией домом в Палестине; мы этого убоялись до войны, когда мы были еще сильны на Востоке, а вышло то, что во время самой войны, во время ликования западных консулов в Иерусалиме, греческое духовенство постоянно говорило и консулам, и турецкому правительству, что так называемый Порфириевский дом принадлежит русскому правительству и строится для него и на его деньги. Английский консул и паша этому поверили и потребовали уничтожения или остановки постройки, а французский консул заступился за мнимый наш интерес во имя народного права и справедливости, воспрепятствовал попыткам исполнить означенное намерение и принял постройку под свое покровительство, как имущество русское. С тех пор и поныне консулы и паши в Иерусалиме считают тот дом принадлежащим

России, называют его Русским дворцом, le palais russe, и ни они, ни Порты не беспокоятся этим, к сожалению, неосновательным мнением. Следовательно, все опасения нашей дипломатии в 1852 году не только были напрасны, но лишили Россию возможности сделать вовремя и с меньшими жертвами такое благое дело, которое необходимо и теперь, но будет стоить несравненно дороже. Пока, и Бог знает еще на сколько времени, мы должны пользоваться гостеприимством греков в том самом доме, который мог принадлежать нам; экономия, как кажется, была соблюдена; казне русской в 1852 году стало полегче на несколько тысяч рублей, но за то ныне достоинство наше слишком дорого платит грекам за получаемое от них даровое гостеприимство. Между тем обстоятельства, побудившие арх. Порфирия хлопотать о постройке дома русских поклонников и для миссии, до сих пор те же, надобность теперь еще увеличилась, а с тех пор цена на участки земли в Иерусалиме поднялась в неимоверной степени точно так же, как утроились там цены на все жизненные потребности. На поверку выходит, что через пренебрежение разумным ходатайством арх. Порфирия упущено было время, уронено наше достоинство и причинено казне весьма много чистого убытка.

В другой раз арх. Порфирий представил в С.-Петербург о необходимости учреждения при миссии больницы собственно для русских поклонников и назначения при оной особого иеромонаха для исполнения обязанностей духовника наших же богомольцев. Архимандрит изложил свое представление в таких сильных и убедительных выражениях, столь явно высказал необходимость неотложно прийти в помощь явившемуся недостатку, что не только правительство, но даже богатое частное лицо, казалось, не могло бы равнодушно услышать о том, что говорил один из представителей нашей Церкви на Востоке, и должны бы были решиться на пожертвования ради чувств человеколюбия и сбережения достоинства имени русского, которые призывал арх. Порфирий. Испрашивалось единовременное назначение 1800 рублей и прибавление к штату миссии ежегодно по 4000 рублей. Представление это было подкреплено и генеральным консулом Базили, и посланником

нашим в Царьграде; несмотря на все, в С.-Петербурге оно оставлено было без последствий по причинам чисто экономическим, потому что в возбужденном арх. Порфирием деле не могло быть речи ни о возможности неудовольствия со стороны Турции, Англии и Франции, ни о надобности вести дело осторожно и негласно.

Само собой разумеется, что таких горьких опытов слишком достаточно было, чтобы подавить в арх. Порфирии всю горячность усердия к святому и благому делу; он мог потерять всякую надежду на скорое возведение имени русского на ту степень величия, которая ему подобает, и вследствие сего, по неимению средств действовать иначе, посвятил себя поклонническому подвижничеству и ученым трудам, в которых он находил и утешение, и соответствующее характеру и склонности занятие. Арх. Порфирий для себя и для ученого мира недаром пробыл несколько лет в Палестине и в других странах Востока; своим пастырским поведением он приобрел лично к себе и к своим сотрудникам истинное и глубокое уважение; память он оставил по себе прекрасную; но для должного возвышения Русской церкви в глазах восточных христиан, для поддержания там достоинства русского правительства и для облегчения нашей будущей деятельности на Востоке он и миссия, ему подчиненная, не сделали ничего и не могли ничего сделать.

Дельная записка! Много в ней правды, но написана она каким-то особым канцелярским слогом, инде так, что писал ее как будто не русский. Правдивые сведения о мне и о некоторых действиях моих заимствованы Мансуровым в канцелярии нашего посольства в Константинополе. Эти сведения его неполны. Он не знал или не упомянул об устройстве мною училищ в Палестине и патриаршей школы в Крестном монастыре, о снабжении семи сельских церквей ризницей, об учреждении эллино-арабской типографии в Иерусалиме и о проч. и проч.

Заслуживают внимания сведения и суждения Мансурова и о второй духовной миссии нашей в св. граде. Помещаю их здесь.

Начала, лежащие в основании инструкции, составленной для новой духовной миссии, состоят в следующем:

1. Миссии поручается (как выразилось министерство иностранных дел) не смотреть более на церковь в Сирии и Палестине сквозь греческую призму, подобно тому, как мы поступали прежде, а заботиться прямо о настоящих интересах России.

2. Ей предоставляется действовать преимущественно на арабский элемент, притесняемый греками, дабы удержать арабов в Православии и не допускать их к переходу в латинскую веру.

3. Для этого возлагается на миссию всеми средствами примирять враждующих арабов и греков и такую же примирительную систему обратить на все враждебные между собой в Иерусалиме исповедания.

4. В отношении к русским поклонникам дается миссии по-прежнему обязанность иметь за ними только нравственное наблюдение, не вмешиваясь во все стороны их гражданской, духовной и материальной жизни.

5. Миссии поручается всемерно заботиться о проявлении русского богослужения в Иерусалиме с тем торжественным благолепием, которое принадлежит Российской церкви, дабы возвысить значение оной на Востоке. Миссии вменяется в обязанность по возможности чаще участвовать в служении у главных Иерусалимских святыниц и ежедневно служить у себя в церкви, как бы в обители.

6. Ей предоставляется следовать примеру западных исповеданий в отношении благодетельствования местной паствы богоугодными учреждениями, милостыней и всеми просветительными мерами, которые служат вернейшим средством к укоренению религиозного направления в народе. Однако необходимых для подобной деятельности средств миссии не дается: ей позволяется только извращиваться в этом деле временными малыми суммами.

7. Для облегчения успехов действий нашей миссии она ставится под начало не архимандрита, как было прежде, а епископа. Такое возвышение звания начальника миссии установлено потому, что все чужие исповедания имеют в Иерусалиме своих иерархов.

8. Наконец миссии поручается не ограничивать своей деятельности одним Иерусалимом, но распространять оную на всю Палестину, Сирию, Ливан, Дамаск, горную Хасбею, Сидонское поморье, Синай и Египет; для этого предоставляется миссии от времени до времени командировать своих членов в означенные края. Новых средств для новой столь обширной деятельности миссии не создается и не указывается.

Штат миссии хотя увеличен против прежнего, но едва ли соответствует действительной потребности даже в отношении одного Иерусалима, так что отделение одного из членов оной для посещения дальних местностей сделается на практике невозможным.

Условия помещения миссии в Иерусалиме сохранены те же, какие были во времена арх. Порфирия. Выражено, правда, предположение об устройстве ряда богоугодных заведений в Крестном монастыре, на уступку которого министерство рассчитывает; но мысль эта сама собой устраняется тем новым значением, которое приобрел Крестный монастырь со времени устройства здесь греками обширного академического заведения.

Об учреждении русского консульства в Иерусалим вовсе не упомянуто, вследствие чего все недостатки нашего положения в Палестине оставлены в полной невыгодной для нас силе.

Из соображения начал новой инструкции с обстоятельствами, в которых находилась первая миссия арх. Порфирия, можно убедиться в том, что внешняя обстановка второй миссии разнится от обстановки первой только в том отношении, что главой миссии назначается не архимандрит, а епископ, но само собой разумеется, что при том же отсутствии самостоятельных средств, какое было прежде, отправление в Палестину лица высшей духовной иерархии только усложнит положение миссии и увеличит опасность и вредные последствия вероятной неудачи.

Присутствие латинского и армянского патриархов и протестантского епископа в Иерусалиме оправдывается тем, что они в Палестине имеют епархиальную власть и положение, не зависящее от другой местной власти своего же исповедания. Они имеют каждый свою епархию, канонически правильно

образованную. Учреждение сего звания для других исповеданий было только окончательным венчанием дела, устроенного издавна на прочных основаниях. Среди целого сонма греческих иерархов и синода, сосредоточивающего в своих руках полную епархиальную власть над палестинской паствой, наш архиерей не может ожидать право участия в общих делах епархии и будет только посторонним лицом, епископом без епархии, без власти, без значения.

В составе нашей миссии не полагается ни второго диакона, ни двух иподиаконов, ни двух служащих при архиерее причетников (книгодержца и посошника). Следовательно, благолепно и торжественно наша миссия никак служить не может.

Г. Мансуров 26-го декабря прислал мне печатный экземпляр этой записки при письме.

На другой день его императорское высочество великий князь Константин Николаевич прислал мне печатный экземпляр записки Мансурова при своем письме.

Получив это письмо, я занялся обдуманном изложением надлежащих сведений по всем предметам, заключающимся в записке Мансурова, и указанием желанных его высочеством мер. Эта работа начата была пером моим в первый день января, а кончена в пятый день, в 25 минут 11-го часа пополудни, под заглавием: «Ответ на недавние известия с Сиона»⁴⁷.

В состав сего ответа вошли следующие статьи:

1. о наших поклонниках, 2. о водворении нашего консула в Иерусалиме, 3. о независимости русских от греческого духовенства, 4. о прежнем проявлении сил наших на Востоке, 5. о первой духовной миссии нашей, 6. о второй миссии, 7. о пропаганде римской и протестантской, 8. о евреях, 9. о мерах к поддержанию всей Православной церкви на Востоке и к приготовлению торжества ее, 10. о сестрах милосердия, 11. о нашем пароходном обществе, 12. о денежных пособиях к поддержанию и возвеличению Православия, 13. о мерах к увеличению числа наших поклонников.

В шестой день января я представил ответ великому князю через посредство Мансурова при письме.

6, понедельник. В течение четырех дней меня мучили боль в горле и лихорадка. Однако я силой воли своей перемогал оба эти недуга и писал ответ. Бог укрепил меня и помог кончить это дело. Слава и благодарение Ему!

Сегодня Мансуров дал мне знать, что великая княгиня Мария Николаевна желает видеть меня. Я ответил ему, что здоровье мое слабо.

8, среда. Приезжала ко мне генеральша Елизавета Леонтьева Ширман и между прочим говорила, что Мансуров очень хвалил меня графине Марье Васильевне Адлерберг в присутствии генеральши Кавелиной и что при этих похвалах у нее (Ширман) выкатились слезы умиления, когда Мансуров примолвил, что есть надежда на улучшение моей участи. От нее же слышал я вот какую весть. Великий князь Константин Николаевич, говоря с графом Орловым об освобождении крестьян, сказал ему, что он плюет на русское дворянство. Орлов, обиженный таким отзывом, передал его петербургскому дворянству, а сам едет за границу с тем, чтобы остаться там навсегда. Госпожа Ширман не одобрила поступка графа Орлова. Он должен был смолчать, зная скорость великого князя. И я не одобряю сего графа, потому что от злой откровенности его может произойти немалое зло.

9, четверг. Фрейлина Эйлер записочкой уведомила меня, что она в час обеда у великого князя Константина слышала хорошие отзывы о мне Мансурова, предсказывающего перемену моей участи.

16, четверг. В десять часов по полуночи я был у Сербиновича по призыву его. Он похвалил мои дарования и, пожалев о моем настоящем бездействии, предложил мне ехать на Афон с живописцем Львовым для рисовки тамошних видов, икон, стенной живописи, для обозрения тамошних библиотек и для переписки древних актов и оттуда отправиться в Египет, где, как он выразился, я привлеку к нам благорасположение коптов и где надобно позаботиться об устройении недавно воссоединенных униатов так, чтобы для них совершалось богослужение на арабском языке. Я наотрез отказался от этой поездки, поставив ему на вид, что Афон уже обозрен мною всесторонне и что

теперь ничего более не желаю, как издать в свет тамошние стяжания свои, которых ожидает от меня Германия. К сему присовокупил я и то, что теперь зрение и здоровье мое слабо и что я не хочу трудиться для такого начальства, которое и не думает помочь мне при печатании моих сочинений и которое за все труды мои только истерзало и потоптало меня. После сего перечислены были все обиды, причиненные им мне.

1. В 1846 году долго не давали мне денег на пропитание и обувь и, когда я попросил их, решили сослать меня под начало в Сергиеву пустыню.

2. В 1852 году мне не выслали в Киев ни обещанного пособия (500руб.), ни жалованья; и мне нечем было уплатить за лекарство и лекарю (Цицурина). Тут я упрекнул Сербиновича за то, что он не отвечал на мои просительные письма и был виновником моей опалы за отъезд из Киева в Иерусалим, упрекнув же, прибавил: «Я вас прощаю». Тогда он сквозь зубы проговорил мне: «Медлил не я, а Протасов и Сенявин, которые надумали вызвать вас в Петербург», но зачем не сказал.

3. В 1853 году мне не присылали в Иерусалим синодальной половины моего жалованья, разгневавшись на меня за отъезд мой из Киева в Иерусалим, как будто я пономарь какой, которого можно штрафовать вычетом из кружки. Не вступись за меня министерство иностранных дел, не погрози оно духовному начальству докладом государю о несправедливой обиде моей, я алкал бы и жаждал бы в св. граде в виду греков, арабов, армян, католиков и протестантов.

4. В 1854 году ни с того, ни с сего разгласили, что я в Риме сделался католиком. «Вы, Константин Степанович, графу Олсуфьеву изъявляли свое сожаление о моем ренегатстве; и молва об этом дошла до великой княгини Елены Павловны».

5. Государь император пожаловал мне пожизненную пенсию в 1000 рублей и повелел дать должность. Но до сей поры я без должности.

Сербинович возразил: «Да вы сами сказали мне, что хотите жить на покое в Крыму, потому и не дали вам должности». На это возражение его последовало мое отражение: «Помню! Я сказал это, но сказал потому, что заметил, как холодно и жестко

приняли меня митрополит Никанор и граф Протасов, и даже упрекали за поездку в Рим, а заметивши это, рассчитал, что в Петербурге мне нечего ждать».

6. Когда я жил в Иерусалиме, мне из Синода прислали туда выговор за составление списка книг для подчиненной мне миссии, не выяснивши, что этот список составлен был не мною, а иеромонахом Феофаном, без моего ведома.

7. Этот иеромонах, не сделавший ничего путного в Иерусалиме и занимавшийся там токарством, малярством и бисерным вышиванием, получил место ректора академии; а я, потрудившийся более всех, унижен, оплеван, даже вытолкан из Церкви Божией. (Я разумел устранение меня от сослужения с митрополитом Григорием по какому-то наговору, не известному мне).

– Как вытолкан? – сказал ошеломленный Сербинович.

– Ах! Вы еще не знаете этого? – сказал я.

– Не знаю, объяснитесь.

– Не хочу объяснять вам сего нового гонения и повторяю вам, что меня оттолкнули и отталкивают от Церкви и отечества.

– Помилуйте, кто вас отталкивает.

– Я чувствую, что меня толкают, чувствую это, и горюю о том, что никто не говорит мне, в чем я виноват. Но придет время, когда я буду принужден обнаружить все скрытые гонения и просить суда или у императора, или у Вселенского патриарха и его синода.

– Нельзя ли, как поправить дело иначе? – проговорил Сербинович.

Я замолчал, но на минуту, и потом опять говорил собеседнику:

8. Министр Горчаков устранил меня от Иерусалима, вообразив, что я признаю Русскую церковь схизматической. (Сербинович засмеялся).

9. Граф Протасов с подчиненным ему св. Синодом ничем не наградил меня за особые труды и заслуги, оцененные государем. Тут прервал меня Сербинович, сказавши со слезами: «Сегодня память дня смерти графа, и, – примолвил, – от графа доставалось и мне, и прочим сослуживцам моим».

10. На мое место в Иерусалим послан епископ. Посольство его ничем не может быть оправдано, ни правилами церкви, воспрещающими епископу одной епархии даже входить в пределы другой епархии, ни преданиями церковной дипломатии, посылавшей апокрисиариев к церквам отнюдь не в сане епископском, за исключением чрезвычайных надобностей. Выслушав это, Сербинович оправдывал это посольство тем, что оно временное. Но я настоял на своем.

11. Извинительно министерству иностранных дел не знать соборных правил и преданий церковной дипломатии, но не извинительно такое незнание св. Синоду. Впрочем, нынешние синодальные члены и все архиереи и все ректоры духовных академий и семинарий слухом не слыхали ни о церковной дипломатии, ни о началах церковного управления и даже думают и учат, что одни духовные лица суть судьи в делах церковных. Московский митрополит Филарет в начале своей речи в день коронации Александра II сказал, что Церковь есть духовенство, забывши свой катехизис, в котором напечатано, что Церковь есть собрание верующих, а не попов, диаконов и монахов. Едва ли кто от него слыхал, что истина открывается всем верующим в Господа и оберегается общей их любовью. Едва ли кто, кроме меня, знает это начало... Тут Сербинович прервал меня, заметив, что в начале речи Филарета – игра слов. «Нет, не игра слов, – проблаговестил я, – а учение, излагаемое в проповедях и сочинениях духовных», и продолжал свою речь: «Миряне суть стражи духовенства. Они могут и должны удерживать его на пути Православия. Например: некому предостеречь их новый журнал, называемый «Духовная беседа», издаваемый митрополитом Григорием, чтобы в нем не печатались проповеди о венерической болезни, о какой-то Верочке, как образце благочестия, которая неизвестно как кончила жизнь свою, так как образцы святого жития должны быть заимствованы из св. Писания и из Четьи-Минеи. Слышно, что печатается в оном журнале статья о проспавшемся сапожнике и готовится к печати рассуждение об общей всем девице. Если это правда, то кто же воспретит печатать такие похабные отрывки из естественной истории? Некому, кроме благочестивых и

просвещенных мирян предержащих». Сербинович проговорился, что слово митрополита Григория о Верочке понравилось ему. А я поведал его превосходительству, что над этой Верочкой смеются в городе, поговаривая, что она незаконная дочь высокопреосвященного проповедника.

Все это я говорил с жаром. Сербинович, слушая меня, не раз бледнел, но владел собою, как и всегда. Проводив меня в прихожую комнату, он дождался, пока я надел свои мокроступы и шубу. Впрочем, это обычно у него. Последнее слово его при прощании со мной было такое: «Об отказе вашем ехать на Афон я доложу обер-прокурору». «Доложите, – проговорил я, – доложите; я сам поеду к нему и скажу, что мне не любо ехать туда».

От Сербиновича я заехал к Мансурову. Он поведал мне, что ответ мой на известия с Сиона понравился великому князю Константину и что его высочество хочет напечатать его, выпустив статьи о первой и второй миссии нашей и кое-что другое, дабы духовное начальство не смотрело на меня косо. В этом ответе особенно полюбилась ему статья об апокрисиарии.

Когда Мансуров объявил мне, что великая княгиня Мария Николаевна желает отправить на Афон художников своих и просит меня написать для них инструкцию, я без отговорки согласился исполнить эту просьбу ее высочества.

Но вот весть Мансурова, которая слаще мне меда и сота: «Императрица Мария Александровна имеет отличное мнение о вас. Она говорила: «Об архимандрите Порфирии говорят, что он самолюбив. Но разве предосудительно любить себя самого? Видно, он сознает свое достоинство. За это ли упрекать его?""".

А вот и еще две вести, которые лично передала мне сегодня фрейлина Эйлер.

1. Головнин, правая рука великого князя Константина, говорил ей, что я составил очень дельную записку для его высочества генерал-адмирала, в подтверждение записки Мансурова о Святых местах палестинских и что его высочество, немножко склонный к мистицизму, с особым удовольствием прочел те места в записке моей, где говорится о шествии Бога с востока на запад, и о водворении нашего апокрисиария в

Константинополе. Этот сановник хвалил меня фрейлине как старца очень умного. Он не знал, что я знаком с нею. Но она, выслушав похвалу его, сказала ему, что я два лета провел у великой княгини Елены Павловны в Ораниенбауме.

2. Министр Горчаков, прочитав первые страницы печатной записки Мансурова и заметив, что тут порицается Нессельродова политика на Востоке, расхвалил эту записку великому князю Константину, а когда прочитал ее всю от доски до доски и увидел, что порицается и его политика и бесплодное посольство второй духовной миссии нашей в Иерусалим, тогда упросил его высочество не раздавать экземпляров этой записки. Забавно!

NB. В другое время я слышал от Мансурова, что его записка и мой ответ на нее сообщены были только государю, императрице, Горчакову и митрополитам Филарету и Григорию.

Борис Павлович поведал мне, что он в марте месяце опять поедет на Восток и что в его распоряжении будет пароход, и приглашал меня с собой. Я просил его доложить великому князю, что я рад этой поездке. Он же говорил мне, что великий князь непременно позовет меня к себе.

Вечером посетил меня г. Поленов, бывший секретарь нашей императорской миссии в Афинах, и между прочим рассказал мне вот какую бль. Когда исполнилось совершеннолетие греческого короля Офона, тогда задумано было помазать его св. миром и короновать, так, чтобы миропомазание совершили архиереи греческие, а корону возложили бы на него епископы католические. Первые не согласились миропомазывать его, говоря, что по совершении сего Таинства он будет уже православный, а ведь он не хочет принять вероисповедание церкви восточной. Им погрозили высылкой их из Афин и призыванием других архиереев. Тогда они обратились к нашему посланнику Катакази, и он уговорил их быть стойкими в своем убеждении и обещал, что ежели лишат их жалования, то Россия будет продолжать оное из своих сумм. Ободренные таким образом архиереи устояли на своем. Офон не был миропомазан и коронован. Его советники уступили твердости духа архипастырей.

17, пятница. Подано было мною синодальному обер-прокурору прошение⁴⁸.

20, понедельник⁴⁹. Сегодня начато мною сочинение для великой княгини Марии Николаевны, именно: «Указание русским художникам при посещении св. горы Афонской».

26, воскресенье. Повторено вышеизложенное прошение, только в других выражениях, с присовокуплением, что в будущем марте или апреле месяце к берегам св. Земли будет отправлен наш пароход, на который примут меня даром.

Февраль. День 10. Синодальный обер-прокурор гр. Толстой сегодня позвал меня к себе и говорил мне, что великий князь Константин давал ему и Горчакову читать ответ мой на недавние известия с Сиона и что меня отпустят в Иерусалим за пожитками моими.

А я говорил ему:

а. О коптах. Для воссоединения их с нами надобно знать мнения нашего и константинопольского синода: согласны ли они на воссоединение их с оставлением их обрядов.

б. О переводе св. Писания на русский язык, по поводу записки московского митрополита Филарета о необходимости сего перевода, переданной мне графом Толстым для обсуждения ее. Наперед надобно перевести по-русски библейские толкования св. отцов, греческих и латинских.

в. О посылке в Афины студентов академии для изучения греческого языка и для приготовления надежных переводчиков.

г. О принятии в Петербурге апокрисиария Константинопольского патриарха без права заседания в нашем Синоде.

День 18. Через посредство обер-прокурора доставлены мои напечатанные сочинения в царско-сельское училище девиц духовного звания, в библиотеку его один экземпляр полный, а для раздачи кончившим учение 50 экземпляров только Первого и Второго путешествия моего в Синайский монастырь, каждого по 25-ти.

День 24. Верно думал и сказал Шатобриан: *La vie humaine n'est pas toute en plaine. On monte quelquefois, on descend plus souvent*, т.е. жизнь человеческая не вся походит на равнину.

Человек иногда восходит на гору, а чаще сходит под гору. Вот и я сегодня снизу взошел наверх.

В настоящий день было заседание у великого князя Константина. Заседали министр Горчаков, Брок, Норов, синодальный обер-прокурор, директор азиатского департамента Ковалевский и Мансуров.

Решено: 1.подпиской во всей России приобрести капитал на улучшение участи наших поклонников в Иерусалиме, а отчетность в приходах и расходах вести в комиссариате морского министерства. (Согласно с моим предположением, поставлены были кружки во всех церквах наших, городских и сельских); 2.отпустить в Палестину сестер милосердия; 3.учредить домовые церкви у наших консулов в Смирне, Бейруте и Александрии; 4.отправить врачей на Восток для службы; 5.увеличить число лиц нашей миссии иерусалимской и к штату ее прибавить 3000 рублей, на что согласился и министр финансов Брок; 6.учредить консульство в Иерусалиме на первый раз, в зависимости от бейрутского генерального консульства нашего; 7. отправить временную экспедицию на Восток и меня вместе с нею. Предполагалось содержать весь арабский причт в Палестине иждивением России.

Вечером сего же дня я получил от Мансурова письмо.

День 25, вторник. Дело, решенное в заседании у великого князя, прочитал мне Мансуров и после чтения долго разговаривал со мною весьма откровенно. Излагаю сущность речей его.

Великий князь Константин (в том же заседании) спрашивал синодального обер-прокурора: «Почему архимандрит Порфирий оставлен в тени?». Прокурор ответил: «К нему холоден митрополит Григорий». Тогда великий князь возразил: «Почему же он холоден? Обнаружьте проступки архимандрита». Прокурор сказал: «Проступков нет, а тяжело его самолюбие». После сего Константин объявил, что я нужен для дела и могу быть полезным отечеству и Церкви и, выразив свое желание отправить меня на Восток, обратился к министру Горчакову и потребовал его мнения о мне.

Горчаков говорил ему: «Я не только не предубежден против арх. Порфирия, но сознаю, что министерство иностранных дел обязано ему приготовлением настоящего порядка наших дел в Иерусалиме, однако соглашаюсь на отправление его туда с тем условием, чтобы он не мешался в дела Палестинской церкви и отдавал бы должное уважение нашему епископу Кириллу, который по робости своей может тревожиться присутствием его в Святом граде». Великий князь засмеялся. Горчаков продолжал говорить: «Как бы ни понимали назначение туда нашего епископа, правильно оно или неправильно, но оно уже утверждено государем императором, и отменять его нет нужды».

После сего Мансуров сказал: «Арх. Порфирий поедет в Иерусалим для того только, чтобы взять оттуда свое имущество, и не останется там долго».

Решено было отправить меня на Восток, но вместе с Мансуровым. По выражению этого сановника, я взят был с бою.

Мансуров сомневался в успехе своего дела на Востоке. Но колебание его дошло до слуха императрицы Марии Александровны, и она ободрила его.

На днях он обедал у ее величества. За обедом была речь о мне. Императрица между прочим сказала, когда все вины арх. Порфирия приведут к одному знаменателю, то в итоге выходит нуль. Его считают самолюбивым. Но можно ли винить человека за то, что он сознает свое достоинство?

Ее величество читает мою записку, поданную великому князю Константину, и по прочтении ее непременно позовет к себе.

До назначения нашего апокрисиария в Константинополь думают учредить новую миссию в Египте под моим начальством, дабы я действовал там на коптов.

На место настоятеля нашей посольской церкви в Константинополе выбрали меня, ректора Костромской семинарии, тезоименитого мне арх. Порфирия, и кого-то третьего, и предоставили выбор посланнику Бутеневу. Он выбрал ректора. Но этот избранник не хочет служить там.

NB. Бутенев выбрал ректора Порфирия по указанию Горчакова, как об этом узнал я впоследствии. Бутенев желал

меня, но не мог противоречить Горчакову. В частном письме к своей родственнице Елизавете Леонтьевне Ширман, он выразил сожаление о том, что мне не отдадут должной справедливости.

Итак, я поеду на Восток. Слава Богу! Благодарение великому князю! Спасибо Мансурову!

Однако видно, что меня опасаются и что Мансуров будет соглядатаем пребывания моего на Востоке. Быть так!

Неканоническое назначение нашего епископа в Иерусалим, обличенное мною, предержащие признали неправильным, и вот они опасаются, как бы я не вооружил против него восточных патриархов. Напрасно опасаются! Я не люблю мутить воду.

Быть начальником нашей миссии в Египте внутренне не желаю. Доколе будут назначать мне роли второстепенные?

Меня считают самолюбивым! Но, Боже мой, когда и кого стеснил я своим превосходством? С митрополитом Григорием я даже не беседовал ни однажды. Он вовсе не знает меня. К прочим архиереям я ездил только с поклоном. Откуда же возникло обвинение? Не понимаю.

Хитрецы! Не знают, за что обвинить меня, так упрекают в самолюбии.

Боже прости им: не ведут бо, что творят⁵⁰.

Март. День 1. По желанию синодального обер-прокурора Толстого, в седьмом письме к нему изложено мое мнение об отправлении на Восток профессора Лейпцигского университета Константина Тишендорфа, на счет нашего правительства, для отыскания и приобретения тамошних древних рукописей для нас.

Это мнение мое не было уважено. Тишендорф, по настоянию министра Норова у государя императора и супруги его, был послан на Восток и привез Синайскую рукописную Библию, открытую мною в 1845 году, и несколько рукописных листов.

Требовалось графом Толстым мое мнение о представленном мне суждении московского митрополита Филарета касательно перевода св. Писания на русский язык. Но я не написал ни одной строки об этом предмете по недосугу.

В **5 день** сего месяца Сербинович при своем письмеце препроводил ко мне иконографическую рукопись под названием

«Список с подлинника», находившуюся в цензуре, с тем, чтобы я рассмотрел ее и лично высказал свое мнение о ней председательнице Академии художеств великой княгине Марии Николаевне, желающей издать ее в свет. (Она и не думала издавать ее, потому что даже не видала ее). В конце письма сказано: «О времени же, в какое великая княгиня изволит вас принять, граф получит от секретаря ее уведомление».

В 8 день. Сербинович при своем письме представил мне другую подобную рукопись под заглавием: «Руководство к церковному живописанию», одобренную цензурой и рассматриваемую казанским архиепископом Афанасием. Письмецо его заключено так: «Теперь желательно, чтобы после обзора обеих рукописей вы уже приготовились сказать о них мнение свое великой княгине, потому что остается на это только одна неделя».

В 10 день от сего же директора я получил письмецо, которым он известил меня, что обер-прокурор отнесся к секретарю ее высочества о назначении мне времени, в которое я должен явиться к ней, и что графу очень желательно знать мое заключение о доставленных мне рукописях.

В течение этих шести дней я прочитал обе рукописи и выработал свое мнение о них, продолжая в то же время писать свое «Указание» художникам, которых пошлют на Афон, и представляя это сочинение свое по частям великой княгине через посредство Мансурова.

Содержание первой поданной рукописи (в большой лист) изложено в самом заглавии ее: «Список с подлинника», сиречь книга, в ней же сказание о семи Святых Вселенских Соборах, о живописцах и иконописцах и по месяцам и дням расположение имен святых, с описанием их естественного подобия, образа жизни, деяния, и просто: как иконописцу подобает писать святые иконы.

Вторая рукопись есть перевод известной книги француза Дидрона: Manuel d'iconographie chretienne, Paris, 1845. Книга же эта переведена по-французски с найденной Дидроном на Афоне греческой «Ерминии живописного искусства» Ἑρμινεία τῆς ζωγραφικῆς τέχνης. С дидроновского издания кем-то переведена

была эта «Ерминия» для великой княгини Марии Николаевны и озаглавлена так: «Руководство к церковному живописанию». Тут четыре отдела. В первом содержатся наставления: как промывать старые иконы, составлять краски и лаки, золотить иконостасы и подготавливать стены для писания их. Во втором отделе показано: как надобно изображать события Ветхого Завета, в третьем: как историровать Завет Новый. Четвертый отдел вмещает в себе наставления, как расписывать стены в церквях. Сие-то руководство (а не «Список с подлинника») прислано было великой княгиней в цензурный комитет для рассмотрения в 1856 или 1857 году. А оттуда оно поступило в св. Синод; Синод же передал его казанскому архиепископу для пересмотра, а от него взял Сербинович и передал мне.

В **11 день** я изложил свое мнение об этих двух рукописях в письме к обер-прокурору Толстому.

День 12. Сербинович записочкой известил меня, что великая княгиня Мария Николаевна желает принять меня завтра (13 марта) в час пополудни.

День 13. Настал назначенный день приема. Я оделся в шелки и в первом часу дня приехал во дворец великой княгини. Пока камердинер докладывал ей о мне и пока она удосужилась принять меня, я в горнице, где велели мне подождать, видел хорошую мраморную статую св. Марии Магдалины с черепом под нею, несколько живописных картин на стенах и малолетнего сына ее высочества, Сергея, которого приводил к ней дородный унтер-офицер. Малютка, возвращаясь назад, взглянул на меня зорко, попросил моего благословения и на вопрос мой: «Как зовут вас?» – отвечал – «Сережа». После сего камердинер позвал меня в кабинет великой княгини, в котором на длинном столе лежало множество рисунков. Тут она приняла меня весьма ласково и усадила против себя на стуле. Я начал разговор припоминанием ей о том, что в 1842 году имел счастье представиться ей в Вене перед отъездом моим в Иерусалим и, сказавши несколько слов о путешествиях моих по св. Земле, на Синае, в Египте и на Афоне, заговорил о переданных мне рукописях ее высочества. Она сказала мне, что ей принадлежит только одна рукопись, именно: «Руководство к церковному

живописанию», и пожелала знать мое мнение о ней. Я твердо объявил ей, что желательно напечатать ее, но не иначе, как по сличении ее с греческим подлинником, который рассмотрен был мною в Русском монастыре на Афоне. «Даже придется вновь перевести «Руководство» с этого подлинника, – присовокупил я, – тогда оно появится в свет с Афона, а не из Парижа. Я охотно берусь за это дело и исполню его хорошо, зная греческий язык основательно, и говорю этим языком с кем надобно. Верно переведенное и снабженное учеными примечаниями руководство к церковной живописи, – закончил я, – породнит нас с православным иконописанием, одинаковым на всем Востоке, и познакомит с исторической достоверностью изображений святых мужей и жен, и с догматической непреложностью иконописания, о каковой достоверности и непреложности свои мысли я изложил в представляемом вам по частям «Указании художникам, имеющим трудиться на Афоне»". «Когда вы кончите это «Указание», – любезно молвила великая княгиня, – тогда я прочту его со вниманием». После сего она показала мне дидроновские рисунки и некоторых св. мучеников, изображенных в лавре афонской и, отпуская меня, сказала: «Я еще не прощаюсь с вами»; дочери же своей Марии Максимилиановне велела показать мне домовую церковь свою, только что расписанную князем Гагариным. Церковь эта не приглянулась мне; особенно не понравилась постановка местных икон в глубоких киотах, из которых они выглядывают, как из затворов.

День 16, воскресенье. В 11½ часов пополудни кончено было мое «Указание художникам». А раньше я возвратил Сербиновичу обе рукописи, о которых была речь моя, для зависящего от св. Синода распоряжения и известил его, что великой княгине принадлежит только одна рукопись, именно: «Руководство к церковному живописанию».

День 17. Мансурову послан конец моего «Указания художникам» с просьбой передать его председательнице Академии художеств.

Это сочинение мое хранится в моей библиотеке. Здесь же я помещаю только содержание его.

После вступления написаны следующие статьи:

1. Афон Божий; 2. Афон общенародный и монашеский; 3. Афон царский и патриарший, любимец православных народов; 4. начала, дававшие направление зодчеству, ваянию и живописи в Восточной церкви.

Начало 1. Православная церковь своими Таинствами и своей проповедью действует на ум и сердце каждого члена своего, а изящными искусствами действует на воображение и чувства его, и таким образом овладевает всем существом его.

Начало 2. Изящные искусства изображают догматы и нравоучение сей церкви.

Начало 3. Неизменность и непреложность догматов и нравоучения сочетается со свободностью и разнообразием эстетического чувства и вкуса.

Начало 4. А эта свобода ограничивается исторической достоверностью, благопристойностью и внушением высоких помыслов и святых чувствований всем христианам.

Начало 5. Памятники зодчества и ваяния на Афоне.

Начало 6. Иконная, стенная и книжная живопись там, с суждениями о ней, и зографическая летопись Афона.

Начало 7. Церковная утварь там же.

День 19. Сербинович, по поручению обер-прокурора, просил меня записочкой своей придти к нему сегодня после всенощной для совещания по предмету моего отъезда и соединенных с ним поручений. Я был у него. Он объявил мне, что министр Горчаков согласился на отъезд мой в Турцию и в Иерусалим. «Слава Богу!» – воскликнул я и потом согласился на предложение рассматривать древние рукописи в восточных монастырях и просил себе письмоводителя, который умел бы и рисовать хорошо. Наконец, Сербинович поведал мне, чего я не ожидал, и вот что: св. Синод через посредство митрополита Григория будет просить восточных патриархов беречь старинные рукописи; а епископов сириано-иаковитских и коптских уже я должен склонять к тому же.

День 20, 21 и 23. В эти дни, в три приема, я писал предлинное письмо фрейлине Раден о действиях благодати в душе, о пастве и о новом вселенском соборе.

День 26. Великая княгиня Мария Николаевна узнала, что хотят отправить со мною на Афон семинаристов, обученных иконописанию, и кроме сего, кто-то подсказал ей, что я ожидаю разрешения ее ехать на Восток. Такие вести не понравились ей, и она доброй наперснице своей Татьяне Борисовне Потемкиной написала письмо, из которого эта госпожа прислала мне сегодня следующую выдержку:

«Я не знала, что архимандрит Порфирий ожидал моего разрешения, и граф Толстой мне об этом ничего не говорил. Я никогда не была против его отъезда, не соглашалась на то, чтобы он взял с собой семинаристов для копирования икон. Если он поедет на Афон, то его советы могут быть весьма полезны для тех живописцев, которые уже там».

День 27. По поводу сего не ожидаемого мною известия я писал Сербиновичу.

День 28. Сегодня я был у Мансурова. Он объявил мне вот что:

В Одессе я должен ожидать возвращения его из Парижа в конце месяца мая.

Без него нельзя мне быть в Константинополе, потому что он отвечает за меня перед министерством иностранных дел. На это я ему сказал, улыбаясь: «Хорошо! Но я надеюсь, что вы не будете держать меня в цепях».

Из Константинополя он отправится, куда ему надобно, а я поеду на Афон и там распоряжусь работами наших художников. (Ни одного художника не нашел я там).

В Иерусалиме я должен быть в то время, когда и он будет там, дабы наш епископ Кирилл не боялся меня.

Великая княгиня Мария Николаевна говорила ему (Мансурову), чтобы я не продавал своей библиотеки прусскому консульству в Иерусалиме. Выслушав это, я сказал откровенно, что никому не продам ее за границей, дабы иностранцы не осмеивали ни скупости нашего правительства и Синода, ни малограмотности и праздности второй миссии нашей, водворенной в св. граде.

Библиотеку мою хочет купить великий князь Константин для того монастыря, который строится подле Севастополя и в

котором будет помещена какая-то восточная академия наша.

В Крыму будет учреждена особая епархия. Управление ею и сказанной академией вверят мне.

Кроме сего, Мансуров намекал мне об учреждении особой миссии нашей в Египте под начальством моим. Но я будто мимо ушей своих пропустил этот намек его и только сказал ему, что св. Синод поручает мне возобновить там мои сношения с коптами.

Была у нас речь и о том, что синодальный обер-прокурор Толстой требует моего мнения о переводе св. Писания с еврейского языка на русский. Оба мы решили уклониться от сего дела, в котором живое участие принимает московский митрополит Филарет, невысоко оценивающий перевод 70-ти толковников.

Наконец я упросил Мансурова не препятствовать мне побывать за Иорданом и на горе Ливанской.

Апрель. День 4. Сербинович прислал мне полученное им сегодня из Киевской Духовной Академии рукописное сочинение мое под заглавием: «Попечение православной Греческой церкви о духовном просвещении чад ее в четыре последние столетия».

День 9. Он же письменно благодарил меня за присланный ему экземпляр печатных сочинений моих о Египте и Синае, выразив, что за эти сочинения от души будет благодарить меня каждый из наших соотечественников, кто только будет иметь случай видеть этот весьма занимательный, полезный и редкий у нас труд.

День 14. Великая княгиня Мария Николаевна позвала меня к себе в час пополудни и, держа в руках у груди своей мое «Указание художникам при посещении Афона», весьма милостиво и искренно благодарила меня за написание этого сочинения. Поблагодарив же, села подле растопленного камина, а меня усадила против себя и прочла намеченные карандашом в «Указании» следующие места с присовокуплением своих замечаний о них:

Изящные искусства изображают догматы и нравоучение Православной церкви.

Неизменность и непреложность догматов и нравоучения сочетаются с свободностью эстетического вкуса.

А эта свобода ограничивается исторической достоверностью, благопристойностью и внушением высоких помыслов и святых чувствований христианам.

«Все эти начала верны, – говорила великая княгиня. – В архитектуре храмов, в образах Спасителя и Богоматери непременно должны выражаться догматы. Но догматичность – не помеха строить церкви разнообразные и красивые и писать иконы изящно и поучительно». Я промолвил: «Художник пишет, например, Вселенские Соборы; он непременно должен соблюсти историческую достоверность, т.е. написать тех царей и тех святителей, которые соборовали; Константину Великому придать широкие плечи, лицо приятное, взор львиный, нос слегка орлиный, румянец на щеках, бороду редкую, шею толстую; Феодосию Великому – волосы светло-русые, нос тонкий и слегка орлиный; Феодосию Младшему – волосы цвета медового, глаза большие, черные и острые, нос тонкий и прямой. Таковы они были. Но такая достоверность – не помеха художнику написать их и одежды на них великолепно, а весь собор перспективно».

«Я, – продолжала великая княгиня, – согласна с вами в том, что иконы, как выражаетесь вы, очертательные, темноцветные, хороши для молитвы перед ними, потому что не развлекают собой внимания молящихся; но неясно понимаю вот эту фразу вашу: «неблагообразное напоминает и возвышает прекрасное». Я скромно сказал ей: «Если посадить подле вас неблагообразную старуху, то ваша красота покажется еще более блистательной». Ее высочество улыбнулась. А я в улыбке ее заметил нарисовавшуюся меткость моего объяснения.

Августейшая собеседница заметила мне и то, что при печатании моего «Указания» надобно выпустить рассказ мой о свидании моем с кардиналом Гогенлоэ в покоях папы Пия IX и о неверии его в написании евангелистом Лукой тех икон Богоматери, кои чествуются в Риме как произведения кисти сего евангелиста. Он жив. А духовные недостатки живых не подлежат нашему суждению и осуждению.

В конце концов великая княгиня сказала мне, что она прикажет напечатать мое «Указание». Но я упросил ее отложить печатание его до возвращения моего с Афона, где надлежит мне проверить это сочинение и дополнить. Затем ее высочество пожелала мне благополучного пути, успеха в занятиях моих и счастливого возвращения.

День 24. Сербинович записочкой своей уведомил меня, что указ св. Синода о поездке моей на Восток отправлен к митрополиту Григорию 22 апреля за №3476, и присовокупил, что граф Толстой нетерпеливо ожидает от меня мнения о переводе св. Писания на русский язык.

Митрополит Григорий лично вручил мне выписку из одного указа. Вот она.

1. Архимандрита Порфирия, согласно его прошению, уволить в отпуск за границу на Восток в поименованные в его прошении места сроком на один год для посещения оных с набожной и ученой целями и для взятия из Иерусалима оставшегося там его имущества и библиотеки.

2. Поручить ему, чтобы он представил духовному начальству, какие соберет ученые сведения о церковной архитектуре и живописи, с присовокуплением описания церковных утварей, библиотек и архивов, и чтобы в Египте возобновил свои сношения с коптским духовенством, которого внимание к Церкви нашей привлек в прошедшую свою поездку.

3. Для исполнения возлагаемых на него поручений прикомандировать к нему, в качестве послушника, воспитанника С.-Петербургской семинарии Благовещенского с зачислением сей командировки в духовно-учебную службу для должности учителя семинарии.

4. Сохранив архимандриту на все время отсутствия его на Востоке получаемые им ныне от духовного ведомства оклады, особо выдать на путевые издержки 1500 руб., а воспитаннику Благовещенскому 750 руб., итого 2250 рублей из духовно-учебных капиталов.

День 27. Получив это постановление св. Синода, я письменно просил Сербиновича ускорить выдачу мне и Благовещенскому 2250 рублей и тем облегчить наше

путешествие в такой стране, какова Турция, где разновременная пересылка денег сопряжена с большими затруднениями и убытками оттого, что там во многих местах нет ни казенных почт, ни банкиров.

Просимые деньги были выданы обоим.

День 28. Сербинович ответил мне.

День 30. Написан ответ Сербиновичу.

Май. День 1. Эту кратчайшую записку я препроводил к Сербиновичу с просьбой доложить сиятельному обер-прокурору графу Толстому, что я во время путешествия по Востоку буду искать древних греческих текстов Библии, и выслушаю ответы тамошних иерархов и богословов на предложенные в сей записке вопросы.

День 2. В духовно-учебное управление при св. Синоде подано мое прошение о том, чтобы сие управление сохранило годовой оклад моего жалования в 1000 рублей, с 1 дня мая месяца текущего года, или в казначействе своем, или в кассе С.-Петербургской Духовной Академии до возвращения моего с Востока, в случае же смерти моей выслало бы его в Кострому родной сестре моей титулярной советнице Серафиме Николаевской, живущей там в собственном доме, на пути от Акиманской церкви к Богоявленскому монастырю.

День 3. Получена записочка от Сербиновича.

Дни от 4 до 6. В четвертый день текущего месяца Сербинович лично передал мне рукописи: «Руководство к церковной живописи» и «Список с подлинника», а в шестой день прислал мнение (в копии) преосвященного казанского о разрешении печатать оное «Руководство» по исправлению в нем замеченных им погрешностей, прислал для сличения этой рукописи с афонским греческим подлинником; в конце же своей записочки высказался так: «За сим еще раз благополучного пути! и еще раз возможно точного соблюдения требования министерства иностранных дел, чтобы не было и повода никому заключить о каком-либо вашем нерасположении или противодействии начальнику нынешней духовной миссии; ибо все это только бы повредило вам и будущим вашим занятиям на Востоке!».

Большие трусы – петербургские сановники и чиновники! Боятся там, где нет никакого страха. Вообразили во мне какое-то обидчивое самолюбие, да и предостерегают меня от того, о чем я и не думаю. Судьба решила не служить мне в Иерусалиме, и не буду ни служить там, ни мутить воду! Давно я сказал себе: *sic fata voluerunt... Non equidem invideo, miror magis*⁵¹, и махнул рукой. Кто же сам себе враг? Слава Богу! Я еще в здравом уме и потому вредить себе не хочу и не буду. У меня своя дорога, по которой ведет меня Бог. С Ним я иду и всюду пойду бодренно; ибо Он не заблуждается.

День 7. По случаю отъезда моего на Восток синодальному обер-прокурору посланы два предположения мои.

«1. На Востоке в библиотеках патриарших, архиерейских и монастырских хранятся многие древние рукописи, греческие и славянские. Они, по содержанию и происхождению своему как вклады царей, князей и иерархов, заслуживают особенное внимание богословов; и в них была бы крайняя надобность, если бы все православные Церкви, по взаимному соглашению, приступили к собственному изданию вернейшего текста св. Писания и неповрежденных творений св. отцов Церкви и прочих произведений духовной словесности.

Эти рукописи никому не будут проданы, потому что монастыри и иерархические власти на Востоке считают их неоцененными. Но они могут быть похищены или истреблены случайно, например, пожаром. Посему желательно не только привести в известность, но и сделать списки, по крайней мере, с драгоценнейших рукописей, например, с греческих и славянских текстов св. Писания, хранящихся на Синае, Афоне и в Иерусалиме. А для удобнейшего совершения такого труда отчетливым образом надлежит нам испрашивать такие рукописи у владельцев их с тем условием, что они будут возвращены им по миновании надобности в них. Но так как восточные монастыри и иерархические власти решатся передавать нам эти сокровища на время только под ручательством наших посольств и консульств, находящихся на Востоке, то не благоугодно ли будет вашему сиятельству склонить нашего министра иностранных дел к участию в этом новом деле так, чтобы он

только дозволил нашим посольствам и консульствам на Востоке принимать рукописи под свое ручательство в тех случаях, когда владельцы оных согласятся, по чьей бы то ни было просьбе, передавать нам их на время для воспроизведения их посредством печати или светописы, или переписания.

2. Известно, что здесь ни в императорской библиотеке, ни в духовной академии, нет весьма многих греческих книг духовного содержания, кои изданы были в течение 16, 17, 18 и 19 столетий. Я по собственному рукописному каталогу, составленному мною с величайшим трудом, искал их у книгопродавцев в Смирне, Константинополе, Венеции и Риме, но не нашел. Может статься, во время настоящего путешествия моего по Востоку они найдутся у частных лиц. Но у меня нет денег для покупки их. А приобрести все эти книги весьма нужно нам для узнания духовного просвещения в Греческой церкви в течение последних четырех столетий (с 1453 года). Итак, не благоугодно ли будет вашему сиятельству поручить мне или нашим архимандритам в Константинополе и в Афинах, приискание этих книг для какого-либо духовно-учебного заведения и на покупку их единовременно назначить сумму от 500 до 1000 рублей и по соглашению с министерством иностранных дел выслать ее в нашу императорскую миссию в Константинополе для хранения до востребования ее, в уплату за покупаемые книги. Подобное поручение испрашивается и для приобретения замечательных рукописей, греческих и славянских, от частных лиц на Востоке».

Я глас, вопиющий в пустыне. Но на свои деньги я приобрел немало рукописей, греческих, славянских, арабских, грузинских, коптских, эфиопских и армянских.

Завтра я отправляюсь на Восток⁵².

Июль, 1, вторник. Есфигменов монастырь на деньги, недавно собранные в России игуменом Агафангелом, расширен и устроен, по-афонски, великолепно. Две стороны его, северная и восточная, с основания созданы вновь в несколько ярусов. Нельзя не порадоваться тому, что впрок пошли все лепты, кои благочестивый народ наш усердно давал на обновление сей древней обители. Игумен Агафангел желает собрать в нее русскую братию и, по примеру русского монастыря на Афоне,

учредить богослужение на славянском языке в созданном храме св. Антония Киево-Печерского и в строящемся обширном приделе во имя всех святых киево-печерских. У него нет средств к украшению сего придела и к первоначальному снабдению русских иноков, но есть упование на Господа, упокоевающего всех труждающихся на крестном пути, и надежда на вспоможения доброхотных дателей в России. Уверенный в Божием содействии всякому доброму делу и в нашем сочувствии духовным подвигам русской братии на Афоне, он намерен просить св. Синод о том, чтобы ему, по силе милостынной грамоты царей наших, пожалованной Есфигменову монастырю, дозволено было приехать в Россию за сбором подаваний. Да исполнится желание сердца его! Да сбудется над его обителью слово Господне: Ему же дано будет, и преизбудет⁵³. Пусть и Есфигмен украшается памятниками нашей католической веры и любви! Пусть и в этом вертограде созревают наши крины для рая!

Знаком мне Есфигмен и достаточно описан в моем «Первом путешествии по Афону в 1846 году»⁵⁴. Посему в настоящую «Книгу бытия моего» вносится только то, чего нет в этом описании.

Стенопись в соборном храме и в приделах монастыря весьма посредственна. А старинные иконы Жизнодавца, Ζωοδότης, и Богоматери Одигитрии в паперти собора, свв. великомучеников Георгия и Димитрия в иконостасе его, и св. Евфимия Великого в ризнице, достопримечательны как лучшие произведения византийской иконописи. Жизнодавец правой рукой благословляет, а левой поддерживает Евангелие, в котором написано: приимите, ядите, сие есть тело Мое⁵⁵. Величествен этот образ. Очень хороша и икона Георгия. Молодое лицо его весьма благообразно; русые волосы густы и курчавы.

Во время ученых занятий моих спутник мой Николай Александрович Благовещенский нарисовал виды соборного алтаря, водосвятного фиала, старинных зубчатых стен и ворот монастырских и келий с разных сторон, а при сличении

рукописей с печатными книгами, служил мне как чтец. Поведением и послушанием его я очень доволен.

День 7, понедельник. Начата раскопка внутри развалины, близкой к монастырю, древнейшей церкви, разрушенной обвалом горы. По 10 июля очищены алтарь и западная дверь. Находок нет.

В **восьмой** и **девятый** дни текущего месяца в Есфигмене гостил православный христианин, житель противоположного Афону полуострова Сикя, из тамошнего тезоименитого села, и говорил мне, что в прошлую войну (1853/4 гг.) предводитель 800 греков Чам приходил к ним в это село и в местной церкви св. Афанасия Александрийского сжег 100 турок. Эта церковь сгорела. Чам обещал сикиотам свободу. Но не то вышло! От этого христианина я слышал, что на Сикийском полуострове находятся остатки еллинской крепости Торони, в двух часах пути от села Сикя.

10, четверг. Сегодня я слушал обедню в церкви св. Антония Киево-Печерского, построенной в 1852 году на приморском утесе подле Есфигмена, где будто бы подвизался в пещере оный Антоний в бытность свою на Афоне. Обедню служил русский иеромонах Стефан, проживающий в Хилендарском монастыре. Родом он из Каменец-Подольского, молод, говорит по-гречески. Им приведена в порядок хилендарская библиотека. В домике, смежном с церковью, живет монах Евстафий, малоросс, раб Божий.

К вечеру ударили в колокол. Я устал от книжной работы. На дворе и на море тихо. Иду купаться.

22, вторник. Святой Крепкий укрепил мои слабые силы. Труды мои вознаграждены драгоценными прибавками ведения⁵⁶.

25, пятница. Сегодня я переехал из Есфигмена в русский монастырь, чествуемый во имя св. великомученика Пантелеймона, и пробыл в нем до 9 октября, занимаясь рассмотрением здешних рукописей. Во время этого занятия малодосужных минут у меня было от того мало, что записано и в дневнике моем.

В конце этого месяца я ездил в Карею, и там в русском ските Андреевском видел г.Севастьянова перед отъездом его в

Петербург и давал ему читать свое «Указание художникам». Он выписал для себя, из этого сочинения моего, надобные ему сведения и показал мне частицу художественных работ своих, открыв один из ящиков, в которых сложены были эти работы для доставки их в Россию. Виденные мною прориси святых мучеников, на прозрачной бумаге, во весь рост их, показались мне изрядными. При нем уже не было никаких художников, кроме француза Водэна, который раскрашивал фотографические снимки с рукописей.

Август. День 5. Я расцвел на Афоне. Разные познания, как радужные лучи света, просвещают мою восприимчивую душу. Красоты здешней природы чаруют и обогащают мое воображение. Строгое и правильное житие святогорских подвижников назидает и исправляет меня окаянного. Соборные молитвы их, как волны, поднимают мою душу к небесам. Пища моя и питье мое здесь приправляются чистейшим горным воздухом и живительной теплотой света. Мне кажется, что я питаюсь более лучами солнца и луны, чем произрастениями земли. Афон – мой рай. Здесь я блажен муж; на совет нечестивых не хожу и на пути грешных не стою⁵⁷.

7, четверг. Давно мне хотелось осмотреть юго-западную сторону Афона, ту, что супротив острова Мульяни, и начертить ее на моей карте этой длинной горы, начиная от высоты Мегалигвиглы до местности, на которой стоит Зографский монастырь. Это хотение мое исполнилось сегодня. Исполнению его благоприятствовала хорошая погода. Море было тихо. По этой рыбьей дороге я до восхода солнца отправился из Руссика на четырехвесельном челне, взяв с собой отца Серафима Комарова, диакона Амфилохия грека и Николая письмоводителя и живописца своего. Пять часов мы плыли небойко, держась берега афонского, и пристали к урочищу Руссика, называемому, по реклу, Кромица, а по книжному – Хромайтисса. На этом урочище хорош пинновый лес, производительна пашня и молод фруктовый сад, в котором зреют и груши. Тут Руссик в 1849 году построил хозяйственный дом с двадцатью кельями в нем. Но он сгорел в Пасху нынешнего года. Близ его, западнее, на холме видны развалины монастырька, уцелела стена алтаря. Этот

монастырек, помнится, построен был в одиннадцатом веке госпожой Хромитиссой, а когда запустел, это Бог весть.

От Кромицы мы по морю приплыли к ущелью Ставролакко и тут ночевали.

8, пятница. А ранним утром восходили на темя самой высшей оконечности Мегаловиглийского хребта, называемой Моливдúза. С этой выси весьма хорошо виден весь Афон. Тут я начертил карту сей горы, подробно, до ватопедской высоты Крионери налево и до Зографа – направо, а непомнобно – до самого верха Афона, который высится супротив верха Моливдузы, и был очень доволен этой удачной работой своей. Моливдуза гораздо ниже св. верха Афона и, не как этот верх, заросла травой. Видом своим он походит на многолучистую звезду. Мягкие отрожки ее изрыты дикими свиньями, кои тут водятся вопреки уверениям святогорцев, будто на Афоне не водятся ни птицы, ни животные женского пола. Вокруг этой высоты и далее весь хребет Афонский и все отроги его утопают в зелени дерев. Красив Афон под своей зеленоволнистой мантией.

С Моливдузы мы сошли опять в Ставролакк и вечером осмотрели соседние развалины Франкокастра. Я начертил план их. Это – четверугольная крепость средневековая, построенная близ моря на отлогой покатости горы, более длинная с морской стороны. В высоких стенах ее уцелели узкие прозоры для стрельания из лука и цистерна для накопления дождевой воды, в середине же на выси стоит полуразрушенная церковь греческой архитектуры. В этой церкви нет никакой надписи, и потому я не знаю, когда она построена была, после изгнания ли франков с Афона папой Иннокентием III (1214 г.), или до водворения их там, если они нашли тут готовое монашеское жилье, которое оградили крепостной стеной. Это объяснится, когда кто-либо покопается в этом месте⁵⁸.

9, суббота. Мое любопытство ночевало вместе со мной в Ставролакке и тут же пробудилось в пять часов утра и подстрекнуло меня осмотреть в соседстве Андроникову каменную башню, принадлежащую Ватопеду. Я видел ее, а спутник мой Благовещенский нарисовал с двух сторон. Эта

башня – высока. Внутренность ее снизу до верха – пуста и необитаема. На одной наружной стене ее, обращенной к Македонскому материку, видятся выпуклые, на белом мраморе, изображения Диоскуров: Кастора и Полидевка, или Алкона и Мелампа, но лицами они вмазаны в эту стену. У входа же во дворик этой башни, вставлена в каменную ограду беломраморная дощечка с изваянием на ней имени Иовакха⁵⁹.

От Андрониковой башни мы в своем челне отплыли к противлежащему острову Мульяни, под парусом, при ровном ветре, и плыли ровно час. Перед этим островом находятся четыре островка, называемые Тигани, т.е. сковородки. Они пусты и безводны. На них пасутся ватопедские кони, переплывающие по морю на Мульяни для водопоя. Между первым и вторым островком проход глубок, а между остальными – мелок. Тут есть подводный утес, о который претыкаются суда. Мы миновали его, и приставши к мульянийскому берегу, напились тут пресной воды, вытекающей тонкой струей из утеса и называемой агиазма св. Георгия, а отсюда под парусом поплыли к ватопедскому метоху, обогнувши его, и тотчас за мысом пристали к берегу, дабы видеть тут развалину. Что ж это такое? Это – маленькая площадка, вдавшаяся в утесистый берег, которого невысокие стенки облицованы каменной кладкой. Вход на эту площадку теперь открыт, но во время оно, на середине его стоял каменный столбик с двумя выдолбами в двух боках его, в кои вставлялись две решетки или двери. Этот столбик лежит на земле, а подле него валяется капитель малой колонны. По мнению моему, тут, на колонночке этой, стояла поясная статуя богини Урании, чтимой мореходами. Сия статуя недавно вытащена была рыбаками из моря близ места, о котором веду речь. Я видел ее в здешнем метохе. Нижняя часть ее обломана. Отсюда тропинка привела нас в названный метох. Здесь мы подкрепили свои силы, чем Бог послал, у единого и единственного ватопедского монаха, и немного отдохнули. После отдыха я с крыльца метоха окинул взором весь остров Мульяни. Он дик и безлюден. Лесу на нем нет. На возвышенной оконечности его, второй от Иерассивского материка, называемой Тригони, торчат три невысокие столба каменные. Хозяин метоха не знает, что и что

там было. А я не ходил туда. Пусть другие сходят и скажут: существовало ли там капище какого-либо бога или какой-либо богини.

От Мульяни мы по прежней рыбьей дороге отплыли в 4 часа пополудни в Ставролакский метох и тут ночевали.

10, воскресенье. А ранним утром возвратились в Руссик, испытавши страх на море от порывистого ветра и волнения и прочитавши утреннюю службу на своем челне.

12, вторник. Сегодня отправлено письмо к синодальному обер-прокурору графу Толстому.

День 23. В бытность Севастьянова на св. горе кривоустая молва распространила слух в Солуне и Константинополе, что русский генерал на Афоне делает микроскопический порох и складывает его в развалинах старого Руссика, что на горе. Этот слух дошел до французского посланника при Оттоманской Порте Тувенеля, и он, веря-не-веря ему, решился съездить на Афон. Пароход привез его в ксиропотамскую пристань Дафну. Отсюда же его дипломатическое благородие сегодня пожаловало в Руссик. Здешние монахи встретили и проводили его с колокольным звоном, однако в церкви подсвечниками заставили отворенные царские двери, дабы он не вошел в алтарь, недоступный еретикам. А я не хотел даже видеть сего представителя мужа кровей и лести, несмотря на суетливое желание сопровождавшего его ксиропотамского архимандрита Евгения, чтобы я обедал в Руссике с его превосходительством. Ибо удавы, как большие, так и малые, неприятны мне. Тувенель из Руссика ездил осматривать развалины старого Русского монастыря св. Пантелеймона и, не нашедши там складов микроскопического пороха, возвратился на свой пароход, который отвез его обратно в Константинополь.

День 28. Во весь день – гром, молния и дождь, и ночью дождь, а грома нет.

Сентябрь. День 4. Выписки из рукописей утомили меня. Глаза мои тяжки.

День 6. Сегодня тепло, очень тепло. Иду купаться в море. Купаясь у берега, я бросал камешки в воду поодаль от себя,

дабы не подплыло ко мне какое-либо чудовище морское и не умертвило меня.

День 25. Сердечный Порфирий! Когда ты устанешь?

Октябрь. День 4. Послано письмо к синодальному обер-прокурору. Оно весьма многосодержательно⁶⁰.

День 9. За час до полудня я выехал из Руссика в столичный город Афона, Карею, и прибыл туда около вечерни, и остановился в новом подворье этого монастыря.

День 10 и 11. Внимательно рассматривал местные образа и стенную живопись в карейском общемонастырском соборе, произведенную Панселином в XVI веке⁶¹.

День 13. Еще раз пересмотрел все рукописи, хранящиеся в маленьком приделе Предтечи, что над папертью карейского собора, за деревянной перегородкой. Доступ туда мне стоил 85 пиастров (4 руб. 20коп.)⁶².

В этот же день утром я ходил в монашескую темницу в Протатской башне. В ней никого не было в этот раз. В нижнем темном помещении ее содержатся преступники нераскаянные и тяжкие, а в среднем и верхнем, где опрятно и светло, усовещаются все виновные; тут только две комнаты, одна больше, другая меньше. Проводник рассказывал мне, что назад тому лет семь или десять, в этой темнице содержались два монаха, похитившие богатую казну монастыря Кутлумушского. Долго они не признавались в своем грехе. Но когда афонский агá перевел их в преисподнюю тюрьму, тогда покаялись и объявили, что деньги скрыты ими в горе. Там она была найдена и возвращена в обитель.

Сегодня же вечером отец Савва, общий духовник всех святогорцев, живущий близ Кареи в келье покойного Дамаскина (ростовщика), поведал мне, что в протатской колокольне есть маленький колокол (будто бы) царя Константина Великого и что в него ударяют, когда идет дождь с градом, веря, что молитвами св. Константина дана этому колоколу сила отводить грозу, бурю и градины. Завтра пойду и посмотрю на этот чудотворный колокол.

День 14. Ходил и видел его. На нем читается латинская надпись: Opus aeredum de Polis, т.е. работа медников из Полы

(города на берегу Адриатического моря, недалеко от Триеста). Это колокол Константина Мономаха. Так я полагаю.

Сегодня же еще раз осмотрена была мною замечательная келья в Карее, так называемая Типикаррица св. Саввы, архиепископа сербского⁶³.

В Карее же был я и в Харлампиевской келье, издавна купленной Руссиком. В церквике ее замечателен местный, поясной образ св. Харалампия. Его написал афонский зограф Никифор, современник здешнего же иконописца Григория. Он писал иконы масляными красками, а этот яичными. Оба скончались на Афоне во втором десятке годов нашего века.

День 15. Сделаны выписки из протатской рукописи, содержащей книги Ветхого Завета, Бытия, Исход, Левит, Числа, Второзаконие и 1 и 2 Паралипоменон, написанной на бумаге в лист в 1327 году и переплетенной. Голова моя трещит.

День 18. Пока мне хорошо живется на Афоне. Здоровье мое надежно. Меня греют два солнца, видимое и невидимое. Все силы души моей настроены ладно. Скуки я не знаю; врагов простил; друзей люблю; на людей не надеюсь, на Бога уповаю и молюсь ему пламенно, а делом своим занимаюсь прилежно: изучаю резьбу, ваяние, зодчество, иконописание и церковное пение греческое, а более читаю старинные книги, писанные на кожах. Из них я узнал, что наука о церковном пении у греков основана была на психологии. Они угадали соответствие тонов главным способностям души и сочиняли херувимские, причастны, славы святым, и напевы Псалтирей так, что одними тонами пленяли внимание ума, другими нежили чувствительность, а иными увлекали волю к Горнему, Божественному. Этим способностям нашим в каждом песнопении их соответствовали три строя, или три мотива с искусными переходами от одного к другому, дабы в молящихся и слушающих пение хора сохранялось гармоническое настроение всех сил души, и дабы они не выходили из церкви, например, с одной возбужденной чувствительностью, без увлечения ума и воли. Мы забыли эту тайну музыки. А она некогда известна была нашим предкам. История нашей церкви свидетельствует, что во время оно греческие певцы из Царьграда принесли в Россию

ангелоподобное, трехсоставное пение, т.е. состоявшее из трех интонаций в соответствии с тремя главными способностями души. Мне кажется, что не очень трудно возобновить это пение. Надобно только распознать, какие звуки, в связи с словами, чаруют ум, какие усиливают чувствительность, и какие устремляют волю к благоделанию.

День 19. Отправлено письмо к Эдите Раден о том, что по предсказанию афонского подвижника св. Нила в 1992 году будет созван Восьмой Вселенский Собор, который решит прежние споры и недоумения людей и упокоит их.

День 24. Сегодня я переместился в соседний с Кареей монастырь Кутлумушский и провел в нем 27 дней в непрерывных ученых занятиях⁶⁴.

День 30. Снег с дождем. А ночью под 31 день выпал снег на вершинах и на хребте Афона. Он виден и на островах Фасе и Самофраки. Холодно. Но Божий свет светит.

Ноябрь. День 13. Пасмурно.

День 20. Я просил игумена Иоасафа показать мне хрисовул трапезунтского царя Алексея Комнина. Он прислал его мне с старцем Никандром. Я прочел это дееписание и признал его поддельным, и вот почему: 1. Почерк его позднее того времени, в которое жил сей царь. 2. В конце поставлен год ϥφν (6550/1042) и прописан буквами, а не словами, как бы надлежало быть этому, по обычаю канцелярий царских. 3. Алексей Комнин царствовал в Трапезунте в XIV веке, как это видно из подлинного хрисовула его, хранящегося в монастыре св. Дионисия на Афоне. Поддельность представленного мне хрисовула объявлена была мною отцу Никандру. Он, выслушав мои отрицания подлинности его, не возражал мне, и взял его назад, молча. Знать, и ему дееписание это казалось недостоверным. Недостоверность его доказывается и самим содержанием его. Вот оно: Афонский пустынник Каллист приходил в Трапезунт, и там являлся сперва митрополиту Феодосию, потом самому царю, и просил его создать на Афоне монастырь. Царь внял его просьбе и, построив Кутлумуш, пожаловал ему Честное Древо Животворящего Креста, стопу св. Анны, главу св. Алипия Столпника, руку св. великомученицы

Екатерины, на острове Лимносе метох с пахотной землей в 2100 модиумов, в Сересе церковь Богоматери Милующей, τῆς ἀγίας Ἐλεούσης, с принадлежащим ей двором и у реки Стримона метох св. великомученика Георгия, называемый Πρελέα, с пахотной землей в 2700 модиумов.

Как царь Трапезунта мог давать Кутлумушу имения в названных местах, когда он не владел ими? Ложь не знает ни хронологии, ни истории, ни географии, и в этом просит извинения.

День 21. В два часа пополудни я отправился из Кутлумуша в монастырь Иверский и по пути заехал в скит св. Пантелеймона, дабы тамошним подвижникам подать милостыню и узнать, когда и кем основан был этот укромник, в каком состоянии он находится ныне и есть ли в нем что-либо замечательное. Все эти сведения собраны были мною на месте⁶⁵.

Скит Пантелеймоновский зависит от общежительного Кутлумуша. Общежитие же в этой обители учреждено двумя родными братьями, монахами Никандром и Дионисием, а утверждено Вселенским патриархом 3 сентября 1856 года. Учредителей его я видел. Оба они стары и долго заведовали кутлумушским метохом на острове Самосе. В 1857 году, 12 июня, они вместе с другими собратьями подали в Протат свое прошение о том, чтобы он из четверых монахов, избранных ими на игуменство в их новой киновии, утвердил, которого заблагорассудит. А избраны были: 1. духовник всех святогорцев иеромонах Савва, живущий близ Карей в келье Дамаскина; 2. проигумен Кастамонитского монастыря Симеон; 3. лаврский духовник Иоасаф и 4. иеродиакон Русской киновии Амфилохий, грек, родившийся и выросший в нашей Одессе. Первый и второй отказались от игуменства. Третий утвержден. Он-то и принимал меня радушно.

Недавно для Кутлумуша куплена пахотная земля с шелковичными деревьями близ города Сереса в Македонии, верст за десять от моря, и куплена за 300000 пиастров (15000 руб. сер.). Жатва с нее так обильна, что можно прокормить ею два монастыря. Это я слышал от учредителя киновии вышеупомянутого Дионисия.

В Кутлумуше я начал вновь переводить понемногу «Ерминию» Дионисия Фурноаграфиота (1701–1736 гг.), т.е. «Руководство к церковному живописанию» для великой княгини Марии Николаевны.

День 22, суббота. Вчера иверские отцы выслали навстречу мне своего дикя Неофита. Он поджидал меня у ворот своего монастыря. Красивая наружность этого молодого инок, державшего в руках камышовую трость с серебряным набалдашником, поразила меня.

Сегодня я слушал вечерню и молебен в храме Богоматери Вратарницы, построенном у ворот обители.

С 23 дня по 26 рассматривал в церквах иконы и стенную живопись и списывал все надписи на стенах и башнях монастырских, а в прочие дни до 25 февраля 1859 года читал разные рукописи и выписывал из них, что и что нужно.

День 27. Послано письмо к синодальному обер-прокурору Толстому о переводе «Ерминии» Фурноаграфиота, о стенной живописи в протатском соборе, о протатских рукописях, о хиландарской келье Типикарнице и об иноках в ней.

День 29. Ему же писано о замечательных иконах в Кутлумуше и о наилучших рукописях в тамошней библиотеке.

Декабрь. День 1. Его же письменно просил я исходатайствовать, где следует, 120 полуимпериалов сотруднику моему Николаю Благовещенскому для продолжения путешествий его со мною и для возвращения в Петербург, приписавши в конце: Такое пособие этому достойному во всех отношениях сотруднику моему необходимо тем более, что он, по прибытии в Петербург, должен чем-нибудь содержаться в те дни, в которые состоится определение его к какой-либо должности. Он сирота.

В афонских рукописях я нашел много пророчеств о падении Турции и о последующих событиях. Замечательно, что все давние пророки народ, имеющий сокрушить магометанство и распространить Евангелие, называли русым, упоминали о сопротивлении ему западных держав по видам корыстным и утверждали, что царь сего народа Иоанн овладеет Константинополем, насадит везде православную веру, так что

будет одно стадо и один пастырь, и сынов своих сделает царями в Иерусалиме и Риме, но присовокупляли, что они будут вести междоусобную войну и что Константинополь, Смирна, Солунь и остров Кипр будут поглощены морем, потом явится антихрист и последует конец мира. Узловатый рассудок твердит, что все эти пророчества суть не что иное, как расчеты благочестивого ума, внимательного к победам Иоанна Грозного над татарами, который насадил Православие в областях их. Но должно ли верить узловатому рассудку? Я верю ему, но для того только, чтобы отделаться от него, и всей душой люблю пророчесственные произведения ума, видящего в прошедшем и настоящем зародыши будущего. У Есхила – предвещание Прометея о падении Юпитера, у Вергилия – предуказание младенца, имеющего умертвить змия, у Сенеки – предсказание об открытии Америки, у марсельского пресвитера Сальвиана – предвидение обращения ко Христу германцев, после сокрушения державы римского народа, который умирал смеясь, у афонских монахов – предназначение русских к уничтожению магометанства, все эти гадания, вещания, пророчества, сбывшиеся, свидетельствуют о высоком достоинстве человека, способного видеть отдаленные события. И как ему не видеть их, когда ум его есть луч ума Божия?

В минуты, в кои я писал эти строки, небо мрачно, море шумно, воздух холоден, листья падают с деревьев, а кипарисы одеты зеленью. Она – эмблема надежды.

День 15. Устал я в библиотеке. Настала ночь. Ветер бушует в Иверской долине. Я слаб и уныл.

День 21. Получено письмо от синодального обер-прокурора Толстого от 10 ноября 1858г.

День 24. На это добродушное и учтивое письмо графа я ответил сегодня.

День 25. Сегодня в девять часов и 5 минут пополудни было первое землетрясение на Афоне, второе последовало спустя 5 минут, но то и другое продолжались не более трех секунд. Тогда на дворе было очень холодно и безветренно; воздух был сух; в небе горели звезды. Было страшно. Монастырские здания в Ивере колебались и трещали. Но Бог помиловал всех нас.

День 26. Ясно, но прохладно.

День 28. Сегодня я в библиотеке монастыря Афоно-Иверского нашел 16 бесед Фотия, патриарха Константинопольского. Они заняли все мое внимание, как неведомые редкости. С жадностью я прочел две первые из них, а когда на третьей и четвертой увидел надписи: «Первая беседа по случаю нашествия россов», вторая беседа по тому же случаю, тогда пришел в такой восторг, что все существо мое взыграло от радости. И было чему радоваться! Ведь мне, искавшему многоценных перлов на Востоке, попались два бриллианта, о которых редко кто знал, а многие, весьма многие, и не слышали, и которые я желал найти, и желал так, что после открытия их не захотел бы и слыть более счастливой случайностью в сем мире Божиим. Обе эти беседы тотчас были переписаны мною с точностью, и находившийся при мне живописец отподобил почерк их на прозрачной бумаге. По окончании этой приятнейшей работы я прочел остальные беседы сладчайшего мне Фотия и из них выбрал и переписал еще две, о почитании икон и об искоренении всех ересей в Византийском царстве. Эти четыре беседы весьма важны.

НВ. Они переведены и напечатаны мною в 1864г.⁶⁶

Мои сновидения в 1858г.

Январь, 2, четверток. Ночью под этот день снилось:

Херсонский архиепископ Иннокентий в домовой церкви стоит у восточной стены алтаря и кричит диакону: я падаю, поддержи меня. После он упал на пол. Диакон не успел поддержать его.

НВ. Сон в руку! Иннокентий скончался, велел послушнику своему положить его на пол, на котором он и дух свой испустил.

12, воскресенье. Во сне я долго разговаривал с московским митрополитом Филаретом и жаловался ему на то, что меня теснят без суда. Он не держал моей стороны. Посему я под конец сказал ему: «Не целую руки вашей; Господь да просветит вас!».

НВ. В 15 день марта месяца 1861 года я послал к нему свою записку, в которой жаловался, что меня теснят без суда. Это написано мною 15 мая 1861 года на Афоне.

Апрель, 3, четверток. Ночью и утром снилось:

1. Я вошел в какой-то дворец, будто царскосельский, и в нем ласкал какую-то кошку. Она перевернулась на спину, и я погладил ее по белому пушистому брюшку. Оттуда я вышел на площадь и вижу на карнизе дворца статуйки разных зверей. Тут явилась покойная тетка моя Ольга Степановна и с карниза сняла деревянную птичку, пожалала в ней пружинку, и птичка начала порхать около головы ее. Потом кто-то показывал мне зеленого аспида в роде ящерицы, и этот аспид схватил черепаху, но хозяин отнял ее у него. Наконец, показался разноцветный кот величиной со страуса и у кустарника начал испражняться, смотря на меня. Я отворотился от него.

НВ. Странное, неразгаданное, видение!

2. Будто я вошел во дворец великой княгини Марии Николаевны. Она встретила меня в зале, но по взаимном целовании рук не сказала ни слова и ушла переодеваться. Я в зале стал подле фортепиано. Тут ко мне подошла сперва какая-то черноватая пожилая женщина беременная и только посмотрела на меня пытливо; после нее подошла ко мне другая белокурая женщина, беременная же, и только посмотрела на меня молча. Обе они будто фрейлины, будто и не фрейлины.

Первая одета была в багряное платье, какое носят сестры Крестовоздвиженской общины, учрежденной великой княгиней Еленой Павловной. Обе без чепцов. После них подошла ко мне молоденькая девица, белокурая, в шляпке, одетая изящно, и ничего не сказала мне. Я посмотрел на нее с удовольствием. Потом вижу: из внутренних покоев идет монах белокурый, безбородый, увешанный орденами. Я спросил его: «Откуда вы?». «Из Костромы», – отвечал он и скрылся в толпе, но опять явился уже в одном синем крашенинном подряснике и сел на диван у окна, и потребовал себе чаю, сказав кому-то, что он прозывается Очагов. В эту минуту я подошел к зеркалу и увидел, что на низенькой камилавке моей белый клобук сморщился (я расправил его) и что из-под рясы моей видны рубашка и белый жилет. На рубашке через шею висели двое четок, одни черные, а другие красные. Я застегнул жилет пуговицами, дабы скрыть рубашку, потом вышел из залы в коридор. Тут толпились разные люди. Между ними я видел итальянского смуглого живописца и какого-то герцога, поддерживаемого лакеем. Конец.

NB. Два раза я был у ее высочества перед своим отъездом на Восток, но ни женщин, ни монаха не встретил у нее, а видел только маленького сына ее Сережу, сопровождаемого претолстым унтер-офицером, и дочь ее Марию Максимилиановну, которая показывала мне домашнюю церковь.

3. Я вошел в залу митрополичьего дома. Тут и в боковой комнате много людей. Все они свои, т.е. академические и семинарские наставники. Вдруг сказали мне: «Митрополит Григорий идет в залу». Я тотчас вошел в боковую комнату и у дверей ее встретил его. Оба мы молча поцеловали друг у друга руки. Я хотел было похристосоваться с ним, но в эту минуту сквозь окно блеснуло мне в глаза солнце так ярко, что я не мог похристосоваться с ним. Лицо его было весьма бело и как бы прозрачно. Потом митрополит стал среди комнаты, без клобука, в рясе, но из-под рясы его видны были две белые рубахи, одна другой длиннее. В руках он держал четки из белой кости. И у меня был такие же четки. Он посмотрел на них, подошел ко мне и, сличив с ними свои четки, сказал так: «Не у меня одного такие четки!». После сего он ушел в гостиную. Оттуда вышла толпа

семинарских наставников. Один из них сильно схватил другого за плечо, будто товарища моего по академии Скворцова, и переломил ему ключицу. Я видел ключицу его, но уже в образе длинной пчелы, вычеканенной на бронзовой дощечке! Конец.

NB. Странное видение.

Январь. День 1. Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое... Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Воздаждь ми радость спасения Твоего, и Духом Твоим владычним утверди мя.

Из Иверского монастыря отправлено письмо мое к синодальному обер-прокурору графу Александру Петровичу Толстому о моей находке бесед Фотия, патриарха Константинопольского.

День 12. Получено письмо сего графа от 20 ноября прошедшего года.

Я не отвечал на это письмо по недостатку у меня времени. Но теперь, при начертании «Книги бытия моего», во-первых, помещаю здесь выдержку из письма моего к графу от 4 октября 1858 года, во-вторых, повинность свою в неточном знании предмета, о котором писал мне Толстой.

Выдержка. В книгохранилище Есфигменова монастыря есть греческое Четвероевангелие, написанное на пергаменте в 1311 году. На первых страницах его указан известный порядок чтений Апостола во весь круглый год, а в конце изложено соответствующее ему последование чтений Евангелия. В самом же начале этой рукописи сказано, что такой порядок и такое последование чтений бывает в кафелической и апостольской церкви великого града Божия Антиохии. Итак, вот где придуманы, избраны и установлены ежедневные чтения Нового Завета – в Антиохии! Греки составили из них особенный, отборный, рядовой Апостол и особенное, отборное, рядовое Евангелие. А славяне означали их в середине и на полях всех четырех Евангелий, Деяний и Посланий апостольских, в конце же прилагали указатели их сообразно с антиохийским уставом. Правда, и у нас употреблялось подобное греческому отборное Евангелие с отборным Апостолом; но рукописи этого рода очень редки, да и в числе их немногие писаны в XI веке: полных же Евангелий и Апостолов славянских с указанием в них чтений весьма много старинных и новых, рукописных и печатных. Такое

отличие славянских изданий церковного Евангелия и Апостола от изданий греческих поясняется только тем, что для славян полный Новый Завет с указаниями ежедневных чтений одного переведен был ранее появления в греческой церкви отборного Евангелия и Апостола и что они прежде сокровище свое постоянно предпочитали этому нововведению. Да и в библиотеках восточных я не видывал греческих рукописей такого Евангелия и Апостола ранее XI века. Впрочем, если бы и нашлись такие из них, кои писаны были в IX, VIII или VII столетии, то все-таки надлежит думать, что просветители и пастыри славян заблагорассудили переводить Новый Завет не с них, а с полных Четвероевангелий и Апостолов, дабы дать этому новопросвещенному народу полное новозаветное откровение с указанием чтений его на полях и в конце рукописей, как это водилось древле.

Повинность. Под Евангелиями и Апостолами отборными, рядовыми, я разумел чтения, выбранные из Четвероевангелия, из Деяний и Посланий св. апостолов, и по неделям распределенные, начиная со дня Пасхи, а под Евангелиями и Апостолами полными – Четвероевангелия и все Деяния и Послания апостольские. Мое прилагательное «отборный» – сбивчиво и не соответствует предмету.

Лучше бы написать: Избор, Ἐκλογή, Ἐκλογάδιον, или Выбор чтений евангельских и апостольских на круглый год, начиная с первого дня Пасхи. Такие изборы у греков появились очень рано, численно сказать, около 470 года, и составлены были царем Львом Фракиянином, а изборы чтений апостольских (ἀπρακος) мнихом Исаией в 587 году. Но тогда, когда я писал письмо графу Толстому, не знал этого и, предполагая, что греческие изборы явились не ранее X или XI века, вообразил, что славянам переводили весь Новый Завет с указаниями на полях его еженедельных чтений евангельских и апостольских, а не изборы со дня Пасхи. Исповедую теперь это неведение свое и утверждаю, что у славян впервые явились изборы. Просветитель моравских славян, как видно из жития его, перевел для них не Четвероевангелие, а изборы евангельские, начиная со дня Пасхи: «Исперва бе Слово». У нас самый старший избор есть так

называемое Евангелие Остромирово (XI в.); избор Евангелий извода сербского в собрании моих рукописей написан в 1195 году⁶⁸.

День 31. Я письменно просил графа Толстого отсрочить мне и спутнику моему пребывание на Востоке на пять месяцев, с 26 мая по 26 октября, поставив на вид вот что. В области ведения и изящных искусств, воспринятых святой Церковью, многое исследовано мною, вновь узнано, соображено и возведено на степень начал Православия, которых уяснением условливается благотворность многосторонней деятельности духовенства в католической Церкви. Но некоторые исследования, сведения и соображения мои о действующих в этой Церкви силах веры, слова или школы, права и искусства должны быть проверены и дополнены, как на св. горе Афонской, так и в других указанных мне св. Синодом местах. А для совершенного окончания сего занятия, к которому присоединено особенное дело мое в Египте, не достанет у меня времени, назначенного мне в этот раз для пребывания на Востоке. Посему я прошу... отсрочить...

Февраль. День 3. Из Ивера послано письмо к графу Толстому о переводе Библии с греческого языка на грузинский афонским монахом Евфимием Торникием в начале XI века с приписанием греческого текста в этом переводе.

День 20. Ужасно утомился, работая пером. Мочи нет. Голова трещит. Satis pro nostris peccatis⁶⁹.

День 23. Из Ивера отправлено письмо к тому же графу об оном же переводе, но поведано, что перевод сей написан Евфимием без греческого текста, который перебелен особо и (будто бы) хранится в Сионском соборе в Грузии.

NB. В обоих письмах этих я не ручался за достоверность афонских известий о помянутом переводе и греческом подлиннике его.

В этот же день я письменно просил Толстого исходатайствовать мне высочайшее разрешение на то, чтобы одесская портовая таможня выдала мне мою библиотеку, которая имеет быть привезена из Иерусалима, выдала без пошлины и без всякого сношения с одесским цензурным комитетом.

День 25, среда на первой неделе Великого поста. После Преждеосвященной обедни я обедал вместе с иверской братией в обширной трапезе. Подавали две похлебки из чечевицы и фасоли, и взвар из сушеного винограда и из сухих винных ягод с черносливом. Три монаха, не бывшие сегодня за утреней, были наказаны в трапезе тем, что тянули четки, т.е. клали земные поклоны, перебирая в руках своих весьма длинные четки шерстяные, одни для троих. Это наказание продолжалось не более десяти минут. После обеда я выехал в подворье Русика на Карее, дабы тут с помощью иконописцев уяснить себе значение многих технических выражений в той греческой рукописи о церковной живописи, с которой поручено мне сверить русский перевод ее. Здешние иконописцы охотно помогают мне в этом труде моем.

С 26 по 28 и в первые дни марта я в названном подворье оканчивал перевод помянутой «Ерминии» и в то же время внимательно рассматривал стенопись в карейском соборном храме, видел монашеское кладбище на Карее, посетил рабочие храмины местных иконописцев и, побеседовав с ними, составил краткое сказание об афонских зографах и о произведениях их кисти.

Мои заметки о карейской стенописи Панселина изложены особо⁷⁰.

А мое сказание об афонских зографах помещено в «Истории св. горы»⁷¹.

О кладбище же карейском пишу несколько строк в настоящей «Книге бытия моего». Против входа во двор протатского собора, под колокольной его, на противоположной ему стороне главной карейской улицы, видится калитка с навесом, устроенная в 1839 г. Когда пройдешь через нее, очутишься на монашеском кладбище. Это Святое поле, Божие поле, очень мало. На самой середине его стоит малая, приземистая церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая. Я молился в ней. Но не знаю, когда она построена была, и никто не знает сего, а расписал ее монах Макарий в 1787 году, 24 августа, как это доказывает надпись на косяке окна, освещающего левый клирос: Ἰστορίθη τὸν παρὸν παρεκκλήσιον διὰ

συνδρομῆς τῶν πανοσιωτάτων ἐν ἱερομονάχοις κυρίου Νικηφόρου καὶ κυρίου Τιμοθέου. Χεῖρ Μακαρίου μοναχοῦ. 1787, αὐγούστου 24⁷². Эта церковь есть не что иное, как четверугольный, равносторонний домик, с куполом. Стенопись в ней весьма посредственна. Краски, особенно красная, так ярки, что глазам больно. Иконостас позолочен. Старинных икон нет.

Март. День 1. Ясно и тепло на Афоне. Я в подворье Русика на Карее, перевожу по-русски конец «Ерминии» Дионисия Фурноаграфиота о церковной живописи.

День 3. Из афонской Карееи отправлено мое письмо к Толстому со следующими напоминаниями ему: «Благоволите уведомить меня заблаговременно: будет ли дано денежное пособие состоящему при мне воспитаннику Благовещенскому, отсрочат ли пребывание мое с ним на Востоке на пять месяцев, решитесь ли вы докладывать Государю Императору о беспошлинном ввозе в Одессу библиотеки моей и при ней старые иконы, помимо тамошнего цензурного комитета и, наконец, было ли и будет ли какое-либо слово о мне в св. Синоде. Ваши предварительные уведомления о всем этом, каковы бы они ни были, поощряют меня повелевать моими обстоятельствами с полным самоотвержением и с совершенной преданностью воле Бога».

День 4. Сегодня кончено мною исправление русского перевода с греческого подлинника «Ерминии о живописном искусстве» Дионисия Фурноаграфиота, в семь часов и 50 минут пополудни, в карейском подворье Афоноруссика. Слава и благодарение Богу!

День 16. Это – день моего выезда из Афоноруссика в Фессалию. Так как мое путешествие по этой стране описано особо⁷³, то в настоящем дневнике отмечаются только передвижения мои туда-сюда и моя переписка с разными лицами⁷⁴.

Вечером **18дня** я приехал в Солунь и остановился в подворье Афонорусского монастыря, близ восточных ворот сего города.

День 21. Из Солуны полетело к графу Толстому ходатайство мое о принятии в российское подданство иверского

архимандрита Даниила, долго управлявшего Иверо-Никольским монастырем в Москве.

День 22. Оттуда же ему же написано уведомление о предстоящем путешествии моем в монастыри метеорские и оссоолимпийские.

В **дни 20, 21 и 22** отсюда же отправлено письмо к фрейлине Эйлер о действиях благодати в душах наших, о стологадании и о предстоящем мне путешествии по Фессалии.

В **дни 27 и 28** я ездил в недалекое от Солуня село Перистерии и обозрел тамошние древности.

В **29 день** писал Борису Павловичу Мансурову о выборе места на Афоне под странноприимный дом для наших богомольцев.

А в **31 день** отправился из Солуня в Фессалию на еллинском пароходе «Панеллинион».

Апрель, 1, среда. Этот пароход, постояв малое время в пристани острова Скиафо, быстро полетел в Пагасийский залив Фессалии и в половине первого часа пополудни бросил свой якорь не очень близко от крепости Воло, но в виду ее. Мои чемоданы потребованы были в местную таможню для осмотра. Но скоро я избавился от сего мытарства. Меня нашел тут и высвободил греко-влах Стамо, которому я рекомендован был нашим солунским консулом, и увел меня в греческую селитву, новую Димитриаду, отстоящую от Воло на полверсты. Опрятный дом его послужил мне удобным перепутьем.

2, четверг. Весь этот день мой проведен был в обозрении турецкой крепости Воло, новой и старой Димитриады, что на ближайшем холме Гурица, где однажды в год, именно в день Живоносного Источника, показывается из земли Святая вода. На обратном пути от названного холма, близ новой Димитриады, встретился со мною еллинский вице-консул Маргарити, служивший в Яффе, во время пребывания моего в Иерусалиме, с 1851 по 1854 год. Он узнал меня, и я узнал его. Оба мы, идучи в город, вспомнили лучшие дни, проведенные подле палестинских святынь, и лучших людей тамошних, говорили о войне Франции с Австрией, и не без радости предвидели освобождение Италии от ига немецкого. Г. Маргарити, как и все

греки, не любит австрийцев, препятствовавших учреждению еллинского королевства и завидующих развитию морской торговли его. Когда зашла речь о неблагодарности их к русским, которой они удивили весь мир в последнюю войну турок с нами, тогда я рассказал умному собеседнику следующий анекдот. Некто спросил нынешнего цезаря Австрии: «Почему приветствуют вас: „апостольское величество”? Какой апостол основал австрийскую империю?». – «Не вспомню», – ответил цезарь. Но сзади ему подсказали громко: «Иуда предатель».

3, пятница. Я в Лариссе. Гощу у нашего консульского агента хаджи Лазáру, православного и зажиточного христианина.

4, суббота. Был у ларисского митрополита Стефана и, упросивши его служить обедню завтра и помянуть усопших моих, вручил ему два голландских червонца с поминальной запиской. Он не словоохотен.

5, воскресенье. Рано отслужена обедня. Усопшие мои помянуты. Я читал по-славянски: «Верую во единого Бога Отца» и Отче наш. А по городу пронеслась молва, что я говорил проповеди о присоединении Фессалии к Греции. Народу было очень много. Русские казаки, служащие султану под начальством Садык-паши (поляка Чайковского), ставили свечи перед святыми образами. Митрополит священнодействовал без диакона. Сослужившие с ним священники говорили ектеньи и читали Апостол и Евангелие. Не торжественно это! А диакона нет потому, что никто из ларисских христиан не хочет диаконствовать по причине скудости доходов. Греку дай золото, так и диаконом он будет, а не дашь, не прогневайся и молись Богу без диакона. Вечером я был у Мехмета Асиз-паши. Дом его снаружи подперт длинными бревнами, кои упираются почти в середину узкой улицы. Мы по-французски говорили о племенах, населяющих Сирию, маронитах, друзьях, ансариях, потому что паша бывал в этой стране. Я расхваливал ему красоты Фессалии, ее здоровый климат, плодородие и довольство жителей, говорил, что путешествую по этой стране как археолог, историк, поэт, философ и священник Бога Вышнего, прихлебывая чай, который паша полюбил, проживая в Одессе военнопленным; вообще старался обаять пашу и словом, и

взором, и улыбкой, дабы он не подозревал во мне политического соглядатая, и наконец попросил его дать мне проводников до Метеор. «Я пошлю с вами жандармов; они будут охранять вас во все время вашего путешествия здесь; будьте спокойны», – сказал он, пожимая мне руку. Я поблагодарил его и откланялся ему. Провожая меня до дверей горницы, он предложил мне посетить казацкого начальника Садык-пашу, но услышал от меня ответ отрицательный: «Теперь поздно, и я не решаюсь утруждать его».

Не забыть бы. Осматривал я Лариссу с учителем местной греческой школы, но не нашел тут ничего достопримечательного. А судьба сего города мало известна мне. Он стоит у реки Пиния, впадающей в Солунский залив моря, в классической области Пеласгиотии, а основан был пеласгами. Тут еллинский герой Персей, в 1431 году до Р.Х., во время общественной игры на площади нечаянно убил своего деда Акрисия неловко пущенным диском. Ларисса была столицей троянского богатыря Ахиллеса. В ней жил Филипп, отец Александра Великого. Этот город взят был с бою в 302 году до Р.Х. Димитрием Полиоркетом, а в 192-е лето – Антиохом III. Помпей укрылся в нем после того, как проиграл сражение на Фессало-Фарсальской равнине. В начале четвертого века нашей эры в Лариссе уже были христиане. Тогда их епископ св. Ахиллий присутствовал в Первом Вселенском Соборе в 325 году и подписал определение его. Из истории Лариссы, когда она находилась под игом турецким, помещаю здесь два события. В 1657 году в этом городе находился султан Мехмет. Тогда явились к нему послы казаков, живших между Днепром и Днестром, явились вместе с гетманом их Дорошенком и просили его принять их в свое подданство. Султан охотно принял их и гетману пожаловал знаки власти, бунчук и санджак. В 1770 году, когда произошло восстание пелопонесских греков против турок, жители Лариссы потерпели страшные бедствия. Тогда янычары ежедневно убивали от 10 до 20 христиан ларисских и наипаче зажиточных, которые не успели бежать. В указанном году, 6 марта, пребывавший в Фессалии Ага-паша с двумя другими пашами призвал в Лариссу три тысячи христиан из области города Трикки для того, чтобы они

для успокоения страны объявили ему, что и что им надобно, и получили от него справедливое удовлетворение, и выслушав их, приказал умертвить всех их. Приказание его было исполнено. Тогда все улицы Лариссы завалены были гниющими трупами. С той поры и в тамошней церкви долго не совершалось богослужение, и митрополит едва-едва спасся, убежав в ближайший город Тирнаво. Ларисса с околотком ее издавна управлялась собственным начальством, так называемым мухавиза, под надзором фессалийского сатрапа, жившего в Трикке, а во дни Али-паши янинского и преемников его стала столицей Фессалии.

Староста единой и единственной церкви в Лариссе, Марко Панаиоти, красавец, с обликом славянским, по просьбе моей, доставил мне список ларисских иерархов, но только с 1550 года. Помещаю его здесь, так как он не вошел в описание путешествия моего по Фессалии⁷⁵.

Годы: 1550. Виссарион, уроженец из села Порты триккской епархии, бывший епископом в Стагоне.

1560. Неофит, племянник его.

1580. Иеремия, трижды бывший патриархом Вселенским.

1652. Паисий, бывший таким же патриархом.

1660. Дионисий, такой же патриарх.

1669. Иаков, такой же патриарх.

1691. Парфений, возобновитель кафедрального собора в Трикке.

1722. Гавриил.

1749. Иаков.

1750. Мелетий Тенедосец, патриаршествовавший в Константинополе в 1767 году.

1796. Дионисий Каллиáрхис.

1806. Рафаил.

1807. Порфирий.

1811. Гавриил Кангас из Иоаннины.

1818. Поликарп из Бификуки.

1821. Феодосий из Велласа.

1822. Кирилл.

1822. Поликарп во второй раз, убитый во время восстания греков.

1822. Кирилл Сулцас, святительствовавший только 40 дней и скончавшийся.

1823. Дамаскин из Фарсалы.

1825. Мелетий с острова Сифно.

1836. Анфим Византиос.

1837. Анания с острова Митилини.

1853. Стефан.

Ларисский митрополит всечестный есть вместе и экзарх Фессалии и Еллады. Ныне под священноначалием его состоят только четыре епископа: триккский, гардикийский, стагонский и фавмакский.

Ларисские христиане в начале семнадцатого века учредили у себя школу для детей своих. Первым учителем в ней был некий Анастаси. Она существует и ныне.

В Лариссе жителей насчитывается 35000. Большая часть из них – магометане, прочие же христиане и евреи.

6, понедельник. В половине третьего часа пополудни я с присными моими выехал из Лариссы по большой дороге, ведущей к городу Трикке, и в половине восьмого остановился ночевать в селе Зарке, у преосвященного Анфима, епископа гардикийского. Он принял меня весьма радушно.

7, вторник. На другой день, в пять часов утра, осмотрена была мною живопись в церкви, почти соединенной с домом епископа, списаны все местные надписи и замечена особенность на кладбище, расположенном тут же на дворе вокруг деревянной колоколенки. Какая особенность? А вот какая! На всех земляных могилах стояли деревянные фонарики с дверками; а в них теплился неугасимый огонь на глиняных блюдечках.

Простившись с епископом, я отправился в путь в половине седьмого часа и в начале двенадцатого остановился у развалин древнейшего города Гардики. Тут срисованы были мною остатки циклопических стен и осмотрен глубокий кратер вулкана. А спутник мой Благовещенский начертил вид опустевшей и развалившейся церкви св. Параскевы.

В половине третьего часа поезд мой двинулся с этого места и в половине пятого достиг до города Трикки. Здесь мы остановились в доме грека Кучко, которому поручил нас хаджи Лазару.

8, среда. В Трикке мне посчастливилось получить из рук преосвященного епископа Анфима (святогорца) старинный деловой кодекс святейшей митрополии Трикко-Ларисской и в одной из четырех приходских церквей, именно в Рождество-Богородичной, видеть, чего никогда я не видывал; я разумею две немалые иконы, лежащие на налое, так называемые страстные. Из кодекса я, в бытность свою в метеорских обителях, выписал для себя многое любопытное и необходимое для церковной истории Фессалии. А о реченных иконах помещаю здесь краткую заметку. На одной изображены евангельские события, совершившиеся в понедельник, вторник, среду и четверток Страстной седмицы, а на другой – события в остальные дни ее. Обе эти иконы написал Димитрий Каларфиот в 1787 году. Кисть его незавидна, но хороша мысль изобразить на иконе всю Страстную седмицу.

В Трикке на холме высится турецкая крепость. Мне захотелось осмотреть ее. Осмотрел внутри и снаружи, но не нашел того, что предполагал найти, т.е. циклопической постройки.

Город Трикка, ныне Трикала, построен был в незапамятное время и назван так именем Трикки, дочери Асопа и жены Ипсея. В нем, по заверению Страбона⁷⁶, находилось древнейшее и знаменитейшее капище Ескулапа, τὸ ἱερὸν τοῦ Ἀσκληπιοῦ τὸ ἀρχαῖότατον καὶ ἐπιφανέστατον. Христианство воссияло здесь, вероятно, в одно время с появлением его в Лариссе, т.е. в конце третьего века. Ибо в 325 году в Трикке были епископ Диодор и вместе с ларисским архипастырем Ахиллием присутствовал в Первом Вселенском Соборе. Из числа триккских епископов известны в богословской литературе Олимпиодор и Икумений († 945). Первый написал толкования священных книг Иова, Екклесиаста и Иеремии, весьма часто пользуясь экзаклами Оригена, наипаче в изъяснениях книги Иова⁷⁷. Второй кратко и

ясно истолковал Деяния апостольские, семь соборных посланий и все послания апостола Павла⁷⁸.

В Трикке, по заверению г. Кучко, находится 12000 жителей, греков, евреев и турок, а во всем округе сего города – 50 деревень и 28000 душ.

9, Четверток Великий. В половине десятого часа дня я сел на белого коня и отправился в первый метеорский монастырь, чествуемый во имя св. архидиакона Стефана; здесь встретил и св. Пасху.

Так как все метеорские монастыри, населенные и запустевшие, достаточно описаны мною в моем «Путешествии по Фессалии», то я, не любя повторяться, не говорю ни слова в этом дневнике о своем пребывании в сих монастырях и только скажу: что такое Метеоры.

Греческое слово Метéорон означает подоблачную высоту, которая издали кажется неясной и вычурной. Таковы высоты метеорские близ города Трикки. Они суть не что иное, как ринутые подземным огнем на поверхность земли глинисто-каменистые растворы и лавы, ринутые весьма высоко и огустевшие в виде волн, холмов, шатров, столпов, колонн, обелисков, пирамид, мачт, корабельных остовов, стенных укреплений с зубцами и куполами, и даже в виде птиц, зверей и человеков, в разных положениях их. Эти дива дивные, эти каменные, голые массы, высокие и приземистые, громадные и малообъемные, с пещерами внутри и с монастырями на вершинах и в отвесных боках их, эти многочисленные вулканические утесы, примкнутые к горам и отделенные от них, стоят слитно и раздельно, прямо и наклонно, остриями вниз, тупеями вверх, и на небольшом пространстве, как бы в боевом порядке построены отдельными взводами и густыми массами, лицом к реке Пинию, тылом к горам, и составляют правое крыло у монастырей Преображенского и Варлаамского, левое у обители св. Стефана и города Стагона, а центр у холма Дупиани. Как эти утесы, так и монастыри на них обрисованы Благовещенским на 19-ти листах, и нарисованы весьма удачно. А топографическую карту их составил я сам, принимаясь за это дело по частям многократно. Вычурнее всех метеорских видов есть гора Кукла,

на которой стоят монастыри св. Стефана и св. Троицы. Приближаясь к этой горе по дороге от Трикки, видишь, сперва, громадного каменного митрополита в клобуке, согбенно сидящего задом к зрителю, и подле него харю Нептуна на утесе Алисо, потом на отрогах Куклы усматриваешь, на правом углу, бородатого Девкалиона, при котором был потоп в Фессалии, на левом – жену его Пирру, а за нею служанку с водоносом на плече, перед ними два каравая, один на другом, которых не съешь и в миллионы лет; повыше же их зришь низверженных и израненных исполинов с их щитами и обитель св. Стефана, втиснутую в верхние расщепы утеса, словно каменный стакан, вставленный в горсть руки между поднятыми и растопыренными пальцами. У этой обители виднеется голова человека, будто служащего обедню. Она покрыта скуфьей.

Обнимая взором Метеоры, дивишься и говоришь: *«Кто Бог велий, яко Бог наш? Ты еси Бог, творяй чудеса един»*, а смотря на монастыри, построенные на высочайших и отвесных столпах и в пещерных боках утесов, сознаешь крепость веры и самоотвержения древних отшельников, которые с помощью лома и веревки взошли на такие столпы и утесы, дабы стать ближе к небу.

В эти монастыри меня поднимали в сетке, прикрепленной к канату. Возносясь туда и спускаясь оттуда, я постепенно чувствовал робость, страх, трепет, ужас и обомление, особенно в те минуты, когда между стремнинами качался над пропастями, когда земля, казалось, уходила подо мною в бездну, когда подтягивали меня к помосту подъемной башни, опрокидывая голову мою в пропасть, и когда перед полетом вниз усаживали меня в сеть, собирали кольцеобразные узлы ее над моей головой и, продев в них железный крюк, сталкивали меня с помоста башни в бездну. Ужасные минуты!.. Были дни, в которые мне приходилось подниматься на метеорские столпы и опускаться с них по два и по четыре раза, так что я пролетал воздушные пространства иногда в 40, иногда в 55 сажен, по ровному отвесу, между страшными скалами, коих основания поставлены на крутых склонах земли гораздо ниже тех мест, откуда поднимается и куда опускается сеть с трепещущим в ней

седоком. Трудно было привыкать к таким полетам. Для ободрения себя я, согнутый в сетке в две дуги, пел разные священные стихи, но не перемогал своих ужасов. Они сдавливали сердце мое и выдавливали слезы из глаз моих в монастырских церквах перед ликами Спасителя и Богоматери. Это были горячие слезы благодарения за спасение моей нептичьей жизни.

Май, 5, вторник. Последний монастырь метеорский, в который поднимали меня в сетке, был Никольский, прозываемый Анапавсá. Оттуда я перебрался к стагонскому епископу Феофилу в прошлую пятницу и, проведши у него в доме три дня в книжных занятиях, сегодня отправился в Трикку. Здесь гостеприимный Кучко приютил меня во вновь отделанных горницах, а преосвященный Анфим, приняв из моих рук кодекс епископии его, благословил меня на путь дальний.

6, среда. Утром у нас все было готово к отъезду в Лариссу. Но неожиданно приехал в дом Кучки игумен Метеоропреображенского монастыря и потребовал от меня рукописную Библию XIV века, которая с его дозволения взята была из монастырской библиотеки и которой я дорожил как редкостью. Напрасно я упрашивал его дать ее мне под расписку на один год за ручательством нашего агента хаджи Лазару в ее целостности и возвращении по принадлежности. о. Каллиник был непреклонен; и я возвратил ему эту метеорскую жемчужину! Переговоры мои с ним задержали меня часа на два. Потом я не без печали выехал из Трикки и ночевал в Зарке у епископа Анфима.

7, четверг. Отдыхаю в Лариссе у г.Лазару. Мил он мне; мило и все небольшое семейство его. Но неуспешно было ходатайство его у митрополита Стефана о выдаче мне на год вышеупомянутой рукописной Библии. Преосвященный отказался помочь мне в этом деле, потому что Метеоропреображенский монастырь вполне не зависит от него.

8, пятница. Однако эта неудача не сокрушила меня. Я надумал устранить ее посредством нашей Императорской миссии в Константинополе и написал туда письмо⁷⁹.

Как только кончена была переписка этого послания, явился ко мне грек из Аграфской области и объявил, что он по просьбе моей (перед отъездом в Метеоры) писал знакомым своим в Фурне об иеромонахе Дионисии, составившем руководство к церковной живописи, Ἑρμηνεῖαν τῆς ζωγραφικῆς τέχνης, и получил оттуда уведомление, что этот Дионисий был в Фурне школьным учителем, ушел на Афон и оттуда возвратился в это селище около 1733 года, где и написал стихи в похвалу Богоматери. Это уведомление согласно с показанием афонского живописца Макария, что Дионисий жил на св. горе в начале XVIII века.

9, суббота. Предпринимается новое путешествие в новые места Фессалии, именно в Димитриевский монастырь на горе Оссе через пресловутую Темпейскую долину, и в обители на высотах Олимпа⁸⁰.

Из Фессалии я приехал в Руссик 7-го июня 1859 года и на другой день написал Мансурову.

Июнь, 9, вторник. Сегодня отправлено мною письмо к синодальному обер-прокурору графу Толстому.

10, среда. В Руссике мне хорошо. Отдохну здесь еще дня четыре и потом пойду в монастыри Ксенофский, Дохиарский, Зографский, Кастамонитский, Ватопедский и Пандократорский. Тамошние библиотеки, а в Зографе и архив, ожидают мою любознательность.

15, понедельник. Настал пятый час пополудни. Я отправился на лодке по морю в соседнюю с Руссиком обитель преподобного Ксенофонта и провел в ней пять дней⁸¹.

20, суббота. От обители Ксеновской рукой подать до монастыря Дохиарского. Здесь я пробыл четыре дня и, кончив свое книжное дело, отплыл в монастырь Зографский. А дело это описано (даже напечатано) особо⁸². Посему нет ему места в настоящей «Книге бытия моего».

24, среда. В Зографе братья славяно-болгары приняли меня весьма радушно и поместили в наилучшем архондарике, в котором мне и просторно, и светло, и покойно. Спаси их Господи, а меня укрепи на предлежащий мне подвиг. Сюда я приехал вечером.

Готовы у меня особые тетради для записи архивных и книжных занятий моих здесь. А в этой книге отмечается кое-что особенное.

29, понедельник. Сегодня в соборной церкви монастыря я служил божественную литургию с болгарцами-старцами. После службы мне принесли Апостол церковный, написанный на бумаге, в лист, в монастыре Чирепище в 1630 году, и пожертвованный в Зограф в 1656-е лето Господне. Перед началом его помещены шесть небольших статей разного содержания. Из них в пятой перечислены все апостольские писания и в конце ее сказано:

"В лето ~~СЧ~~ (6095=587) оглавлен бысть апостол от Исаия мниха и открыты быше субботы и недели. и понедельник. и вторник. и среда. и четверток. и петки, дабы разумно было на скоро изобретение (т.е. дабы можно было скоро отыскивать чтение Апостола). Такожде и по ~~м~~цем апостолы святым, и послания, откуда писана, и как написаны быше».

По прочтении этого сказания я на самом манускрипте написал: «Какое драгоценное сведение! Господи Боже мой! Благодарю Тя от всего сердца моего и от всея души моея, яко сподобил мя еси открыти и уразумети сие в день памяти святых апостолов Твоих Петра и Павла, по совершении божественной службы в богоспасаемой обители святого великомученика и победоносца Георгия, рекомаго Зограф. 29 июня 1859 года».

Достоверно не знаю: кто этот Исаия и где он жил и трудился. А предположение мое о находимости его в клире церкви Антиохийской, в которой Феофил, Серапион, Татиан, св. мученики Лукиан, Феодорит Кирский и другие усердно и с умением занимались испытанием и толкованием св. Писания, это предположение пока пусть остается на границе библейской критики. Быть может, оно со временем и в область этой науки войдет как сущая правда.

Июнь. От 1-го до 17-го. Во все эти дни я прилежно занялся своим делом: списывал надписи, пересмотрел все славянские книги в благоустроенной монастырской библиотеке и перебелил весьма много разных юридических актов, редко выходя за ограду обители для прогулки и лишь на два дня съездив в

соседний монастырь Кастамонит. Все эти занятия в дни жаркие утомляли меня. В один из них (11-й) я, окончив свою работу, написал под ней: «Устал! Голова кружится!». А в 16-й день прописал: «Ужасно устал я; глаза мои тяжки, а голова светла». Из Зографской обители посланы были 14, 15 и 16 дня четыре письма к товарищу синодального обер-прокурора князю Сергею Николаевичу Урусову. В первом испрашивалась отсрочка моего пребывания на Востоке до 26 апреля 1860 года; во втором доложена просьба о высылке мне 1000 рублей годового жалования и 1000 рублей пенсии с 1-го мая 1858 года по 1-е мая текущего года полуимпериялами в наше генеральное консульство в Константинополе. В третьем я просил ускорить решение недоконченного дела об определении меня к должности и вместе дополнить дело о последнем отправлении меня на Восток указанием мне временного помещения в случае какого-либо затруднения устроить вскорости союз уделенных мне Богом дарований и сил с потребностями той Церкви, к которой я принадлежу. В четвертом письме уведомил Урусова, что г. Севастьянов, изъявивший желание принять меня в сотрудники при художественных занятиях его на Афоне и обязавшийся уделить мне 1000 рублей из суммы, назначенной на экспедицию его, еще не прибыл на Святую гору.

17, пятница. По окончании своих занятий в Зографе я отправился в Хиландарь и приехал сюда в полдень. Здесь у меня было много дела такого же, как и в прочих монастырях афонских. Оно задержало меня в этой сербской (ныне болгарской) обители до конца месяца августа.

В **12 день** месяца, в 6½ часов пополудни, шел дождь, а в следующий день, в десятом часу пополуночи, был такой сильный ливень, что русло ручья от монастыря до моря наполнилось водой аршина на три в высь. Скоро она прибыла, но скоро убыла.

Сентябрь. Весь этот месяц, с первого дня до последнего, проведен был мною на Востоке в книжных архивных занятиях, за исключением дней **12** и **13**. В эти дни я ездил в Хиландарь для наблюдения над тамошним колодцем, устроенным, как думалось, финикианами, когда персидский царь Ксеркс

перекапывал перешеек Афонский. Этот колодец сделан особенным образом. В глубине его, с восточной стороны, есть простор, из которого веет воздух так, что к западу отдувает спущенный на бечевке к самой воде фонарь со свечей. Оттуда идет приток воды. А на противоположной стороне проделан выход для нее, из которого она течет под монастырем и вливается в соседний поток, иногда пересыхающий, иногда текущий бурно. Точно таково устройство древнейшего колодца подле афонского городка Иерисса. Подобных водоемов нет нигде на Афоне. Их никогда не делали монахи. Они строили водопроводы на поверхностях горы. Вот почему хиландарский колодец я усвою не им, а подданным Ксеркса финикианам, которые, как известно, умели находить подземельную воду и пускать ее вверх через пробурованные черепы земли.

В бытность мою в Хиландаре 13-го сентября, в воскресенье, в 12¼ часов пополудни, слышан был слабый удар под землей, а за ним тотчас последовал другой удар, сильнее и долее. Тогда я обедал. В 3½ часа пополудни опять был мгновенный удар под землей. Неприятно! Тревожно!

Октябрь. День 2. Нечего мне делать в Ватопеде. Пора ехать в другие обители. Надобно мне побывать в русском ските, называемом Серай, и тут видаться с г. Севастьяновым, потом в Пандократоре и Ставрениките. Итак еду.

В этот раз мой проводник и погонщик мулов провел меня в Карею по дороге не береговой, а горной, которая пролегает немного ниже афонской выси, называемой Крионеры. Тут от Ватопеда до Карей много влаги и разного леса. Растительность богатая!

День 5. Сегодня я виделся с г. Севастьяновым в Серайском ските, а другой день – в карейском подворье Руссика, и передал ему все свои сведения о замечательных иконах и стенных изображениях, о книжной живописи и прочих древностях, какие только были показаны мне в 12 монастырях афонских.

День 7, среда. Минули 9¼ часов пополудни. Я выехал из вышеназванного подворья в монастырь Пандократорский и прибыл сюда в конце 11 часа. Здешние отцы приняли меня весьма благосклонно и поместили в самом лучшем архондарике.

В Пандократоре соборная церковь алтарем своим обращена прямо к морю, а в Ватопеде и в Руссике соборы поставлены вдоль моря. По этим заметкам рисуй карту Афона.

Мои занятия в Пандократоре были такие же, как и во всех прочих обителях святогорских. Они продолжались до **17** дня сего месяца. Окончив их накануне этого дня, я написал в своей путевой тетради: «Днем: небо ясно, море тихо и прозрачно; в нем рыбы играют. Ночью: море тихо. Я спокоен. В небе горят звезды. Во мне пламенеют вера, надежда и любовь».

Дни 17 и 18 я провел в русском ските св. Пророка Ильи, принадлежащем Пандократору, в **19 день** обозревал развалины старого Руссика, известного под названием Ксилургу, а в следующие дни, до **22** октября, пробыл в обители Ставроникитской, где исполнил свое афонское дело, отсюда же переместился в карейское подворье Руссика и еще раз взглянул на стенопись протатского собора.

День 23. Сегодня возвратился в Руссик в ожидании известий из С.-Петербурга, и в следующие дни отправил туда несколько писем:

Князю Урусову два письма от

26 дня

Все о нуждах моих и состоящего

Ему же два письма от 27 дня при мне семинариста.

Ему же два письма от 28 дня

Фрейлине Эйлер одно

письмо от 28 дня

Ей же другое письмо от 30Жалобное, о разных предметах, о
дня поминовении усопших.

Фрейлине Раден (лютеранке)

письмо от 31 дня

Подобны всех этих писем сохранены мною особо. Посему нет надобности помещать их в этой «Книге бытия моего».

Ноябрь и декабрь. Оба эти месяца я безвыходно провел в Руссике, сидя у моря, и ожидая хорошей погоды из Питера. Неладно было настроение души моей пылкой. Но сердитый пыл ее умерялся самообладанием, которое у меня весьма действенно. А при самообладании продолжались и занятия мои. Я изложил половину описания путешествия моего в Фессалии по

путевым заметкам своим, и принимал живое участие в приискании у Афона удобнейшей пристани для наших торговых пароходов по просьбе чиновника нашего генерала-адмирала по имени Бориса Павловича Мансурова.

Помянутое описание не входит в состав настоящей «Книги бытия моего». А дело об оной пристани излагается здесь подробно.

Пароходы нашего торгового общества Одесского, по настоянию нашего генерала-адмирала *Константина*, начали посещать Афон с 1858 года, но приставали в самом неудобном месте, именно у Руссика, где нет безопасной якорной стоянки. Надлежало приискать такую стоянку. За это дело взялся я, и 1-го августа того же года в первый раз из Руссика писал Мансурову об удобном месте, на котором можно построить помещение для нашей пароходной агенции и для наших поклонников, посещающих св. гору.

В том же месяце, 12 дня, послано было Мансурову другое уведомление мое об острове Мульяни.

В том же месяце, 18 дня, в 9 часов пополудни, Мансуров и я, мы ездили на пароходе «Ласточка» к острову Мульяни и осмотрели его.

В 6-й день сентября 1858 года Мансуров из сирийского города Бейрута уведомил меня письмом, что он согласен на мое предположение поставить на Мульяни первый приют для наших поклонников. А я 20 декабря того же года из Иверского монастыря писал ему о мульянийском деле.

Окончена и настоящая «Книга бытия моего».

Quiiece liber

Donec eas in mundum

Talis, qualis es

incultus⁸³.

Хвали, душе моя, Господа.

Восхваляю Господа в животе моем!

Пою Богу моему, дóндеже есмь.

Январь. День 1. А на князей и на сынов человеческих не надеюсь. Вот уже третий месяц с лишком начался с той поры, как я переместился в Руссик в ожидании от них воспоминания о мне и присылки моих заслуженных денег, но нет от них ни слуху, ни духу, ни гласу, ни послушания. Что же делать? Потерплю еще несколько дней.

День 12. Терпел, терпел, и ничего не выждал. Лопнуло терпение мое. Еду в Константинополь на авось, и оттуда в Иерусалим, за своими пожитками и книгами.

Русский пароход бросил свой якорь у Руссика. Сажусь на него. Прощай Афон, но до свидания.

Авось сбылось. Капитан парохода вручил мне 196 полуимпериалов, составляющие мое жалование с 1 мая 1858 года по 1 мая 1859 года. Итак, я богат. Есть с чем ехать во Святой град.

Прочие дни текущего месяца **(15–31)** проведены были в Константинополе не без дела, которое, однако, приостановила лихорадка.

День 31. Был я у Вселенского патриарха Иоакима и просил его достать из Метеоропреображенского монастыря рукописную Библию XIV века и представить ее в наше посольство для передачи ее мне на рассмотрение в течение одного года. Его всесвятейшество, выслушав эту просьбу мою, повторил мне тот же ответ, какой он дал нашему посланнику князю Лобанову-Ростовскому, т.е. что было бы удобнее прислать кого-либо из России в Метеорский монастырь для переписки этой Библии на месте или возложить сей труд на одного из монахов обители, искусного в каллиграфии, с тем, чтобы после сличить список с подлинником для удостоверения в точном сходстве его с ним. Но я поставил ему на вид, что во всех семи метеорских монастырях нет ни одного инок, способного заняться этим делом, что посланному из России монаху было бы весьма

тяжело прожить несколько месяцев на Метеорском столпе, где весьма скудна постная пища, и куда и откуда очень трудно и даже опасно подниматься и спускаться в веревочной сети или по висячей лестнице, и что в Петербурге такая важная рукопись, какова метеорская, была бы воспроизведена посредством фотографии скоро и верно. Патриарх возразил, что он затрудняется выдать нам из отдаленной обители такую рукопись, которая составляет драгоценное достояние ее. Зная, как недовольно было все греческое духовенство проделками Константина Тишендорфа на Востоке, и боясь, как бы вселенский владыка не заговорил со мной о другом предмете и, таким образом, как бы не уклонился от моих убеждений, я, с теплым усердием к святому делу, говорил ему: «Святой владыка мой! Священное Писание есть правило нашей веры. В Православной церкви оно издано было на греческом языке только дважды, сперва господином Глики в Венеции иждивением валахского господаря (не помню имени его) в конце XVII века, потом в Москве в 1821 году по благословению св. Синода Всероссийского. То и другое издание не было утверждено никаким освященным Собором; и оба они сходны ли между собой и согласны ли с чтениями из Ветхого Завета в Господние и Богородичные праздники, это не дознано. Посему возникают вопросы: должны ли руководствоваться ими богословы и проповедники с полной уверенностью в их общецерковном достоинстве; нет ли других древнейших и лучших списков св. Писания, согласных с помянутыми чтениями; не надобно ли поискать их в православных монастырях, сличить между собою и издать один общий текст для общего руководства. В России таких списков нет. Древнейший рукописный текст Ветхого Завета, взятый Тишендорфом из Синайского монастыря, неполон. На Афоне я нашел много рукописей, содержащих исторические и поучительные книги этого Завета VIII, XI, XII и XIV столетий, но не открыл пророчеств. Единственный список Библии с пророчествами найден мною в Метеоропреображенском монастыре, но и тот трудно получить и издать в свет. А он может истлеть, сгореть, попасть в чужие руки. Итак, помилуйте, святейший владыка, не лишите нас единственного брашна

духовного, которого мы просим у вас; благоволите востребовать метеорский список Библии и передать его через наше посольство св. Синоду Всероссийскому; по истечении года он будет возвращен в свое место; или, по крайней мере, вытребуйте его в ваше богословское училище (что на острове Халки) и допустите наших богословов сличить его там с московским изданием Библии и с церковными чтениями из Ветхого Завета». Эта последняя мысль, внезапно возникшая в моей голове, овладела душой патриарха. Он почувствовал силу ее и дал мне святительское обещание вытребовать просимую Библию в Халкинское училище, сказав: «Я немедленно напишу о ней ларисскому митрополиту и обяжу его съездить в метеорский монастырь, взять оттуда рукопись и доставить ее мне. Вы найдете ее на Халки по возвращении своем из Иерусалима». Выслушав эти слова, я, как был, в лисьей шубе, припал к стопам его всесвятейшества и, поднявшись, поцеловал десницу его несколько раз. Так это было. Правду говорю пред лицом истины.

Благосклонность вселенского владыки воодушевила меня и побудила попросить его, чтобы он вытребовал из помянутого монастыря и другую рукопись, именно творение царя Льва Мудрого, под названием: ἡ ἁκεστικὴ ψυχῶν ὑποτύπωσις = «Врачевание душ». Его всесвятейшество обещался исполнить и эту просьбу мою. Свидетелем обещаний его был Александрийский патриарх Каллиник, которому прилучилось быть у него в лучший день моей жизни. То был 31-й день января.

Февраль. День3. Приготовляюсь к поездке в Святой град Иерусалим. Еще раз Бог сподобляет меня видеть тамошние святыни и помолиться перед ними с верой, любовью, упованием и со слезами. Велика милость Его ко мне, грешному и недостойному рабу Его. А мое сердце преисполнено благодарением Ему.

День 16. Я в Яффе. Отдыхаю после плавания по морю разливанному, по морю волнующемуся, по морю усмиряющему человеческую страстность и умеющему понудить душу молиться Богу, Который есть упование всех сущих в море далече.

День 17. Я в Рамле. Сюда приехал приветствовать меня бывший драгоман мой Фадлалла Саруф, ныне служащий при

нашей, второй после меня, духовной миссии в Иерусалиме.

День 18. Из Рамлы я выехал рано, надеясь поспеть в Святой град до захождения солнца. Но не успел, как надеялся, потому что на всем пути лил дождь и промочил меня и спутников моих чуть не до костей. Мы принуждены были остановиться на ночлег в доме шейха Абогоша. Он принял нас ласково и обогрел мангалом, т.е. жаровней, в которой прогоревшие угли едва подернуты были пеплом.

День 19. Был день ясный и для меня радостный. Еще до полудня я проехал по стогнам Иерусалима в приготовленное для меня великолепное помещение, то самое, в котором провел несколько дней великий князь Константин Николаевич с семейством своим. Оказалось, что Иерусалимский патриарх Кирилл, у которого я в Константинополе принял благословение на отъезд в св. град, ранее моего пришествия сюда писал наместнику своему о достодолжном принятии меня и о помещении самом удобном и самом приятном. Спасибо его блаженству, помнящему немалые услуги мои, оказанные патриаршему престолу его, особенно по устройству школ и богословского училища в монастыре Крестном. Даруй ему, Господи, здравие, спасение и во всем благопоспешение и сохрани его на многая лета.

Дом архимандрита Порфирия в Иерусалиме

Мое помещение находится под патриаршим домом, из которого мраморная лестница ведет прямо в длинную залу, где каменные стены обтянуты розовым ситцем. Из этой залы направоходишь в большую горницу гостиную, устланную цельным ковром малоазийской работы, отсюда же в ятаки, т.е. в спальню. За левой стеной этой же залы расположены премиленькие небольшие комнаты. Свет всюду проходит тут из патриаршего сада, в котором красуются деревья лимонные, апельсинные, померанцевые, виноградник и кипарисы. Этот сад более длинный, чем широкий, с южной стороны окаймлен домом патриаршим, а с северной – каменной оградой и тем домом, который я выстроил для себя в 1853/4 году и в котором не довелось мне прожить даже один час дня. В сем доме моем живет теперь преемник мой, епископ Кирилл с братией. Из своих окон я вижу его самого и гостей его. Патриарший сад обрабатывает тот же садовник, критский грек, который занимался этим делом и при мне с 1848 года по 1854 год. Он во время восстания еллинов вместе с очень малолетней, как и он, сестрой продан был туркам не в одно место, но потом случайно сошелся с ней и, не зная, что она родная сестра ему, обвенчался с ней; наконец оба они, по воспоминаниям о детстве своем, узнали о кровном родстве своем и начали жить как брат и сестра.

День 20. Патриарший наместник, преосвященный Мелетий, митрополит Петры Аравийской, присылал ко мне отца драгомана Святогробского монастыря поздравить меня с благополучным приездом и узнать, когда я могу видеться с его преосвященством. Я сказал драгоману этому, что завтра перед полуднем приду к наместнику и приму его благословение. После драгомана все здешнее греческое и арабское духовенство и школьные учителя утешили меня своим любвеобильным и почтительным приветом. На головах арабских священников виднелись греческие камилавки, а не прежние арабские завивала. Заметивши эту перемену, я спросил старшего из них, почему вы покинули свой прежний головной убор и отрастили волосы, и услышал ответ: ἀνοίξαμεν τὰ μάτια μας, открыли мы глаза свои, т.е. поумнели-де мы. А по мне они сглупили,

отрекшись от своего народного, древнего обычая накрывать голову тюрбаном. Новая шапка не придает ума.

День 21. Утром я ходил в Архангельский монастырь, в котором прожил шесть лет, и осмотрел там свои пожитки. Все они оказались целы. За то высказана была моя теплая благодарность хранителю их отцу Прокопию, заведовавшему названным монастырем. Отсюда стопы мои направлены были к патриаршему наместнику, преосвященному Мелетию. Он принял меня по-прежнему просто, искренно, любезно. Сперва я поблагодарил его за сбережение моих пожитков и моей библиотеки, потом передал ему триста рублей серебряных, пожертвованных Гробу Господню разными лицами в России, и объявил ему, что я жертвую патриархии всю кухонную, столовую и чайную посуду, которую приобрела на свои деньги состоявшая под моим начальством духовная миссия, и наконец спросил у него дозволение рассмотреть рукописи, хранящиеся в монастырях Святогробском, Крестном и Саввинском.

Мой преемник епископ Кирилл или не принял меня, или его не было дома.

С **22** дня начались мои занятия в Святогробской библиотеке и продолжались тут до **15** июля, почти пять месяцев, за исключением дней праздничных и тех, которые проведены были в Вифлееме и в монастыре Саввы Освященного, где мое внимание было обращено и на живопись, мозаическую, иконную и стенную.

Даю отчет в этих дельных занятиях своих, начиная с Вифлеема и Саввинской обители, где я провел только восемь дней, с **24** марта по **1** апреля. Порядок дневника моего нарушается, потому что ему предпочитается монографическое изложение сведений о прибытках моего знания.

Мои занятия в Вифлееме

Во время моих путешествий по св. Земле и шестилетнего пребывания моего в Иерусалиме я многократно бывал в Вифлееме и в тамошней Константиновской базилике рассматривал святые иконы и мозаические изображения и даже описывал их, но недостаточно вполне, без срисования мозаик. Недовольному такой неокругленностью сего дела, мне ныне припала охота округлить его, сколько можно. И вот плоды сей охоты моей.

В предалтарном иконостасе базилики, красиво сработанном из орехового дерева, местные иконы написаны разными живописцами не в одно время.

Икона Спасителя, как архиерея великого, написана в 1675 году иереем Еммануилом Цанес, из критского города Рифимны. На ней помещены около Христа херувимские и серафимские головки и символы четырех евангелистов: ангел, лев, вол и орел, с закрытыми Евангелиями. Живопись хороша: располагает зрителя к молитве.

Икона Богоматери с Младенцем написана в 1666 году критским же иконописцем, из той же Рифимны Константином Цанес Бунáли. И эта икона хороша и любя душе верующей.

Икона Рождества Христова написана в 1768 году, 1 сентября, неизвестным иконописцем по заказу рабов Божиих Мánно и Нáно, сдается болгар. Надпись тут: Δέησις τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ Μάννο καὶ Νάνο. 1768 σепτεμβρίου α.

В самом алтаре к южной стене прикреплена икона Спасителя как архиерея великого. Она написана в 1768 году каким-то Сотиракисом. Живопись неправильна. Надпись: χεῖρ Σωτηράκης. ἀπὲς ὧλλ.

В южном приделе, пристроенном к алтарю базилики и посвященном памяти св. великомученика Георгия, к стенам прикреплены две старинные иконы очень большого размера. К северной стене прикреплена икона Спасителя как архиерея великого, а к южной – Богоматерняя. Обе они написаны в 7075=1567 году на полотне, прилепленном к доскам. Лицо

Спасителя густо оттенено у краев. Направо и налево от него изображены все апостолы. Колорит всей иконы – желто-красноват. Внизу ее есть славянская подпись, но она полуизгладилась. Видны только год написания иконы и слова в начале: «благочестивый и боголюбивый поклонник Иоанн Алексеев». На иконе Богоматери, направо и налево от нее, написаны пророки, каждый с хартией; у Исаии на хартии читается: «жезл из корене Иессеева...» Внизу есть надпись, но почти изглаженная. В ней заметна буква юс: **Ѹ**. Итак, обе эти иконы принесены из Болгарии, если не из России.

Мимоходом замечая, что канонаршеские налои, стоящие у правого и левого клироса, сделаны в 1860 году иждивением Мануила и Роксаны. Они украшены мозаическими узорами из слоновой кости.

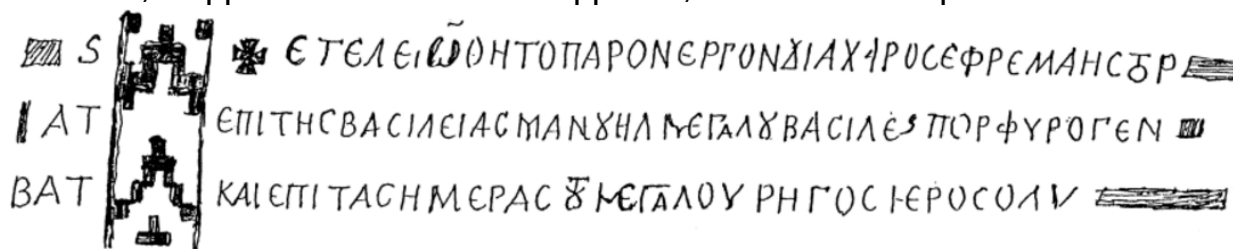
В самой базилике, на стенах ее, сохранились немногие мозаические изображения, произведенные в царствование греческого государя Мануила Порфирородного и иерусалимского короля Аммори в 1169 году. Описываю их.

Вне главного алтаря, направо от него, на восточной стене, высоко, мозаикой изображен торжественный Вход Иисуса Христа в Иерусалим. Он сидит на идущем осле, опустив необутые ноги Свои на одну сторону сего животного и в левой руке держа повод. Голова Его окружена сиянием; лицо благообразно; правой рукой благословляет. Подле Него идет молодой апостол, имеющий сияние у головы, и, указывая ему Иерусалим, что-то говорит. Два еврея, скинувши с себя хитоны, подстилают их под ноги осла, а третий, чистокровный еврей, стоит между двумя холмами, склонясь одним боком ко Христу и обратив голову свою к Иерусалиму, как глашатай. За ним еврей же слезает с пальмового дерева, нарезавши с него несколько ветвей и набросавши их на дорогу. Из Иерусалима, навстречу Христу, выходят мужчины и женщины с детьми. Передний мужчина в правой руке держит ваий, а левой ведет дитя свое! Голова его открыта, лицо благообразно. Идущая подле него женщина красива. На плече у нее верхом сидит дитя ее, так и ныне арабки носят своих ребятишек. Сзади сей толпы виден Иерусалим. Замечательно сходство этого мозаического изображения с

описанием Входа в Иерусалим в «Ерминии» Дионисия Фурноаграфиота (1701–1733 гг.)⁸⁵. Значит: до сего Дионисия дошли древнейшие рисунки евангельских событий. А если так, то можно полагать, что и мозаист Ефрем, работавший в Вифлеемской базилике, имел под руками готовые рисунки их, древние, статья может, из века Иустиниана (VI века). Подобное сходство рисунков новых с древними я указываю потому, что надобно знать его историку церковной живописи, дабы верно судить о другдругоприимательной непременности ее на Востоке.

Над входом Христа в Иерусалим уцелело небольшое мозаическое изображение св. Иоанна Богослова. Он полулежит в пещере и выслушивает апокалипсис. В пещеру к нему с неба простерта рука, держащая хартию.

Близ обоих изображений этих, у правого греческого клироса, высоко, видна мозаическая надпись, немного не целая:

† Ἐτελειώθη τὸ παρὸν ἔργον διὰ χειρὸς Ἐφραίμ μαΐστορος (καὶ μουσιογράφου) ἐπὶ βασιλείας Μανουήλ μεγάλου βασιλέως Πορφυρογεννήτου (τοῦ Κομνηνοῦ), καὶ ἐπὶ τὰς ἡμέρας τοῦ μεγάλου ῥηγὸς Ἱεροσολύμων (κυροῦ Αμμορί, καὶ τοῦ τῆς ἁγίας βηθλεὲμ ἀγιωτάτου ἐπισκόπου κυροῦ Ῥαοὺλ ἐν ἔτει ,σχοζ, ἰνδίκτου β’).

То есть: † Кончена настоящая работа рукой Ефрема мастера (и мозаиста) в царствование Мануила великого царя Порфирородного (Комнина) и во дни великого царя Иерусалимского (кира Аммори и святейшего епископа святого Вифлеема кира Раула, в лето 6677, индикта 2).

Здесь слова между скобками заимствованы из сочинения Кварезмия о Святой Земле⁸⁶, который в свое время (1626г.) видел эту надпись цельной.

Нельзя сомневаться в верности указанного летосчисления. Ибо Мануил Комнин Порфирородный царствовал с 1145 года по

1180, Амори, пятый король иерусалимский, – с 1163 по 1173, а Раул (Радулф) был епископом в Вифлееме с 1160 года по 1173.

Под греческой надписью была стихомерная надпись латинская. Но вся она осыпалась, кроме буквы «S» и слогов «AT», «BAT». Даже Кварезмий видел только четыре строки неполные:

comes hostis et impietatiS
et graecis imperitabAT
hic ecclesiamque doceBAT
S.Ephrem fertur fecissetu avtem⁸⁷.

В первой строке слова «hostis et impietatis», т.е. «враги нечестия», намекают на короля Амори; во второй строке – «et graecis imperitabat» = «и греками управлял» – Мануил Комнин; в третьей – «hic ecclesiamque docebat», – «и церковь учил» – вифлеемский епископ Раул; в четвертой прибавляю к букве «S» «picturas», и читаю: «живопись Ефрем произвел».

Налево от главного алтаря, там, где священнодействуют армяне и сириане, высоко на стене видны две мозаические картины: Осызание Фомы и Вознесение Христа на небо.

Картина осызания Фомой прободенного копьем тела Христова велика. Тут изображена многофиленчатая и узорчатая дверь той горницы, в которой происходило это событие. Косяки этой двери облицованы красивыми узорами в виде сердец с трилиственными лилиями в середине их, а по обе стороны ее поставлено восемь разноцветных колонн, четыре – направо и четыре – налево. Обе крайние колонны – витые, а на всех их наглавия – лиственные. С колонны на колонну перекинута полукруглая и огибная арка, которых ободы украшены вставными, будто дорогими, камнями. На этих арках покоится подпотолковая часть горницы с ее разнообразными окнами. На первом плане сей картины у затворенной двери стоит воскресший Христос. Голова Его окружена сиянием с крестом в нем; лицо сурово. Одной рукой Он полуоткрыл Свой хитон, дабы Фоме показать Свою язву у правой стороны груди, а другой взял сего апостола за руку и вложил перст его в эту язву. Неверный Фома склонился, уstraшенный уверенностью в том, чему не верил. Прочие апостолы, числом одиннадцать, смотрят на него с

удивлением. Все они без сияния вокруг голов их, и у всех их лица немиловидны (и эта картина сходна с описанием в «Ерминии» Фурноаграфиота)⁸⁸.

Велика и та картина, на которой историровано Вознесение Христа на небо. Лица Его не видать – осыпался. А Богоматерь вся видна на середине картины. Лицо Ее хорошо; обе руки приподняты кверху. Одета Она в тунику и короткую мантию. Одесную и ошуюю Ее стоят архангелы Михаил и Гавриил в известных одеждах и одной рукой поддерживают свои мантии, а другой указывают небо апостолам, обратив к ним лица свои. Всех апостолов тут 12, и все они благоговейны. Петр держит свою руку на голове своей; борода у него кругла. У Фомы нет бороды, и он, также как и Петр, держит на своей голове руку свою, которая вся обнажена. У апостола Андрея волосы на голове сосковаты. Эта картина напоминает мозаическое изображение Вознесения Господня в куполе св. Софии Солунской VII века. Итак, вифлеемский мозаист Ефрем имел под руками рисунок картины древний.

Только эти четыре описанные мною картины сохранились в базилике. А Кварезмий⁸⁹, кроме их, видел еще Благовещение, Рождество Христово, Поклонение волхвов и возвращение их, предводимых ангелом, Беседу Иисуса Христа с самарянкой и Преображение Его, события в саду Гефсиманском, Сошествие св. Духа на апостолов, Успение Богоматери и Сретение Господне. Теперь нет и признаков всех этих изображений.

Зато, к великой радости души, любящей священную живопись, уцелело несколько мозаик в колоннадной части базилики. Описываю их.

В нижних поясах под передними колоннами, южными и северными, были изображены предки Иисуса Христа, начиная от Адама до Иакова, отца мнимого мужа Пресвятой Девы Марии. Но из этих изображений в поясе южной колоннады уцелело только семь, именно: Азор, Садок, Ахим, Елиуд, Елеазар, Матфан, Иаков, – все погрудные, с латинскими надписями имен их. Головы их не покрыты и окружены сиянием, у одних – золотым, у других – красным, зеленым, голубым. У всех их волосы на головах длинные и пущены за плечи, и бороды

клинообразные, круглые, густые, редкие, короткие. Азор и Елеазар держали в руках свитки. Матфан и Елеазар благословляют перстосложением Вседержителевым, прочие держат руку у персей своих. Все они одеты в зеленые хитоны и иматии красные и желтые, усеянные золотыми блестками.

Над этими праведными предками Иисуса Христа историрован Второй Вселенский Собор, бывший в Константинополе в 381 году. Под двумя арками стоят два узорчатые налоя, а на них лежат два закрытые Евангелия в богатых переплетах. Подле одного налоя висят два кадила на цепочках, а подле другого стоят два подсвечника с горящими свечами. Выше налоев помещены греческие надписи:

Святой Собор в Константинополе 150 святых отцов против Македония духоборца, хулившего Духа Святого, и Аполлинария, изрекшего, (что) не воспринял Господь ум человеческий, собрался при Феодосии великом.

Определил же Святой собор и исповедал:

Духа Святого от Отца исходящего, господственного и животворящего, единосущного Отцу и Сыну, споклоняемого и сославимого, и анафемствовал Македония и Аполлинария.

Над этими надписями в кружках изображены два креста с лучами, а еще выше, между двумя арками над средней колонной, видятся два соединенные треугольника, означающие Святую Троицу, живущую своей внутренней жизнью (треугольник кверху) и действующую на мир и человека (треугольник книзу). Направо от первой арки помещена ваза с фантастическим деревцом, широко раскинувшим свои ветви в три яруса.

Отсюда, левее к востоку, был историрован Первый Вселенский Собор – Никейский, бывший в 325 году. Но его изображение осыпалось все, кроме одной колонны и немногих букв.

Рядом с уцелевшим изображением Второго Вселенского Собора, подальше к западу, историрован Третий Собор, Ефесский (451г.). Между обоими ими ваза с фантастическим деревцом осыпалась. А под аркой на налое лежит Евангелие и над ним читается надпись:

† Ὁρίσεν δὲ ἡ ἁγία Σύνοδος καὶ Определил св. Собор и

ὡμολόγησε τὸν υἱὸν τοῦ Θεοῦ τὸνἰσπεδoвал Сына Божия, μονογενῇ κατελθόντα ἐκ τῶνЕдинородного, сшедшего с (οὐρανῶν, σαρκo θέντα ἐκ)небес, воплотившегося от πνεύματος ἁγίου καὶ Μαρίας τῆςДуха Свята, Марии Девы, и παρθένου· καὶ ἐνανθρώπησε τὴνвочелoвечившегося, с καθ' (ὑπο)στάσ(ινἔνω)σιν καὶ τὴνипостасным единением и τ(εκοῦσαν αὐτὸν Θεοτόκoν· καὶродившую его Богородицу, и ἀνεθεμ(άτισε) Νεστόριoν. анафематствовал Нестория.

Далее к западу непосредственно изображено фантастическое же деревцо в вазе, и потом историрован Четвертый Вселенский Собор так же, как и первые три, с двумя надписями среди колонн.

† Ἡ ἁγία Σύνοδος ἡ ἐν ΧαλκηδόνιСвятой Собор в Халкидоне 630 τῶν κατὰ Εὐτύχους καὶ Διοσκόρουпротив Евтихия и Диоскора, τῶν ἀρνησαμένων εἶναι δύο φύσειςотрицавших бытие двух естеств ἐν (τῷ) Χριστῷ (τὴν τε θείαν καὶβο Христе, Божеского и ἀνθρωπίνην·) συνηθοίσθη δ' ἐπὶчелoвеческого; собрался же Маркиανοῦ καὶ Πουλχερίας. при Маркиане и Пульхерии.

Ὁρίσεν δὲ ἡ ἁγία σύνοδος καὶиспoведал два естества во ὡμολόγησεν δύο (φύσει)ς ἐν τῷΧристе, Божеское и Χριστῷ θείαν τε καὶ ἀνθρωπίνηνчелoвеческое, в одной ἐ(ν μιᾷ) ὑποστάσει ἀ(συγχ)ύτωςипостаси неслитно и καὶ ἀδιαίρέτως· καὶ ἀνεθεμᾶτισενнераздельно и Εὐτύχη καὶ Διοσκόρον. анафематствовал Евтихия и Диоскора.

Над последними к западу двумя колоннами уцелел лишь кусок собора.

Над северной колоннадой уцелели изображения только двух поместных соборов, антиохийского и сардикийского, и нескольких фантастических цветов и деревцов. Излагаю надобные заметки:

Антиохийский Собор представлен в храме, который вывершен закругленным куполом и двумя боковыми главами сверх кровли. В фронтоне сего храма сделаны три углубления: среднее с крестчатым окном больше боковых. В двух окнах, снаружи обставленных витыми и невитыми колонками, видны

приподнятые занавески. Под куполом храма поставлен налож с закрытым Евангелием, и тут надпись гласит:

† Ἡ ἁγία σύνοδος ἡ ἐν Ἀντιοχίᾳ	Святой собор в Антиохии
τῆς Συρίας τῶν ἐπισκόπων πρὸς	сирской 33-х епископов, прежде
(τῆς ἐν Νίκᾳ οἰκουμένης)	Никейского Вселенского
συνόδου (γέγ)ωνε(ν κα)τὰ Παύλου	Собора, был против Павла
τοῦ Σαμοσατέ(ως)	ψιλὸν Самосатского, учившего, что
ἄνθρωπον τὸν Χριστὸν δογμα	Христос был простой человек.
τίσαντος. (Тоῦ)τον ἡ ἁγία σύνοδος	Сего (Павла) Святой собор,
ὥς κακῶς	как худо
φρονήσαντα	мудрствовавшего,
ἀποβάλλετο	отверг.

В сирской Антиохии были два собора против Павла Самосатского, отрицавшего божество Иисуса Христа: первый в 266 году, после которого он образумился было; второй в 272 году. Сей последний собор, низложивший его за новые ереси и утвержденный папой Дионисием, историрован в базилике.

Сардикийский собор историрован так же, как и Антиохийский. Но изображение храма, в котором он представлен, несколько отличается по наружности своей от храма антиохийского, особенно купол отличен своей чешуйной крышей. Что касается надписи, то она гласит:

† Ἡ ἁγία σύνοδος ἡ ἐν Σαρδίᾳ	Святой собор в Сардике 140
τῶν ἐπισκόπων γέγονεν διὰ τοὺς	епископов был ради
ἁγίους Ἀθανάσιον τὸν Ἀλεξανδρίας,	восстановления святых
Μελέτιον τὸν Ἀντιοχίας, Παῦλον	Афанасия Александрийского,
Κωνσταντινουπόλεως	Мелетия Антиохийского, Павла
ἀποκαταστήναι ἐν τοῖς ἰδίῳ αὐτῶν	Константинопольского на их
θρόνοις· ἦσαν γὰρ οὗτοι ὑπὸ τῶν	собственных престолах. Ибо
Ἀριανῶν ἐ-	они были
ξεωθέντες	арианами
	удалены.

Этот собор был созван папой Юлием I в 347 году для суда над арианами и для восстановления поименованных в надписи епископов. Ариане явились в этот собор, но не подчинились определениям его и сами отдельно соборовали в фракийском городе Филиппополе, дабы упрочить свои заблуждения. Деяния

лжесобора их, названного ими сардикийским, не должно смешивать с деяниями истинного Собора Сардикийского.

Над северной колоннадой я насчитал десять больших окон. В каждом простенке между ними написан крылатый ангел. Все эти ангелы идут к алтарю, склонив немного головки свои и протянувши ручки в ту же сторону. У ног третьего ангела (ведущего от алтаря к западу) видна отвесная надпись, знакомящая нас с работавшим тут латинским живописцем, то был

BASI BACI

LIYS ЛИЙ

PIC ЖИВО

TOR.ПИСЕЦ.

Вот все, что уцелело в Вифлеемской базилике с 1169 года по 1860. Жаль драгоценной потери. Кто виноват? Tempus edax rerum, – прожорливое время!

В 1626 году Кварезмий⁹⁰ там видел и описал гораздо большее число мозаических изображений. Во дни его на западной стене базилики еще цела была часть так называемого древа Иессея, отца Давидова; еще видны были пророки Иоиль, Амос, Наум, Михей, Иезекииль, Исаия и видящий Валаам, с хартиями в руках, на коих по-латине написаны были проречения их:

У Иоиля: In illa die stillabunt montes dulcedinem et colles fluent lacte, то есть: В той день искапят горы сладость, и холмы источат млеко⁹¹.

У Амоса: In diebus occidet sol meridie et tenebrae erunt in die luminis, – В те дни зайдет солнце в полудне и померкнет в день свет⁹².

У Наума: Ecce super montes pedes evangelizantis et annuntiantis pacem, – Се на горах ноги благовествующего и возвещающего мир⁹³.

У Михея: Ex te Bethleem Ephrata egredietur dominator Israel, et egressus eius ab initio eternitatis, – Из тебе, Вифлеем Ефрафа, изыдет владыка Израиля, и исход же его из начала вечности⁹⁴.

У Валаама: Orietur stella ex Iacob, – Воссияет звезда от Иакова⁹⁵.

Тут же помещена была и Сивилла, изрекающая: Ессе е село
rex adveniet, – Вот с неба царь придет.

Замечаю, что это древо точно так описано в «Ерминии»
Дионисия Фурноаграфиота, которую я напечатал в трудах
Киевской Духовной Академии в 1868г. и отдельно. Кварезмий⁹⁶
видел и срисовал изображения шести поместных соборов:
анкирского, антиохийского, сардикийского, гангрского,
лаодикийского и карфагенского с греческими надписями.

Кварезмий же видел изображения и семи Вселенских
Соборов и читал тут надписи⁹⁷.

А ранее его видел все-на-все вифлеемские мозаики и
портрет Мануила Порфирородного грек Иоанн Фока⁹⁸ в 1185 году.

Одобряю и не только одобряю, но и восхваляю
вифлеемское историрование соборов. Смотришь на них, и
знаешь, когда они были, при каких царях, какие ереси
анафематствовали и какие догматы провозгласили.
Поучительное историрование!

Благодарю Бога, сподобившего меня еще раз видеть
вифлеемские священные древности и описать их.

По окончании сего занятия я ездил к прудам Соломона через
долину Ортас, в которой немцы возделывают овощи, и в
монастырек св. Георгия Бетжальского⁹⁹. В церкви этой обители
чудотворная икона св. Георгия, исцеляющая от задумчивости,
написана в 1713 году во дни Иерусалимского патриарха
Хрисанфа, что видно из греческой надписи у головы
великомученика. Живопись – арабская, незавидная! А мой
живописец Николай Благовещенский очень хорошо нарисовал
вид одного монастырька, в котором есть игумен, а монахов нет.

А. Н. Вилборн, СПб. Мюн. 2.

р. М. Бет-Джальский.

Монастырь св. Георгия Бет-Джальского близ Вифлеема

Отсюда я проехал вдоль юдоли преподобного Киприана и еще раз видел источник сего древнего подвижника и тут же развалину малой кельи его. Вид сей юдоли подле этого источника красив так, что залюбуешься им. Не забыть бы. В бытность свою в Вифлееме я упросил тамошнего священника Илию перевести мне с арабского языка на греческий два поучения Иерусалимского патриарха Афанасия II, который святительствовал в 1236 году, одно в праздник Рождества Христова, а другое в неделю Ваий. Он перевел их удачно¹⁰⁰.

Марта 26, Лазарева Суббота. Сегодня я с спутниками выехал из Вифлеема в монастырь Саввы Освященного. Дорога пролегла туда от деревни Пастырей (Бет-Сахур) по долине Харам. Бока этой долины каменисты и голы. А русло ее около названной деревни и соседнего с нею нового Саввинского метоха наполнено масличными деревьями и виноградниками, далее же засеяно пшеницей и растением сусам, которое дает масло. Из этой долины мы своротили налево, и когда поднялись на ближнюю к монастырю возвышенность, тогда открылось Мертвое море, как огромное око, обставленное нависшими веками, т.е. горами. Тут же представилась нашим взорам и вся безжизненная окрестность монастыря и расселина его, как модель ада.

27, воскресенье. Утром, часу в девятом, шел дождик. Было не жарко. Днем начались мои занятия. Живописцу своему я

велел рисовать то и то, а сам принялся за свое дело, которое продолжалось до первого дня апреля.

Мое дело

В этот раз были рассмотрены мною старинные иконы и стенные изображения, занесены в путевую тетрадь разные надписи и пересечены две библиотеки, одна в главной церкви, а другая в Иустиниановой башне.

Иконы письма сербского

В алтаре соборного храма, построенного в 562 году, бережно хранятся в шкафе св. иконы, написанные на дсках, именно: 1. Сретение Господне, 2. Богоявление, 3. Явился Господь жене самаряныне, 4. Преображение, 5. Вход Иисуса Христа в Иерусалим, 6. Воскрешение Лазаря, 7. Причащение апостолов, 8. Предание Иудино, 9. Сошествие во ад, 10. Вознесение и 11. Введение в церковь Святой Богородицы. Все эти праздничные иконы принесены были сюда сербскими монахами в века XIII и XIV, когда они владели Саввинским монастырем. Сербские иконописцы и на́писи на них делали сербские, например:

Ввѣденіѣ в црѣвѣ стѣен Бѣѣ

На образе Сретения Господня лица Богоматери и Симеона Богоприимца хороши. На образе «Причащение апостолов» Христос правой рукой преподает св. хлеб Петру, а левой – вино из круглого сосуда, как будто хрустального. На образе Сошествия в ад одежда Господа штрихована. Вознесение на небо написано, как в куполе св. Софии в Солуне; около Богоматери стоят два архангела, Михаил и Гавриил, обративши лица свои к апостолам; оба они в белой одежде; у апостола Андрея волосы на голове сосковаты; апостол Петр приложил свою правую руку к челу. И на этих образах замечательна друг друга приимательная непременяемость иконописания.

В особой пещерной церкви, где лежали черепы избиенных персами саввинских монахов (614 г.), у св. трапезы, направо, на стене висит икона св. Иоанна Богослова со славянской надписью. Он изображен в рост. Лицо его хорошо. В руках держит Евангелие. Кисть сербская XIV века. Икона эта написана на полотне, приклеенном к дске.

Иконы письма греческого

Внутри монастыря в двух пещерных церквах, Никольской и той, в которой положены черепа избитых персами саввинских монахов (614 г.), и в церкви Иоанна Дамаскина к стенам прикреплены старинные иконы письма греческого.

В церкви Никольской к северной стене прикреплено большое Распятие. Оно написано критским зографом Панаретом в 1669 году. Χεῖρ Παναρέτου «хѣд». У креста стоят Богоматерь и Иоанн Богослов. Живопись изрядная. Лица естественны, белы.

На той же стене висит большой образ Богоматери Всецарицы (Παντάνασσα). Она сидит на троне и на коленях Своих держит Божественного Младенца. Сей образ, потемневший от времени, был местным в монастыре преподобного Герасима Иорданского. Колорит его красноват. Полагаю, что он написан был в XVI веке.

На той же стене висит большой образ Предтечи, бывший где-то местным. Проповедник покаяния и Креститель Христов, согбенный, написан изрядно в XVII веке. Лик его естествен, постен, умилителен.

К той же стене прикреплены образа Спасителя, Богоматери, Предтечи и архангелов Михаила и Гавриила, написанные все поясные, и все одной кисти греческой. Они где-то были местными. Надписи на них греческие. Одежды были заштрихованы золотом, но оно почернело. Края лиц оттенены густо. С такой тенью писались иконы в XVII веке. Все эти образа написаны на полотне, приклеенном к дскам.

В соборном храме монастыря, у жертвенника, на стене, висят два образа архангелов Михаила и Гавриила, написанные на дсках без приклеенного к ним полотна каким-то зографом Августи в 1763 году. Архангел Михаил изображен в рост. Голова его склонена, очи тяжки, цвет лица весьма желт, как бы загорелый. Он тростью пишет на хартии: ὀφθαλμοὶ Κυρίου ἐπὶ... λῆξ.— Внизу подписано: ΧΕΙΡ ΑΥΓΟΥΣΤΗ λψξγ. — Архангел Гавриил, подобный Михаилу, пишет на хартии: Πρόσωπον δὲ

κυρίου ἐπὶ ποιοῦντας κ..., т.е. «лице же Господне на творящих доброе». Та же подпись внизу.

На паперти того же храма, по левую сторону входа в него, к стене прикреплена большая икона Саввы Освященного в рост, с изображением жития его, написанная тем же Авгúсти в 1763 году. Лицо Саввы сурово. Борода у него раздвоена. Ягодица под нижней губой обнажена. Эта икона хуже двух первых.

В церквице во имя преподобного Иоанна Дамаскина у западной арки, подле погребального вертепа сего пиита, икона его на дске написана Авгúстием в 1763 году. Дамаскин сидит и пишет: τὸ πν̄α πρ̄ς τὸ ἅγιον καὶ ἐκ τοῦ πρ̄ς λέγομεν, καὶ πν̄α πρ̄ς ὁνομάζομεν, ἐκ τοῦ υἱοῦ δὲ τὸ πνεῦμα οὐ λέγομεν, то есть: о Духе Святом говорим, что Он от Отца (исходит) и Духом Отца называем, но от Сына (исходящего) Духа не говорим. Лицо преподобного – кожа да кости.

В этой же церквице у двери к южной стене прикреплена икона Деисус, вышиной 17 вершков, шириной в 13 вершков. Кисть нежная! Лик Спасителя немного попорчен. Он держит Евангелие, в котором написано: ἐγὼ εἰμὶ τὸ φῶς τοῦ κόσμου к.т.λ.,– Аз есмь свет миру и проч. Лицо Богоматери нежно и умирительно. Лицо Предтечи образцово, хоть несколько печально. Вообще все лики белы и благообразны. На одеждах их штрихи золотые. Усматривая сходство колорита сей иконы с колоритом Распятия в Никольской церкви, полагаю, что она написана была Панаретом же в 1669 году. Я еще не видывал такой отличной живописи греческой, как эта.

В пещерной церкви, где черепы избиенных персами и арабами монахов, икона на дске, на которой изображен Саввинский монастырь и историровано избиение иноков, написана в 1803 году при саввинском игумене Парфении Македонце иждивением ризничих св. Гроба Господня, Виссариона и Иоанникия. На ней читается стихомерная надпись: Τοῖς αἵμασι χρώσαντες αὐτοὺς Кровями раскрасившие себя, как ὡς ῥόδα, οἰκεῖτε παράδεισον розы, обитаете в раю, мужи ἄνδρες θεῖοι. Εὐχεσθε λοιπὸν божественные. Молитесь убо о τοῖς ὑμᾶς ζωυραφοῦσι: живописавших вас, Виссарионе и Βησσαρίωνι καὶ Ἰωαννικίῳ, Иоанникие, сосудохранителях

σκευοφύλαξι τοῦ παναγίουВсесвятого Гроба, и
τάφου, ἀφιεροῦσι τ' ἔνθαпожертвовавших туда, где вы
ἀπεκτάνθητε. умерщвлены.

Ἐν τῇ λαύρᾳ τοῦ ἁγίου Σάββα, В Лавре св. Саввы,

Οἱ μὲν ἐν ἔτει ἀπὸ Χϝ ΧΙΕ διὰодни в лето от Христа 615
Χοσρόου Хозроем,

Οἱ δὲ ἐν τῷ ὠ̅α διὰ ἀράβων. а другие в лето 801 арабами.

Ἰστορήθη ἐν ἔτει αωγНаписано в 1803 году, когда
ἡγουμενεύοντος τοῦ ἐνιιгуменом был монах Παρφений
μοναχοῖς ΠαρθενίουМакедонец.
Μακεδόνοϛ.

Иконы письма тирского митрополита Иоасафа

В соборном храме монастыря на южной, однополотнищной двери алтаря написан св. Петр, александрийский епископ, разглагольствующий с Младенцем Иисусом; написан в рост. Седые волосы на голове его остриженные, весьма кудрявы. Лицо его бело. Колорит иконы – светлый. В низу ее подписано: ΧΕΙΡ ΙΟΑΣΑΦ. Это – Иоасаф, митрополит тирский, тот самый, о котором в книге Даниила священника о живописном искусстве 1674 года, переведенной мною с греческого подлинника¹⁰¹ сказано вот что: 1697 года, февраля 2-го дня, совершал литургию преосвященный митрополит тирский и иконописец кѣр Иоасаф, родом алеппинец... у самого Гроба Господня он служил. Дивное и умильное изображение горнего и дольнего Иерусалима найдено в лавре св. Саввы близ Иерусалима и оттуда взято и роздано всем православным христианам иеромонахом и священнопроповедником Макарием Святогробцем, а с этого изображения снова нарисовано художной кистью преосвященного митрополита тирского и сидонского кѣр Иоасафа, для общей пользы православных, в 1697 году в Святом граде Иерусалиме.

Этот же Иоасаф на северной, двухполотнищной двери соборного алтаря изобразил на одном полотнище Иакова, брата Господня, в саккосе и омофоре, без митры, с литургийным свитком, и под ним св. Косму, епископа маюмского, со свитком же, а на другом полотнище – св. Николая Чудотворца в саккосе и омофоре, без митры, с литургийным свитком, и под ним – преподобного Иоанна Дамаскина, как бы в чалме.

В соборном же храме замечательна местная икона св. Саввы в рост, под серебряной ризой. Сдается, что и она написана тем же Иоасафом.

В пещерной Никольской церкви к западной стене прикреплена икона: Странноприимство Авраама и угощение ангелов, написанная этим же Иоасафом-архиереем в 1677 году. ΧΕΙΡ Ιοάσαφ ἀρχιερέως ἄρχοζ. Три ангела сидят за столом, на котором стоят два графина с вином, два блюда со снедями, две

солонки и один кувшин, и лежат вилки, ножи и овощ в виде редьки. Лица Авраама и Сарры красивее ангельских. У всех их окраины оттенены густо. Колорит иконы беловат. Крылья ангелов и стол штрихованы золотистыми чертами. Порядочная икона письма арабского!

В алтаре церкви Иоанна Дамаскина Тайная Вечеря на длинноватой доске изображена в 1677 году Иоасафом же архиереем. На этой иконе есть собственноручная надпись его: 'Ιοάσαφ ἀρχιερεὺς ὁ ἐξ Ἀράβων. ✠αχοζ. И на ней лежат вилки, ножи, хлебцы в виде просфор и овощи, как редечки, и стоят сосуд с вином, три блюда со снедями и горящая свеча на золотом подсвечнике. Живопись изрядная!

Иконы и стенные изображения письма арабского

В Саввинском монастыре я видел иконы и стенные изображения, написанные иерусалимскими зографами из арабского семейства Барамкидов, и узнал имена их.

В 1833 году умер иконописец Димитрий Барамки, оставив по себе пять сынов, обученных им живописи, именно: Михалаки, Ханну¹⁰², Гавриила, Георгия и Николая. Из них три последние умерли, а первые два – живы; жив и сын Ханны – Илья Барамки. В 1844 году я видел иерусалимского иконописца из иного арабского семейства, именно: Тодорí Шáлех. Но его уже нет в живых. А маляр он был παρακατεῖνός = неискусный.

Упоминаю о произведениях кисти Барамкидов.

Соборный храм монастыря историрован был в 1829 году иеродиаконотом Михаилом (Михалаки), Ханной, Гавриилом и Георгием. Во всем полукружии алтаря за св. трапезой они написали 12 апостолов, а на стенах храма – преподобных подвижников. На северной стене св. Пахомий держит рукой хартию в виде треугольника, на которой написана греческая азбука: Α, Β, Γ, Δ и проч. Эта азбука напоминает монастырский устав его, по которому он азбучные буквы начертывал на одеждах монахов своих, придавая каждой из них особый смысл и, таким образом, отличая духовное настроение и состояние каждого монаха. Вся эта арабская стенопись нехороша.

Эти же самые живописцы: Михалаки, Ханна и проч. в 1827 году написали в кувуклии, часовне, где был гроб Саввы Освященного, большой образ успения сего преподобного мужа, водруженный над мраморной ракой его, и прочие образа тут.

В церкви Иоанна Дамаскина местная большая икона Спасителя написана в 1854 году Ханной Барамки: Χεῖρ Ἰωάννου Μπαράμκη Ἱεροσολυμήτου. ᾠωνδ. А местный образ Дамаскина написан Илией, сыном этого Ханны, 12 августа 1857 года: Χεῖρ Ἠλία τοῦ ποτὲ Ἰωάννου (Χάννα) Μπαράμκη Ἱεροσολυμήτου. Речение τοῦ ποτὲ внушает, что в 1857 году Ханны уже не было в живых.

На западной стене этой же церкви большая картина успения Дамаскина написана в 1838 году теми же малярами.

В северо-западном углу соборного храма к стене прикреплены 14 икон арабского письма. Прежде они стояли в верхнем поясе иконостаса. А заказал их написать некий грек Андрей Милеот: Δέησις Ἀνδρέου Μιλεότου.

Надписи

1. Над входом в монастырскую башню, построенную царем Иустинианом: Κτήριον τοῦτο Ἰουστινιανοῦ βασιλέως. φκθ, – сия башня есть здание Иустиниана царя в 529 году.

2. В алтаре соборного храма: † Ἐζωγραφίσθησαν οἱ ἀπόστολοι ἐκ τῆς ἐλεημοσύνης τῶν ὀρθοδόξων προσκυνητῶν διὰ συνδρομῆς Ἰωάσαφ ἱερομονάχου Κρητός, ⲁⲱⲗⲁ ἰουλίου ἱζ. Χεῖρ Μιχαήλου ἱεροδιακόνου, Χάνα, καὶ Γεωργίου, καὶ Γαβριήλ. – Написаны апостолы подаянием православных поклонников, с содействием Иоасафа иеромонаха критянина, 17 июля 1831 года. Писали их: Михаил иеродиакон, Ханна, Георгий и Гавриил.

3. Там же на сени над святой трапезой: САВВА ПР СВ Γ Τ ΑΔΘΖ ⲁⲱΔ, – (иждивением) Саввы, Пр.(окопия? Парфения?) Саввы, Г(ерасима, Гавриила), братьев, в 1804 году.

4. Там же у жертвенника: † Ἐζωγραφίσθη ὁ θεῖος καὶ πάνσεπτος οὗτος ναὸς τῶν ἁγίων ἐνδόξων μεγάλων τεσσαράκοντα μαρτύρων παρὰ τοῦ ὀσιωτάτου ἐν ἱερομονάχοις κϋρ Γρηγορίου Χαλδαίου, καὶ ἐκ τῆς ἐλεημοσύνης τῶν ὀρθοδόξων προσκυνητῶν, διὰ συνδρομῆς τοῦ ἐλαχίστου ἐν ἱερομονάχοις Ἰοάσαφ Κρητός, διὰ χειρῶν δὲ Μιχαήλ ἱεροδιακόνου, Χάνα, Γαβριήλ καὶ Γεωργίου Ἰω¹⁰³ τοῦ ποτὲ Δημητρίου ζωγράφου Ἱερουσαλήμ, ἐν ἔτει ⲁⲱκθ. – Расписан божественный и всечестный сей храм святых, славных, великих Сорока мучеников пособием преподобнейшего в иеромонахах кир Григория Халдея и подаянием православных поклонников при содействии наименьшего между иеромонахами Иоасафа Критянина, руками же Михаила иеродиакона, Ханны, Гавриила и Георгия, сынов покойного Димитрия, зографа иерусалимского, в 1829 году.

5. Там же у жертвенника, налево от него: Σημείωσε, ὅτι ὁ θεῖος οὗτος ναὸς ἦτον τὸ πάλαι ἡ ἁγία πρόθεσις τοῦ μεγάλου ναοῦ· ὕστερον δὲ κλύσαντες τὴν θύραν, ὅπου πηγαίνει εἰς τὸ ἱερὸν, ἄνοιξαν ἄλλην ἀπέξω καὶ ὀνομάσθη ἐκκλησία τῶν ἁγίων τεσσαράκοντα μαρτύρων, καθὼς ὀρᾷται ἄντικρυς. Τώρα δὲ σφαλίσαντες τὴν ἑξω θύραν, ἀνοίχθη τοῦ ἱεροῦ καὶ ἔγινε, καθὼς ἦτον καὶ τὸ πάλαι. Τὰ δὲ μάρμαρα, ὅπου εἶναι ὁλος ὁ ναὸς ἐστρωμένος, ἡγοράσθησαν ἀπὸ

πανοσιωτάτου κυρίου Διονυσίου Φιλιπποπολίτου: αἱ δὲ μαῦραι πλάκες ἐφέρθησαν δι' ἔξοδον εὐλαβεστάτων τούτων συνδρομητῶν, τοῦ πανοσιολογιότατου κυρίου Ἀνθίμου γραμματικοῦ, τῶν πανοσιωτάτων ἀρχιμανδριτῶν Σωφρονίου, Βενιαμίν, Ἰακώβου καὶ Γερασίμου τὸ δὲ ἔξοδον μαστόρων καὶ ἐργατῶν ἐδόθη ἀπὸ τὸ κοινὸν διὰ χειρὸς τοῦ μακαριωτάτου δεσπότη μας Κυρίου Κυρίλλου· ἁωμη, ἰουνίου ἱ. – Знай, что божественный сей храм прежде был проскомидийным отделением храма великого, но потом, заложив дверь, которая вела из него в алтарь, устроили другую дверь снаружи; и названо (это отделение) церковью Святых Сорока мучеников, которая существует и теперь. Ныне же она дверь наружная закладена, а старая открыта и ведет в алтарь по-прежнему. Мраморные же плиты, коими выстлан весь храм, куплены всепреподобнейшим господином Дионисием Филиппопольцем; плиты же черные привезены иждивением благоговейнейших вкладчиков, всепреподобнословеснейшего господина Анфима грамматикоса, всепреподобнейших архимандритов Софрония, Вениамина, Иакова и Герасима; а деньги мастерам и рабочим даны из общей казны (Святогробской) блаженнейшим владыкой нашим кир.Кириллом 1848 года, 10 июня.

6. Над южной дверью в иконостасе: Ἐχρυσώθη τὸ τέμπλον δι' ἐξόδων τοῦ ὁσιωτάτου Προδρόμου μοναχοῦ Ῥώσου, 1839, διὰ συνδρομῆς Ἰοάσαφ ἱερομονάχου Κρητός, φεβρουαρίου 18, – Позолочен сей иконостас иждивением преподобнейшего Продрома монаха русского в 1839 году при содействии Иоасафа иеромонаха критянина, 18 февраля.

7. На диаконском амвоне надпись гласит, что он позолочен 25 марта 1843 года иждивением самосского иерея Игнатия.

8. У южной стены собора на пилястре, высоко, начертано по-русски: «Спаси Господи раба Своего иеромонаха Паисия з малой России от Чернегова, 1745 года».

9. В куполе, над средним восточным окном его, написано: «1838, μαρτίου ἱ».

10. В северном притворе (нарфике) соборного храма, под стенным изображением Богоматери, яко Крина неувядаемого:

Θεοκυῆτορ μητροπάρθενε Κόρη,

Ἡ μόνη πάντων τῶν ἀγαθῶν αἰτία
Καὶ προσδοκία τῆς ἡμῶν σωτηρίας,
Σκέπε καὶ σῶζε ἐκ παντὸς ἐναντίου
Τὸν θειότατον Κύριλλον πατριάρχην,
Ἡμῶν πατέρα καὶ κλεινὸν ποιμενάρχην,
Εἰς ἐτῶν πλείστων εὐτυχεῖς περιόδους.
Κατὰ μῆνα ἰούνιον τοῦ ᾠμθ σωτηρίου ἔτους.

Богоносная Матеродевственная Дева,
Единая всех благ виновница
И чаяние нашего спасения,
Покрый и спаси от всего сопротивного
Святейшего Кирилла патриарха,
Нашего отца и доблестного пастыреначальника,
В благополучное течение множайших лет.
Месяца июня, 1849 лета Господня

11. Подле северной двери, ведущей из притвора в собор: Ὁ πανοσιώτατος κύριος Θεοφάνης ὁ ἐκ Προύσης ὁ καμαράσης. τοῦ πατριαρχείου διὰ ψυχικὴν τοῦ σωτηρίαν ἀνεκαίνισε καὶ ἐκαλόπτισε τὸν παρόντα νάρθηκα τῆς ἐκκλησίας, τὸν ἐμεγάλωσεν, τὸν ἐσοβάτησεν, τὸν ἐπλακόστρωσεν καὶ τὸν ἐζωγράφησεν· ἄνοιξε μεγαλητέρας καὶ τὰς δύο πόρτας, τῆς τε ἐκκλησίας καὶ τὴν ἔξωθεν τοῦ νάρθηκος. ἔκτισεν ἐπάνωθεν τοῦ νάρθηκος τρεῖς ὀντάδες. Μνήσθητι κύριε αὐτοῦ τε καὶ πάντων τῶν ἐλεούντων καὶ συνδρομούντων ἐν τῇ ἀγίᾳ μονῇ ταύτῃ. Ἀμήν. ᾠμθ ἰουλίου κε. – Всепреподобнейший господин Феофан, родом из Брусы, камараш патриархии, ради душевного спасения своего возобновил и украсил сей притвор церкви, увеличил его, оштукатурил, устлал плитами и расписал, пробил шире две двери, церковную и внешнюю в притворе, и построил над этим притвором три горницы. Помяни, Господи, его и всех доброхотных дателей, благодетельствующих святой обители сей. Аминь. 1849 года, июля 25-го дня.

NB. В этих горницах дневал великий князь Константин Николаевич с сыном своим Николаем и по-арабски или по-турецки на стене написал свое имя и звание (Эмир), а сынок его под ним начертил свое имя по-русски, но так криво, что наехал на отца своего. Тут же и я трудился и советовал игумену Иоасафу застеклить обе эти надписи.

12. Над западным входом в собор: Ἅγιος Πέτρας Μισαήλ σὺν τῷ κλείνῳ Ἀνθίμῳ γραμματικῷ συνέδραμε δαπάνη τε προθύμῳ ἐνθέως κατεκόσμησαν θείαν μονὴν τοῦ θεοῦ ἐν ταύταις ταῖς οἰκοδομαῖς Σάββα πατρὸς ἁγίου. Δώοι αὐτοῖς ὁ Κύριος τῇ φρικτῇ παρουσίᾳ τὰς τῶν χαρίτων ἀμοιβὰς τῇ ἄνω βασιλείᾳ. Ἐν ἔτει, ἄωλς δεκεμβρίου, –

Святой митрополит Петры Мисаил и доблестный Анфим грамматикос усердным иждивением украсили Божию обитель святого отца Саввы сими постройками. Подай, Господи, во второе и страшное пришествие благодатные воздаяния в Горнем царствии. В декабре 1836 года.

13. Над входом в три вышеупомянутые малые горницы, пристроенные к верхней части соборного алтаря у северной стороны его над притвором:

† Τοῦτον Θεοφάνης καμαράσσης δείματο πρόφρων
Παῖ χαρίεντι Νεῶ ἡμερόεντα δόμον
Ξείνους ἀμψύχειν, τοῖ ἔρκεος ἐντὸς ἰχνεῦντες
Εὐσεβέουσιν ὁμῶς Σαββαίτησι φίλοις.
Ἀμπαύου, ξεῖν', ὧδε, ἐπὴν κεκάμης λιτανεύων
Ἦνεκέων εὐχῶν γυῖ' ἀποκλεπτόμενος.
Εἰ δὲ σὲ θεῖος ἔρωσ κραδίην μειλίγμασι δήξει,
Εἴσεοα(?) οἶον ἔφυ ἡσυχίῃ θεόφρων.

Ἐν ἔτει σωτηρίῳ ἄωμθ
κατὰ μῆνα ἰούλιον.

† Сие устроил предусмотрительный камараш Феофан
У благодатного храма покойное помещение
Для отдохновения странников, которые, внутрь ограды
вошедши,

Предаются благочестию с друзьями савваитами.
Отдохни здесь, страннике, после литии
И длинных молитв успокоивши члены.
Если же любовь к Богу усладит сердце твое,
Ты познаешь значение покоя богомысленного.
В лето спасения 1849-е,
в месяце июле.

14. В проскомидийном отделении соборного алтаря хранится записка сосудохранителя:

«Иоанникий (ризничий Святогробский) упросил Иерусалимский синод, чтобы в лавре св. Саввы ежегодно было совершаемо архиерейское священнослужение после недели святой Пятидесятницы. Решение синода последовало 23 июля 1806 года». Подписались:

† Наместник Иерусалимского патриарха, Скифопольский Арсений.

† Петроаравийский Мисаил.

† Птолемаидский Паисий.

† Лиддский Мелетий.

† Газский Иаков.

† Неапольский Каллиник.

† Бывший наместник Герасим.

Архимандрит Хрисанф и прочие синодалы.

15. Там же хранится другая записка:

«Поелику святая Православная церковь определила праздновать память св. Марка Ефесского в 19-й день января, посему я посылаю к вам, в монастырь св. Саввы, икону его, службу ему и при этой службе краткую историю обители св. Саввы и предлагаю совершать ежегодно празднество сего святого.

Петроаравийский Мисаил, наместник Иерусалимского патриарха.

Словеснейший Анфим. – 15 июня 1829 года».

Надписи в кувуклии, где мраморная рака святого Саввы

16. В небе купола сей часовни изображен св. Убрис, а пониже бороды его – четыре буквы фиты:

суть начальные буквы четырех слов: Θέα Θεοῦ, Θεῖον Θαῦμα, т.е. Видение Бога, Божественное Чудо:

17. На обруче купола: † Οὐρανὸς πολύφωτος ἡ ἐκκλησία ἀνεδείχθη, ἅπαντας φωταγωγοῦσα τοὺς πιστοὺς, ἐν ᾧ ἐστῶτες κραυγάζομεν· τοῦτον τὸν οἶκον στερέωσον, Κύριε. *ᾠκζ, – Церковь явилась, как многосветлое небо, озаряющее всех верных. Стоя в нем, мы взываем: дом сей утверди, Господи. 1827 года.

18. Над мраморной ракой св. Саввы, под большим образом успения его: Μνήσθητι Κύριε τῶν ἐλεησάντων καὶ συνδρομήσαντος Ἰοάσαφ ἱερομονάχου. *ᾠκζ σεπτεμβρίου ιθ – Помяни, Господи, добрых дел и содейственика Иоасафа иеромонаха. 1827 года, 19 сентября.

19. У раки направо на стене: Κατεστρώθη τὸ ἔδαφος τοῦ θεοῦ τούτου ναοῦ καὶ ἐκτίσθη εἰς κάλλος ὁ τάφος τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Σάββα τοῦ ἡγιασμένου παρὰ τοῦ πανιερολογιωτάτου μητροπολίτου καὶ ἐπιτρόπου ἁγίου Πέτρας Κυροῦ Μισαήλ ἐν ἔτει σωτηρίῳ *ᾠιβ. Αἱ δὲ εἰκόνες ἐζωγραφίσθησαν παρὰ τῶν ὑποκάτωθεν ἐν αὐτοῖς γεγραμμένων. *ᾠκζ. – Выстлан пол сей божественной храмины и сооружен красиво гроб преподобного и богоносного отца нашего Саввы Освященного преосвященнословеснейшим митрополитом и наместником петроаравийским кир Мисаилом в лето спасения 1812. А иконы написаны теми, которых имена читаются на них, в 1827 году. Это арабские иконописцы: Михалаки, Ханна и проч.

Из всех этих надписей видно, что Саввинский монастырь постепенно обновлялся с 1812 года.

Библиотека

Печатные книги и рукописи этой обители размещены в двух местах, в юго-западной стороне соборного храма и в Иустиниановой башне, там полные и лучшие, а здесь неполные и похуже. Рукописи я рассматривал в 1844 году, но ныне еще раз переселял их и составил для себя каталог замечательных между ними. Нет места сему каталогу в настоящей «Книге бытия моего», и потому сообщаются в ней лишь некоторые заметки об упорядочении библиотеки и о содержимом в ней.

Библиотека, о которой идет речь, была приведена в порядок в годы с 1772 по 1775. Потом в 1844 году то отделение ее, что при соборном храме, возобновлено было в патриаршество блаженнейшего Афанасия, настоянием и пособием доблестного Анфима грамматикоса, т.е. делопроизводителя общины Всесвятого Гроба. А возобновили ее саввинские монахи – мастера мадитские. Ἀνεκαίνισθη ἡ βιβλιοθήκη αὕτη ἐπὶ τῆς πατριαρχίας τοῦ μακαριωτάτου κυρίου Ἀθανασίου δι' ἐπιστάσις καὶ ἀναλωμάτων τοῦ κλεινοῦ Ἀνθίμου γραμματικοῦ τοῦ κοινοῦ τοῦ παναγίου τάφου εἰς μνημόσυνον αὐτοῦ. Ἀνεκαίνισθη δὲ ὑπὸ τεσσάρων Μαδυτανῶν μαϊστόρων Σαββαΐτων μοναχῶν κατὰ 1844 ἔτος. (Из каталога библиотеки).

По каталогу в библиотеке при соборе считается печатных книг 260, рукописей на пергаменте 88 и на бумаге 4.

Большая же часть рукописей, то без концов, то попорченных долговременностью, сложена в Иустиниановой башне для хранения. Τὰ δὲ πλεῖστα μεμβράϊνα καὶ χειρόγραφα βιβλία, τὰ μὲν ὡς ἀτελῆ, τὰ δὲ ὡς διαφθαρέντα ἐν μέρει ὑπὸ τῆς πολυκαιρίας κατεθέμεθα ἐν τῷ ἔνδον πύργῳ τῷ ἐπιλεγομένῳ τοῦ Ἰουστινιανοῦ εἰς φύλαξιν.

Из присоборной библиотеки, по распоряжению Иерусалимского патриарха Кирилла 9 дня августа 1858 года взята в богословское училище, что в Крестном монастыре, сорок одна рукопись учителем Кириллом Афанасиади. Да я взял оттуда же греческое Четвероевангелие 835 года и из башни Иустиниана греческий Профитолог 1054 года, и одну толстую

рукопись грузинскую in 12°, которую, переплетая, разделил на три части¹⁰⁴.

Не оправдалась моя надежда на отыскание в библиотеке многих сербских рукописей старинных. Под руки мои попали только две такие рукописи, Церковная Минейя (сентябрь, октябрь и ноябрь) на пергаменте в четвертую долю большого листа, четырнадцатого века, и недельное Евангелие со дня Пасхи на пергаменте в восьмую долю листа, того же века, написанное на очищенных пемзой листах, на которых еще видны слова греческие: χειροуρῳία, ὁ παμφαῖς ναὸς и славянские: пастириѣ ѿвирѣцѣ и проч. Думаю, что сербские монахи, оставляя Саввинскую обитель, взяли с собой надобные им рукописи.

Рассмотрение всех саввинских рукописей кончено было мною 30 марта в Великую Середу.

А состоявший при мне семинарист Николай Благовещенский нарисовал шесть видов гостеприимной обители, немалого размера, как то: 1. юго-западную часть ее скалистую, 2. северную сторону ее, 3. соборный храм Благовещенский с южной стороны, 4. внутренность сего храма, 5. кувуклий, в котором ныне находится мраморная рака св. Саввы, и 6. пещерную церковь св. Николая. Смею сказать, что все эти рисунки, верно, изображают предметы.

Марта 31, Великий Четверток. Ночь. Ослабел и от поста, и от книжных занятий. Но перо держу в руке и пишу.

Монастырь св. Саввы образует собой неравносторонний треугольник. На остром углу его стоит Иустинианова башня. Почти через середину его пролегает каменный утес, в котором устроена церквица во имя преподобного Иоанна Дамаскина с гробницей его. Этот утес и эта церквица с прилежащим к ней с востока зданием разделяют монастырь на две половины – северную и южную. В северной находятся одиннадцать новых келий, кои построены иждивением архидиакона Иова, братская трапеза, кельи у финика св. Саввы, систерна 1859 года и Иустинианова башня, а в южной половине – соборный храм, кувуклий с ракой Саввы, пещерная церковь св. Николая, гостиная горница для приема франков и кельи в утесе.

Иконостас в соборном храме монастыря принесен сюда из Вифлеемской базилики, когда латинские монастыри завладели ею и грекам предоставили только Георгиевский придел ее и Иустинианову башню, что подле этой базилики.

Под алтарем собора находится древняя синодальная горница, в которой происходили тайные совещания саввинских старцев. Пол в ней устлан мелкими камешками, в виде мозаики. А под всем собором помещена келарня с виноградным вином в бочонках. В ней вместо пола служит природный, выровненный утес горы. Тут видно, что основные стены храма весьма толсты; толща их измеряется тремя аршинами с четвертью. За этой келарней прямо к западу простирается подземельная костовница с погребальным вертепом для усопших монахов, которые туда спускаются через отверстия, сделанные в верхней площадке между собором и кувуклией.

Вид пещерной церкви св. Николая в лавре св. Саввы Освященного

В пещерной церкви св. Николая за св. трапезой на стене висит образ Богоматери, вышитый серебряной канителью, так, однако, что лицо Ее красками написано на картине. Сей образ прежде находился в Воскресенском храме, соединенном с ротондой Гроба Господня, и один уцелел во время последнего пожара там.

В алтаре той же Никольской церкви, на восточной стене, прикреплен створчатый помянник, изготовленный в 7099=1591 году. Тут записаны усопшие цари грузинские и русские, Варлаам, родитель Иоанна Грозного, сам этот Иоанн и супруга его Анастасия, сын его Иоанн и государь Феодор Иоаннович, Вселенский патриарх Иоасаф, Александрийский патриарх и папа Сильвестр, Антиохийский патриарх Иоаким и Иерусалимский патриарх Герман и проч.

В иконостасе той же Никольской церкви царские двери, с живописными на них образами, взяты из Иерусалима, и там они находились в Крестовой церкви свв. Константина и Елены. На них есть греческая надпись: † Ἀνεκαίνισθη ὁ θεῖος καὶ πάνσεπτος ναὸς οὗτος καὶ ἐγκαίνιασθη ἐπὶ παναγιωτάτου πατριάρχου τῶν Ἱεροσολύμων Σωφρονίου ἐν ἔτει 7116=1608, καὶ ἐπὶ βασιλείας τοῦ σουλτάν Ἀχμέτ, – Возобновлен сей божественный и всечестный храм (Константина и Елены) и освящен при всесвятейшем патриархе Иерусалимском Софронии в 1608 году и в царствование султана Ахмета.

В начале XVI века в Саввинском монастыре игуменствовал Герман, который потом был патриархом в Святом граде. До него и во дни настоятельства его Саввинский монастырь был ставропигиальный, и в нем поминали патриархов вселенских.

Вне этого монастыря, близ его, стоит древняя башня, построенная еще сербами, а в ней находится церквца во имя св. Симеона Столпника. В алтаре ее – образ Спасителя с Предтечей и этим Симеоном написан в 1737 году каким-то Зосимой. Живопись арабская, нехорошая! Иконостас тут сооружен в 1745 году иеромонахом Самуилом. Подле Симеоновской церквцы надпись на камне, вмазанном в стену, гласит: Ἐτελειώθη τὸ παρὸν ἔργον ἡγουμενεύοντος Δανιήλ ἐν ἔτει 7120=1612, μαρτίου θ', – Окончена настоящая работа при

игумене Данииле в 1612 году, 9 марта. Какая работа? Устройство церкви? Обновление башни? Вход в нее? Пока не знаю сего.

Около Симеоновской башни видны остатки развалин тех келий, в которых жили отшельники при св. Савве и после него до завоевания Палестины арабами в 637 году.

В **Великий Пяток** я возвратился в Иерусалим и безвыходно прожил в нем до отъезда своего в Россию после 15 дня июля, денно и ночью занимаясь рассмотрением рукописей, хранящихся в Святогробской библиотеке, и выписками из них.

В дни июня **17, 18 и 19** я был болен, но не лечился. Сила Божия возвратила мне здоровье.

Каталог всех замечательных рукописей на пергаменте и бумаге составлен мною отчетливо. Нет ему места в настоящей Книжке Бытия Моего. В ней записывается кое-что другое, иерусалимское и свое.

Запись о погоде. В **12 и 13** день марта в Иерусалиме шел дождь, и было очень холодно. В **27** день апреля там же небо дождило.

Некролог. В **июне 22** дня внезапно скончался газский архиепископ Филимон. Был он муж простой и добродушный. Похоронили его на св. Сионе.

Запись об иконах в монастыре Крестном близ Иерусалима. В алтаре монастырской церкви образ Спасителя, сидящего на престоле, с предстоящим перед ним Предтечей, принесен сюда из полуразрушенной обители Предтечи, что у Иордана. Оба лика хороши, и наипаче лик Иоанна Крестителя, у которого борода написана с четырьмя сосками кудрявыми. Образ этот, полагаю, написан в XVI веке. В том же алтаре на правой и левой стене висят иконы Спасителя и Богоматери, как бы Знаменской, написанные живописцем сербским. Ибо в раскрытом Евангелии у Господа глагол: «научитесь», оканчивается не болгарской буквой ѡ, а сербской ѡ¹⁰⁵. Эти иконы, по всей вероятности, перенесены сюда из монастыря Саввы Освященного после того, как сербы покинули его, не смоги уплатить долг свой, который покрыл уже Иерусалимский патриарх Феофан (54000 пиастров). Оттуда же и тогда же взяты и складни 12-ти праздников, хранящиеся в алтаре, сербской живописи, со славяносербскими надписями.

Живопись изрядная! Величина складней 6 вершков в длину и 5 в ширину. На святой трапезе стоит замечательная икона, представляющая совершение божественной литургии чинами ангельскими. Она написана в 1709 году. Имя живописца неизвестно. А икона эта походит на мою, представляющую то же самое. Следовательно, она, как и моя, историрована живописцем критским. В иконостасе на царских вратах изображены Благовещение и под ним: Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов и св. Николай, кипрским иконописцем Павлом Лукианом из города Левкосии в 1620 году. Χεῖρ Παύλου Λουκιανοῦ ἐκ Λεφκοσίας Κύπρου. ἔτος σωτήριον *αχκ. Мне кажется, что иерархи древнее Благовещения и что Павел Лукианов только поновил оное. Кисть его неизящна. Лицо архангела толстовато. Над северными и южными дверями иконостаса два деисуса написаны так, что совершенно походят один на другой. Под южным деисусом помещена грузинская надпись:

Над местными образами поставлены иконы евангелистов и апостолов, критской живописи, а выше их – малые образа сербской иконописи; их тут много.

Запись о стенной живописи в той же церкви. На каменном пилоне, что на линии иконостаса, изображен Спаситель, а под Ним написана Сивилла с агнцем весьма безобразная. На таком же пилоне и на той же линии под Богоматерью видится Сивилла с мечом, или ножом, и говорит на хартии: ἔρχεται ὁ θεὸς ἄναρχος к.т.λ., то есть: грядет Бог безначальный и проч. А над сей Богоматерью изображен архангел благовествующий, и под ним подписан год 1643, месяц август, день обновления стенописи десятый: αχμγ μηνὶ αὐγούστῳ ἱ. По входе в церковь на левом столпе два архангела в рост держат лик Еммануила. Лица их миловидны, а волосы светло-русые. На столпах же, что направо, вся стенопись нехороша. Она нова.

Вообще, подновленная живопись весьма некрасива, а старая изрядна. От сей последней уцелели: два архангела на первом со входу левом столпе, Даниил пророк на втором левом столпе, Самуил и Давид тут же, ближе к алтарю, Захария и

Предтеча тут же, Спаситель и Богоматерь, колоссальные, на пилонах по линии иконостаса.

Надпись над выходом из церкви гласит, что она обновлена и расписана в 1644 году иждивением князя ЛЕОНТАНТИАНОУ живописцами: иеромонахами Моисеем, Григорием, Неофитом, Герасимом и иеродиаконом Миной.

Запись о начальниках патриаршей школы в Крестном монастыре. В этой школе, устроенной моим особенным старанием по поручению патриарха Кирилла, начальствовали и вместе преподавали богословие: 1. иеромонах Дионисий Клеопа, учившийся в одном из германских университетов и потому бегло говорящий по-немецки, муж благообразный, умный и трезвенный, но гордый и упрямый; 2. после него Никодим в 1857–1858 годах, потом рукоположенный во епископа в городе Лампсак; 3. за ним архимандрит Герман Григорас Назианзин, с сентября 1858 года поныне, то есть по 10-е мая текущего 1860 года, когда я познакомился с ним в школе его. Арабскую словесность преподавал тут хури Испир, т.е. священник Спиридон, женатый на красавице Марии. Он родился 20 июля 1803 года, был рукоположен в диакона в г. Алеппо в 1834 году, а во пресвитера там же в 1837 году, 21 июня, и через три дня после рукоположения отправился в сирийский город Триполи обучать тамошних детей, а отсюда вызван был мною в Иерусалим для преподавания арабской словесности в патриаршей школе.

Кстати записываю, что спутник мой Николай Благовещенский, живя со мною в Иерусалиме, отчетливо нарисовал для меня:

1. Вид Крестного монастыря.
2. Вид патриаршего тут училища со стороны западной.
3. Вид сего же училища со стороны восточной.
4. Вид построенного мною дома в Иерусалиме для нашей духовной миссии супротив монастыря Архангельского.
5. Вид сего монастыря со стороны восточной, из сада его.
6. Вид Святогробско-Воскресенского храма и окрестностей его с восточной стороны.

Во время нынешнего пребывания моего в св. граде местным христианам в июле месяце угрожала опасность от фанатических магометан, наэлектризованных дамаской резней. Но грозу эту предотвратили иерусалимский паша и командир турецкого батальона, получившие денежный выкуп нашей жизни из Святогробской казны. Во дни этой опасности я не трусил, однако никуда не выходил из дома, а порой подшучивал над самим собой, приискивая себе убежище на кровле дома за трубой, как будто тут не увидят меня кровопийцы.

НВ. Избиение христиан в Дамаске началось 27 июня текущего года и продолжалось восемь дней. Убиты 3000. Сожжены их дома и церкви. Православная патриархия и Никольская церковь в ней разрушены.

А. Н. Вильберг, СГБ. Монах. 2.

р. М. Клавиевский 18.

Вид патриаршего училища в Крестном монастыре (с востока)

А. Н. Вильборг, СПб. Мюн. 2.

р. М. Благовещенский.

Восточная сторона храма Воскресения

Марта 13 дня 1860 г. Своя рубашка ближе к телу. Итак, пишу о себе. Сегодня я был у прусского консула Розена и видел у него список самаритянского Пятюкнижия с арабским переводом, написанным самарянскими буквами. Список этот он относил к IX столетию эры магометанской (к XVI веку нашей эры) и поведал мне, что нынешняя синагога самарян в городе Набулузе не старше 350 лет, а прежде находилась в том же городе, но на месте плача Иакова по сыне его Иосифе. Говорили мы о надписях на синайских утесах. Я между прочим сказал ему, что напечатал свое рассуждение об этих письменах, усвоив изобретение их синайскому жителю Кинею Манафе, и что не знаю, какое божество разумели синаиты-кинеи под именем Козаг¹⁰⁶. Розен, выслушав меня, достал арабо-латинский лексикон Фрейтага, изданный в 1835¹⁰⁷ году, и в нем отыскал значение реченного имени: Coza, Satanas, Coza, angelus, qui nubibus praeest, Coza, arcus coelestis. Я усвоил себе наипаче третье значение, виде в синайских и идумейских пустынях радугу, движущуюся даже по песчаному полю в день туманный.

В один из пасхальных дней я обедал у начальника нашей духовной миссии в Иерусалиме епископа Кирилла. К обеду приглашены были граф Адлерберг с женой-красавицей, которая,

в Великую Субботу смотря на раздачу христианам благодатного огня и на пляску арабов с этим огнем вокруг пупа земли, сказала мне: «C'est sauvage, mais c'est beau»¹⁰⁸, наш вице-консул Марабути с женой красавицей, выкrest Левисон, бывший преподаватель еврейской словесности в Петербургской Духовной Академии, стоявший задом к св. трапезе с закинутыми на задницу руками во время литургии в Воскресенском храме и прочие и прочие. Пили шампанское вино. Разговоры слышались пустые. Хозяин – легкомыслен!

Не легкомысленно ли держать курятник на балконе своего дома, который видят все мимоходящие? Не легкомысленно ли гулять у святой реки Иордана с княгиней Шаховской в белых балахонах и с венками из цветов на голове? Не легкомысленно ли обнимать шею молодой попадьи, привезенной в св. град каким-то Сабуровым из Царского Села, обнимать на балконе и оттуда бросать конфеты и мелкие деньги арабчонкам, тогда как никто не знает, что эта попадья родня ему? Не легкомысленно ли в присутствии чужих людей (лекаря Шульца) подавать этой попадье бисер, насыпанный у нее между ногами пониже живота, и купаться вместе с ней в Яффском море? Не легкомысленно ли во время экзамена учеников в Крестном монастыре, в присутствии иерусалимских владык и при мне, сидеть на кресле небрежно и играючи наматывать четки на указательный палец?

Апреля 7. Я отвечал на письмо фрейлины Эйлер. Ответ мой – труден и многопредметен.

Апреля 26. Сегодня отправлены к синодальному обер-прокурору графу Толстому четыре письма мои. Первое о получении мною 130 полуимпериалов от нашего консула Доргобужина, второе об окончании моих занятий на Востоке и об определении меня к должности, третье о немедленной выдаче мне рукописей и икон моих из одесского цензурного комитета, так как они не подлежат цензуре, и четвертое об определении к учительской должности состоящего при мне семинариста Благовещенского.

Апреля 27. Еще письмо ему же о том, чтобы он попросил присутствующего в Синоде одесского епископа Димитрия поместить меня в его доме.

Мая 10. Я любовался хорошим устройством патриаршего училища в Крестном монастыре и рассмотрел все (41) рукописи, взятые в сие училище из Саввинского монастыря.

Июня 28. Сегодня был я у нашего нового консула Капитона Александровича Соколова. Он видал меня в Бухаресте, Петербурге и в Иерусалиме в 1853 году.

Сего же дня иерусалимский иконописец Илья Барамки в своем доме, по просьбе моей, писал при мне яичными красками образ Спасителя и в минуты сей работы наглядно объяснял мне технические выражения в «Ерминии о живописном искусстве». Сперва он черноватой краской очертил обличие, волосы, брови, глаза и уста, потом слегка навел краску плотяную, потом ее же, но гуще, потом – телесный колер, потом $\delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota\varsigma$, т.е., освещения белилами ягодицы под нижней губой, ягодиц ланитных, у глаз и над бровями, потом наложил $\gamma\lambda\upsilon\kappa\acute{\upsilon}\sigma\mu\alpha\tau\alpha\ \mu\grave{\epsilon}\ \kappa\rho\eta\mu\acute{\epsilon}\zeta\iota$, т.е. покрыл румянцевой краской ланиты, чело и проч. Все это он живо и бойко сделал в два часа. Я удивлялся проворству его руки и от него узнал, что $\psi\upsilon\mu\mu\acute{\iota}\theta\iota\alpha\iota\varsigma$ есть то же, что *scuro* – темноватая краска на волосах и одеждах, $\lambda\acute{\alpha}\mu\mu\alpha$ – освещение белилами, $\acute{\alpha}\nu\omicron\iota\upsilon\sigma\mu\alpha\tau\alpha$ – тени между складками одежды и белые кружевные узоры на омофорионе Богоматери¹⁰⁹.

Июля 7. Получено письмо князя Урусова от 27 мая за № 3051, в котором он известил меня, что последовало высочайшее соизволение на ввоз в Россию через Одессу принадлежащих мне книг, рукописей и икон без цензурного рассмотрения их.

Июля 8. Ночью под этот день снилось, будто киевский митрополит Исидор, малорослый, с малой и редкой бородашкой, стоит на горнем месте в соборе Александро-Невской Лавры, а я в лисьей шубе вышел из алтаря на клирос петь Херувимскую вместе с хором, но не пел, потому что хор ушел. В соборе был великий князь Константин Николаевич. (Июля 12 дошел до меня слух, что петербургский митрополит умер и на его место назначается Исидор).

Июля 10. Ночью под этот день снилось, будто я приехал посвящаться в сан архиерейский с двумя архимандритами. Стою

в алтаре домово́й бедной церкви. Туда вошел покойный митрополит киевский Филарет и, посмотревши на меня, исчез; после него показался московский Филарет и исчез, не взглянув на меня; наконец явился митрополит Никанор. А я вдруг увидел себя в золотом глазетовом саккосе. Свет свыше так и обливает меня. Возлагаю на себя орден св. Анны первой степени, крестик магистерский и архиерейский крест из гранатов. Все смотрят на меня и удивляются, что я еще в архимандритском чине получил сей орден. Митрополит Никанор говорил мне что-то об Иерусалиме и, будто недовольный мною, прижал меня к стене; а я снял с себя митру и заметил, что на ней порвалась одна жемчужная нитка. Он куда-то послал меня. Я вышел на улицу, но тотчас воротился, подумав, что непристойно же в саккосе ходить по улицам, побежал было в какой-то монастырь, будто в Костромской Богоявленский, но опять возвратился в алтарь. Тут какой-то смуглый и молодой архиерей начал обедню, голос его громок. (И так в Иерусалиме я предвидел свое архиерейское священнослужение в Киеве с 1865 года по 1878 и получение там ордена св. Анны первой степени).

Июля 12, вторник. Турецкий министр иностранных дел Фуад-паша из Бейрута прислал в Иерусалим своего чиновника Хуршуд-ефенди с султанским фирманом, которым иерусалимскому паше дано полномочие охранять христиан. Этот чиновник поместился в патриарших покоях рядом со мной. Но по болезни я не видался с ним. Он выехал обратно в Бейрут 15 дня.

Июль, 14, четверток. Ночью под этот день снилось мне, будто я в архиерейском саккосе служу обедню в одесском Успенском монастыре и весьма слабым голосом произнес молитву: «Призри с небесе Боже и виждь...» Московский митрополит Филарет стоял на правом клиросе. В церкви были старые знакомые мои, одесский градоначальник Левшин и попечитель учебного округа Никифор Феодорович Покровский.

Июля 15, пятница. Утром лиддский архиепископ и наместник патриарха внезапно разбит параличом. Отнялись половина тела и язык.

Сегодня кончены мои занятия в Святогробской библиотеке. Пора в отечество!

Июля 19, вторник. Получено письмо князя Урусова от 21 июня за №3746¹¹⁰.

Вот тебе и пора в отечество! Еще и еще раз летай по Востоку и собирай мед с тамошних цветов. Полечу и потружусь подобно пчеле.

Упомянутая в сем письме телеграмма графа Толстого передана мне нашим консулом Черняевым в письме его от 24 мая за №153, копию с которого я получил 6 июня от нашего яффского вице-консула Марабути.

Июля 19-же дня. Прислано мне письмо графа Толстого от 18 мая 1860г. о том, как применяются на практике канонические постановления об оставлении священного сана.

Июля 20. Заблаговременно на верблюдах отправляю в Яффу все пожитки свои к прибытию туда нашего парохода. Да и сам скоро уеду туда же.

Июля 23. Некратковременное пребывание мое в Святом граде было весьма приятно.

Блаженнейший патриарх Кирилл, любимец мой, дал мне великолепное помещение в своем доме. Его заместники, можно сказать, лелеяли меня. Сам я утешался плодами прежних трудов своих, нашедши там в хорошем состоянии и араво-еллинскую типографию, и патриаршее училище, и школы для арабских мальчиков и девочек, кои все учреждены были не без моего содействия. Такое утешение было лучшей наградой мне за иерусалимские труды мои. А говорить ли о сладостях духовных, кои вкушал я у подножия Креста на Голгофе и у Гроба Господня? Говорю и об этом. Сладко мне было, когда я там капелькой упал в Источник жизни и, не сознавая ни пространства, ни времени, чувствовал в себе неиссякаемый ток бытия вечного. Сладко мне было, когда я там Спасителю молился без слов, и Судии исповедался одними воздыханиями. Сладко мне было, когда я там, печальный, прискорбный, унылый, внезапно получил такую преданность воле Божией, такую твердость духа и такую неохоту к мечтам и к самодельному благополучию, что едва ли когда раздвоюсь с Богом, Который один, как Сокровище благих,

может дать мне все блага и без Которого ничего не нажать мне, кроме ошибок, скорби, страха, ропота и бедствий. О, кто что ни говори, а быть на Святых Местах и поклониться там Богу духом и истиною отрадно, полезно, душеспасительно.

Таково мое последнее слово в Иерусалиме! Прощай, Святой град. Я более не увижу тебя, но никогда не забуду. Скорее прильпнет язык мой к гортани моей, скорее забуду я десницу свою, нежели я забуду тебе, Иерусалиме; светися, светися, слава бо Господня на тебе возсия.

Я в Одессе

Августа 16. Из Иерусалима я выехал 24 июля и прибыл в Одессу 12-го августа.

Сегодня телеграфирую князю Урусову: «Библиотека моя привезена в здешний архиерейский дом. Отсрочка не получена. Четыре тысячи рублей не доставлены. Итак, благоволите известить меня телеграммой, что я должен делать». (Ответ получен 29 августа).

Августа, 17. Посланы три письма мои к князю Урусову. В первом между прочим высказано, что я готов потрудиться везде, где бы ни поставила меня святейшая власть; во втором – выражено, что исходатайствованное мне ВЫСОЧАЙШЕЕ дозволение ввезти в Одессу мои книги, рукописи и иконы без цензурного рассмотрения их есть самая утешительная для меня милость МОНАРШАЯ, за которую я благодарю ходатаев по сему делу и молюсь о милостивом царе; в третьем – изложена моя просьба о прекращении высылки за границу моей пенсии и моего жалованья.

Августа 20. На обер-прокурорское послание об оставлении священного сана дан ответ мой.

Августа 21. Послано письмо мое к синодальному обер-прокурору Толстому о необходимости вызвать в Россию известных мне греков с Афона иеродиакона Амфилохия и из Иерусалима письмоводителя Святогробского монастыря Георгия Комиса, вызвать для помощи мне при печатании добытых мною на Востоке греческих рукописей и деловых актов и успособить как проезд, содержание и помещение их при мне, так и обратный отъезд, ассигнованием исчисленных в этом письме сумм. (Последовал синодальный отказ мне в этом деле).

Сентября 5. Получено письмо от князя Урусова о высылке мне надлежащего жалованья и моей пенсии.

Сентября 7. Сегодня я ответил фрейлине Эдитте Раден.

Сентября 14. Почтальон подал мне письмо от князя Урусова от 5 августа за №7356.

НВ. Воспитанник Благовещенский не захотел более состоять при мне и уехал в Петербург к своей матери.

Сентября 14. Получено уведомление князя Урусова от 6 сентября за № 6054 о том, что назначенные мне 3000 рублей переведены уже, для доставления мне, к нашему посланнику в Константинополе векселем на 446 фунтов стерлингов, при отношении министерства иностранных дел от 10 минувшего августа за №2876. В конце сего уведомления князь просил меня уведомить его о дальнейших моих намерениях и желаниях для сообщения о том членам св. Синода.

Сентября 16. И я уведомил его сегодня, что дальнейшие намерения и предположения мои выражены в письме моем от 21 августа к синодальному обер-прокурору Толстому и что в настоящее время я желаю окончить свои занятия на Афоне в течение трех месяцев.

Затем последовала тяжелая для меня остановка настоящего дела до 26 октября. А в этот день я получил от князя Урусова телеграмму и отношение ко мне духовно-учебного управления при св. Синоде от 10 октября за №9536. В телеграмме сказано, что Синод разрешил мне отправиться за границу на три месяца. В отношении же прописано, что препровождены ко мне три тысячи рублей, возвращенные из министерства иностранных дел, и что от меня ожидается уведомление о получении сих денег.

Ноября 8. Это уведомление послано мной. А князю Урусову сегодня отправлено письмо.

Ноября 10. Преосвященному викарию Московской митрополии Леониду отправлены две книжки и письмо Антиохийского патриарха Иерофея для вручения их живущему в Москве архимандриту его, Анфиму.

В тот же день послан князю Урусову при письме мой перевод первой беседы знаменитого патриарха Фотия, говоренной им в св. Софии по случаю неожиданного нашествия россов на Константинополь, послан с просьбой показать его членам св. Синода и, если можно, царственному семейству нашему.

Ноября 12. Прочтено и принято мною к сведению письмо синодального обер-прокурора от 28 октября за №7292.

Ноября 18. Завтра я на пароходе отправляюсь в Константинополь, а оттуда поеду сперва в Египет, потом на Афон. Уведомляя о сем синодального обер-прокурора графа Толстого, я высказал ему в письме своем, что я желаю трудиться в дому Божием, т.е. в церкви, говорить умом и сердцем, усовершенствоваться в искусстве из искусств, т.е. в управлении душ по уставу царства Божия...

Поездка в Египет

Ноября 20, воскресенье. Вчера до ночи я отправился из Одессы в Константинополь на пароходе «Олег». Этот пароход-скарабей сегодня в девять часов пополудни уже на якоре стоял у предместья Цареграда, Буюкдере. Мое плавание на нем было тихо, быстро, благополучно. Тут и ночевал я. А ночь была лунная.

21, понедельник. Утром «Олег» вошел в Золотой рог и остановился там на своем месте. Мое же я переместилось в гостиницу, содержащую в Пэре каким-то Мисіри. Она хороша, опрятна и близка к нашему посольству. Нанявши в ней небольшую комнату, я тотчас пошел к архимандриту Антонину, настоятелю нашей посольской церкви, и от него слышал между прочим, что королевство греческое волнуется: греки хотят, чтобы король их Офон был второй Гарибальди и соединил бы все племена еллинские в одно государство.

22, вторник. Весь этот день проведен мною в гостинице, но не без дела. Я переводил вторую беседу святейшего патриарха Фотия, говоренную им по случаю нашествия россов на Константинополь в 854 году.

23, среда. Был у нашего посланника князя Лобанова и просил его исходатайствовать мне рекомендательное письмо Вселенского патриарха к афонцам. Он обещался, но был холоден ко мне, кажется, потому, что я независим от него.

24, 25, четверток и пятница. Мой перевод помянутой беседы Фотия подвигается вперед.

26, суббота. Еду к патриархам, Иерусалимскому Кириллу, Антиохийскому Иерофею и Вселенскому Иоакиму. Но ни одного из них не застал дома. Все они были в синоде и там присоединили к нашей церкви двух униатских иеромонахов из Сирии без перекрещивания их, посредством миропомазания, а в лице их воссоединили и прочих тамошних униатов.

По возвращении в гостиницу я написал послание (в Петербург) к херсонскому и одесскому архиепископу Димитрию и, сердечно поблагодарив его за гостеприимство, оказанное мне

в доме его, и за помещение моей библиотеки в хорошей комнате, сообщил ему следующее известие:

«Здесь сегодня нашего полку прибыло. Сирийские униаты (не все) в лице двух духовных представителей своих возвратились в созданный Премудростью Божьей дом – в Церковь нашу. А четверопрестольные патриархи синодально постановили соединить их без повторения крещения, довольствуясь одним миропомазанием их. Дивны дела Господа! Неисповедимы судьбы Его! Давно ли мы оплакивали истребление православных христиан в некоторых местах Сирии? Давно ли мысленно лобызали чело и перси этих новых мучеников? И вот у гробов их, там, где еще дымится драгоценная кровь их, другими тысячами пополняется вычтенное для рая число наших братий, новыми гроздьями замещается опустевшая часть нашего виноградника. Станем же добре, станем со страхом и принесем Господу жертву хваления, благодарения и мира, прося и моля его хранить и спасти воссоединившихся по убеждению, воссоединенных же любовью».

Сегодня о. архимандрит Антонин давал мне читать немецкую книжицу Константина Тишендорфа об издании синайской рукописной Библии по поручению нашего государя Александра Николаевича¹¹¹.

В сей книжице этот профессор и доктор упомянул о мне: Allein obgleich sich Porphyrius durchХотя Порфирий во всей его sein ganzen Buch hindurch vielfachкнигевиден как муж ученый и als gelehrten und wohlunterrichtetenмногосведущий и хотя он не Mann zeigt, und auch nicht verkanntотрицал, что рукопись hat, dass die Handschrift von Werth(Синайская Библия) ценна, sei, so ist doch fast alles, was er überно почти все, что им сказано die Schrift, über das Alter, über deno почерке, о веке и о тексте Text derselben bemerkt, irrthümlich. ее, все это погрешительно.

А я говорю, что почти все рассуждение его самого об оной рукописи погрешительно, и ссылаюсь на третейского в этом деле судью, лейденского профессора, который решил, что она рукопись не сокровище, а уголь. De codice Sinaitico multum vereor,

ἵνα μὴ ἄνθραξ φανῇ ὁ θησαυρός¹¹², – много боюсь за кодекс Синайский, как бы вместо сокровища не оказался уголь.

Далее Тишендорф в своей книжице откровенно говорит, что текст Синайской Библии не согласен с текстом, принятым Православной церковью, не согласен так, что и примирить их нельзя¹¹³ и представляет несколько образчиков разногласия их. Выписываю некоторые из них.

Текст синайский

Мф. 1:25...: καὶ οὐκ ἐγίνωσκεν αὐτὴν ἕως οὗ ἔτεκεν υἱὸν καὶ ἐκάλεσεν τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἰησοῦν.

И не знаяше ея дондеже роди Сына, и нарече имя ему Иисус.

Мф. 7:13...: εἰσέλθατε διὰ τῆς στενῆς πύλης ὅτι πλατεία καὶ εὐρύχωρος ἡ ὁδὸς ἡ ἀπάγουσα εἰς τὴν ἀπώλειαν.

Внидите узкими враты, яко пространный и широкий путь, вводяй в пагубу.

Текст православный

И не знаяше ея дондеже роди Сына своего первенца, и нарече имя ему Иисус.

Внидите узкими враты, яко пространная врата и широкий путь, вводяй в пагубу.

NB. Такое чтение взято из творения Климента Александрийского.

Мф. 8:28...: Καὶ ἐλθόντων αὐτῶν εἰς τὸ πέραν εἰς τὴν χώραν τῶν γαζαρήνων.

И пришедшим им на он пол вИ пришедшу ему на он пол в страну Газаринов. страну Гергесинскую.

Мк. 1:1...: Ἀρχὴ τοῦ εὐαγγελίου ἰησοῦ χριστοῦ· καθὼς γέγραπται ἐν τῷ ἡσαΐα τῷ προφήτῃ.

Начало Евангелия ИисусаНачало Евангелия Иисуса Христа: якоже есть писано уХриста Сына Божия, якоже есть Исаии пророка. писано во пророцех...

Лк. 24:51–52...: Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εὐλογεῖν αὐτὸν αὐτοὺς διέστη ἀπ' αὐτῶν. Καὶ αὐτοὶ προσκυνήσαντες

αὐτὸν ὑπέστρεψαν εἰς
Ἱερουσαλὴμ.

И бысть, егда благословляше Он их, отступи от них. И тии поклонившеся Ему, возвратишася во Иерусалим.

Ин. 1:18...: Θεὸν οὐδεὶς ἑώρακεν πώποτε· μονογενὴς θεὸς εἰς τὸν κόλπον τοῦ πατρὸς, ἐκεῖνος ἐξηγήσατο.

Бога никтоже виде нигдеже. Единородный Бог в лоне Отца, Единородный Сын, сый в лоне той исповеда.

Ин. 5:4. Всех этих слов нет здесь.

1Тим. 3:16...: Καὶ ὁμολογουμένως μέγα ἐστὶν τὸ τῆς εὐσεβείας μυστήριον· ὃς ἐφανερώθη ἐν σαρκί.

И исповедуемо, велия есть благочестия тайна, иже явися воблагочестия тайна, яко Бог плоти.

Все эти и другие несогласия синайского текста с текстом православно-кафолической Церкви – не новость для меня. Я заметил их еще в 1845–1850 годах, когда был в Синайском монастыре и рассматривал тамошние рукописи. Когда этот неправославный текст будет напечатан Тишендорфом и будет подарен восточным патриархам, тогда они посмотрят на него равнодушно и читать не станут.

Ноября 27, воскресенье. Слушал я обедню в посольской церкви и весь день провел у о. архимандрита Антонина. Разговаривали о многом и многом.

28, понедельник. У верховья Золотого Рога, супротив Стамбула, находится предместье, называемое Хаскёй. Тут живет Александрийский патриарх Каллиник, в своем ли, в наемном ли доме, у родных ли, или знаемых, этого не знаю. Тут я посетил

его сегодня. Во время обычного у греков угощения сладким варением и кофеем, и после этого угощения, поданного обоим нам двумя гречанками, молодой и постарше, длились наши разговоры. В слове первенствовал патриарх и задавал мне задачи и вопросы о таких предметах, которые сильно занимали его и другие духовные власти в настоящее время, как то: о Синайской рукописной Библии, увезенной в Россию немцем Тишендорфом, о папе Римском, о распре греко-болгарской, о церковных имениях в Молдавии и Валахии и о тамошнем господаре Кузе. Памяти ради записываю все, слышанное и сказанное мною.

Патриарх. Мы думаем, что рукописная Библия, взятая Тишендорфом из Синайской обители, дана вам на время и должна быть возвращена из России на свое место.

Я. Нет, владыка мой святой, она отдана нам навсегда. Естественно вам жалеть об отчуждении ее; но и нам естественно радоваться о добровольной передаче нам этой древности. Итак, весы стоят ровно. У вас старина эта может исчезнуть и попасть в руки англичан, французов, немцев, а у нас она будет сохранна. Наша католическая Церковь есть один большой дом, в котором вместе живут еллины и скифы, только в разных горницах, и потому тужить не надобно, ежели какая рукопись перенесена из одного жилья в другое, с Синая например в Петрополь. Допустим, что она понадобится вам для ученых справок. Что же? Приезжайте к нам и справляйтесь по ней, как приезжаем к вам мы и роемся в ваших библиотеках. Притом прошу вас знать и то, что синаерукописный Новый Завет не так многоценен и надобен для Церкви Божией, как воображают все те, которые не видали и не читали его, а только слышали о нем как о редкости. В нем, кроме многочисленных ошибок переписчиков и чьих-то поправок их, содержатся такие пропуски и такие странные изречения о Господе Иисусе Христе и о Святой Троице, что вы никогда не будете читать этой рукописи в храме Божием в услышание христиан православных и будете держать ее на полке только для ученых справок, ежели они понадобятся. Высказываю вам несколько неправильностей в ней. Мы в своем общецерковном Евангелии Иоанна (1:4) читаем: «в том живот бе» а в синайском

тексте написано: «живот *есть*». А так читали еретики ариане, по заверению св. Амвросия Медиоланского. Мы в том же Евангелии (1:18) читаем: «Бога никтоже виде нигдеже: единородный Сын, Сый в лоне Отчи, той исповеда», а в синайском тексте читается: «Единородный Бог в лоне Отчи». Ну на что же это походит? Нам то же Евангелие благовествует (1:34): «аз видех и свидетельствовах, яко сей есть Сын Божий», а синайское Евангелие ворчит: «сей есть избранник Божий». Мы от Иоанна Богослова слышим (16:15): «Вся елика имать Отец, Моя суть: сего ради рех, яко от Моего примет, и возвестить вам». А этих слов в синайском Евангелии нет. Евангелист Лука нам благовествует, что Христос вознесся на небо, а в синайском Евангелии его это благовестие опущено. Итак, сего Евангелия и читать нельзя в праздник Вознесения Господня.

Патриарх, выслушав все это, помолчал и потом задал мне неожиданный вопрос: какая будущность ожидает папу и папство, теснимое Итальянским государством?

Я ответил ему: «Владыка! Есть помощь свыше римскому первосвященнику, исповедывающему одинаковый с нами Символ веры за исключением прибавки об исхождении Духа Святого и от Сына. Этот первосвященник очень силен в настоящее время, когда с многих сторон теснят его. В протестантской Англии незыблемы состоящие под священноначалием его епископские кафедры, и там он приобретает новых достойных чад духовных, каковы Нюман и Пальмер и иже с ними. В Германии происходит то же самое. Там многие аристократические семейства навсегда уходят из протестантской кирки в католические храмы. В России папа потерял более миллиона униатов, воссоединившихся с нами, но зато католицизм его год от году усиливается в Америке, где он в прошлом столетии был даже гоним. Ныне у папы почти те же средства к поддержанию и распространению католицизма, какие были и прежде, это – динарий св. Петра, богатые пособия деньгами папским миссионерам из Франции и Австрии, и школа в Риме, в которой готовят миссионеры во все страны вселенной из туземцев, как то: негров, абиссинов, коптов, даже греков и других. Таких средств у нас нет, потому что нет

сосредоточенного где-нибудь единства между нами и потому что мы, прошу извинения, заражены себялюбием весьма скупым. Все мы думаем о себе и о своем благе и довольстве, а о духовном просвещении прочих народностей и не помышляем. В области Александрийского патриархата живут копты и абиссины, не далекие от нас по своему вероисповеданию. А разве мы тянем их к себе? (О своем посольстве к коптам я умолчал). И разве есть у нас готовые проповедники им и надобные деньги? Увы! Даже своих старых собратий по вере мы теряем в Палестине, Сирии и Болгарии».

Патриарх, услышав о Болгарии, пожелал знать мнение нашего св. Синода и правительства о распре болгар с греками.

Я сказал ему, что желанное мнение неизвестно мне, и от себя прибавил вот что. Вам, грекам, владыка, естественно сочувствовать и содействовать идеям и стремлениям греков, а нам, славянам, естественно быть на стороне славян в Болгарии. Но благоразумные между нами жалеют о реченной распре и не одобряют неподготовленной автокефалии Болгарской церкви, в которой духовное просвещение весьма скудно, однако желают, чтобы для болгар совершалось богослужение на славянском языке, который должен быть изучаем детьми и в школах, и чтобы они имели своих, родных по языку и крови, епископов, хоть половину на первый раз. К сему я присовокупил еще и то, что нам желательно, чтобы вы не смешивали действий болгарского общества в России с видами нашего правительства.

Патриарх. Содействие вашего правительства нам необходимо и полезно. Но почему же оно не склоняет нынешнего молдавовлахийского господаря Кузу к тому, чтобы он не отбирал от нас церковных имений, как склоняло к сему прежних господарей? Куза в бытность свою здесь принял к себе трех патриархов, но очень холодно, и ничего не говорил о принадлежащих нам имениях в его княжествах. Дело о них тянется. Парижский конгресс настоял, чтобы оно рассмотрено было греками и молдавовалахами и решено в течение одного года. Но не видать начала его, не только конца.

Я сочинил себе лицо сперва дипломатическое, а потом коммерческое, говоря его блаженству: «Дело это затянется

надолго и кончится не в вашу пользу. Ваше, извините, упрямство проиграет его. По окончании войны России с Турцией в 1830 году наш поверенный Киселев советовал всем чужестранным владельцам имений в Валахии и Молдавии ежегодно давать местному правительству 250000 левов на общественные нужды его. Но они не послушали его и тем огорчили это правительство. За этим первым огорчением следовали и другие подобные огорчения. Между тем, оба княжества при расслаблении Турции стремились к соединению и самостоятельности, независимой ни от какой державы. А самостоятельному государству надобны плодородные земли, доходные имения для учреждения государственного банка, обеспечиваемого ценными имениями. Таких же имений в княжествах свободных нет, кроме патриарших и монастырских. И вот на эти имения и посягнул Куза в видах государственного благоустройства. У него есть сила, а у вас бессилие. Что же вам остается делать? Остается продать все церковные имения молдавовалахскому правительству и вырученные продажей деньги положить в государственные банки в России, пожалуй, и в Австрии и Англии, и проценты с них получать и делить кому больше, кому меньше, смотря по величине капиталов, принадлежащих Синаю, Сиону, Афону и прочим. Эта мера и благонадежна, и прибыльна».

Патриарх. «Но употребить ее не соглашаются ни святогорцы, ни святогорцы».

Я. «И расскаются, но поздно!»

Патриарх начал невыгодно отзываться о Кузе, выставляя на вид его безнравственное поведение, взятие под стражу молдовлахийского митрополита и намерение окончательно отчинить Румынскую церковь от вселенского престола и учредить одну митрополию для обоих княжеств.

Я слушал его равнодушно и, когда речь его прекратилась, попросил его дать мне рекомендательное письмо в Каир, по которому поместили бы меня там в патриархии и показали бы мне библиотеку, какая есть. Он обещался писать туда, примолвив, что сам более не поедет в Египет по причине неблагоприятного ему тамошнего жаркого и душного климата и

откажется от своей кафедры. Затем оба мы расстались, я как гость, а он как хозяин.

Ноября 29, вторник. Архимандрит Антонин говорил мне, что министр Горчаков мирволит болгарам и прочит им автокефалию церковную.

30, среда. В пять часов пополудни австрийский пароход «Люциферо» повез меня в Смирну. Шел дождь.

Декабря 2, пятница. Я в Смирне и здесь гощу в святоградском подворье в ожидании отъезда в Бейрут австрийского парохода «Императрица». Читаю греческую книжицу о Святом Гробе Господнем, сочиненную воспитанником святогробского монастыря Ф.Тимагеном и напечатанную здесь в нынешнем году¹¹⁴. Тимаген издал эту книжицу в опровержение газетной французской лжи, будто Иерусалимский патриарх Кирилл с прочими святогробцами ежегодно пожирает десять миллионов франков: πατριάρχης καὶ τριακόσιοι καλόγηροι καταβροχθίζουσι δέκα ἑκατομμύρια φλωρία. Ложь опровергнута, и правда показана мастерски. Святогробцы-греки, с начала XVI века живущие в Иерусалиме, как братья, по правилам самого строгого общежития, бедно, безденежно, уже по этому самому не могли и не могут наживать себе златицы и иждивать их в свое удовольствие или в пользу родных своих. Напротив, они, непрестанно утесняемые католиками и даже вытесняемые ими со Святых Мест, удерживали за собой эти места; для достижения же сей цели наживали огромные долги и уплачивали их с помощью православных христиан; кроме сего, обновляли многие монастыри для удобного помещения в них поклонников, а нынешний патриарх Кирилл устроил богословское училище в Крестном монастыре и открыл школы во многих городах и селах Палестины, а в самом Иерусалиме – школу для арабских девочек, чего прежде никогда не бывало.

Спасибо Тимагену за всю эту правду святую.

Декабря 6, вторник. Сегодня ранним утром «Императрица» отплыла со мною к берегам Сирии.

10, суббота. А ныне я уже в Бейруте и сиднем сижу в городской гостинице, потому что ливмя льет дождь.

11, воскресенье. Погода переменилась. Стало ясно, тепло и даже жарко. Я ходил к нашему генеральному консулу Бегеру и к нашему комиссару Новикову, а бейрутского епископа Иерофея не застал дома. Записываю вести, пересказанные мне этими чиновниками нашими.

Вести Бегера

1. Бейрутский владыка Иерофей примирился с паствой своей. Его поддерживает паша.

2. За городом построено народное училище для православных детей, отчасти на деньги нашего св. Синода (280 руб. в год), накопленные во время последней войны нашей с турками. Выдано на постройку его около 30000 пиастров.

3. Арабская типография из архиерейского дома передана издателю арабской газеты. Он православный.

4. Униаты дамасские более, чем другие сирийские униаты, расположены принять Православие и даже соглашаются на то, чтобы их помазали святым миром. Когда они воссоединятся с нами, тогда Антиохийский патриарх Иерофей посвятит им в епископа того самого хури Ханну, которого они отправили в Константинополь хлопотать о своем воссоединении и который там помазан был миром 26 ноября.

5. Униаты бейрутские выказывают готовность воссоединиться с Православной церковью, но без принятия миропомазания и без перепосвящения их духовенства, дабы не обзывали их отщепенцами, еретиками. Всех их 500 семейств. Теперь из числа их 80 семей ходят молиться в свой прежний униатский храм, двадцать – в домашнюю молельню драгомана русского консульства Наума-Хури, который вместе с ними скоро примет Православие, 60 семей ходят в церковь православную, 100 – в разные церкви, а остальные никуда. Нашего полку прибудет, но немного: не более 600 семей или 3000 душ.

6. Униатский епископ Бейрута Агапит двоедушничает. Когда отзывали его в Рим, тогда он грозил папистам, что примет Православие, а когда оставили в покое, тогда и он остался униатом. Точно так же двоедушна и паства его. Вот тому доказательство. По приезде в Бейрут латинского патриарха Валерги французский консул склонил первостепенных униатов явиться к нему и принять его благословение. Они были у него, пили кофе, курили табак, но не приняли нового календаря, который навязывал им Валерга, и наотрез сказали ему: ежели

вы оставите нас со старым календарем, то и мы по-старому останемся в ограде римской церкви.

7. Сирийские униаты обращаются в Православие по видам и побуждениям корыстным.

8. Иеромонах Гавриил Жебáра, миропомазанный в Константинополе 26 ноября, не очень благонадежен.

9. Православная церковь св. апостола Фомы в Тире починивается.

10. Из семейств, пострадавших в Дамаске и в других местах Сирии, женщины, лишившиеся своих мужей и братьев и пришедшие в Бейрут, избавлены нашим консульством от позорной жизни укрытием их в наемном доме и подчинением надзору. Несколько их помещено в семи комнатах, пристроенных к загородному народному училищу. Кормит же их турецкое правительство, выдавая ежедневно один пиастр (5коп.) на душу.

11. Христиане не возвращаются в Дамаск, потому что боятся тамошних магометан, да и не на что им обстроиться и обзавестись, ибо турецкое правительство хоть и обещалось вознаградить все убытки их, но до сей поры не исполняет своего обещания.

12. Из числа пострадавших христиан одни живут в Тире, другие в Сидоне, а больше в Бейруте.

13. Вот уже 20 дней прошли, а Фуад-паша ни одной парички не дает им и не кормит их.

14. Французская императрица Евгения рассорилась со своим мужем за римского папу и потому отпущена в Англию погулять там. Испанцы просили ее как свою соотечественницу ходатайствовать перед Наполеоном III за папу. Но ходатайство ее не уважено.

Я говорил Бегеру о продаже богатых святогробских и прочих имений в Валахии и Молдавии тамошнему правительству, и особенно тех имений, кои приобретены покупкой, и, выставив выгодность этой меры для обеих сторон, т.е. для одного правительства и греческого духовенства, присовокупил, что упорство святогробцев, синаитов, афонцев и прочих понудит господаря отобрать все имения по праву сильного.

Вести советника нашего посольства в Константинополе г.Новикова, проживающего в качестве комиссара по Дамасской резне

Бывший Вселенский патриарх Кирилл жаловался на него (Новикова) в Петербург за содействие болгарам, но содействие его было служебное, вследствие предписания нашего министерства иностранных дел.

Константинопольский синод в патриаршество Кирилла наполнен был подсудимыми архиереями, достойными лишения сана. Какого же добра можно было ожидать от них?

Антиохийский патриарх и вся паства его всегда протянут нам руку, прося помощи. А вселенский владыка и синод его постоянно враждебны нам.

Сегодня в Бейрут приехал новый дамасский паша Эмин-ефенди.

Декабря 12, понедельник. Австрийский пароход мчит меня в Египет. Со мною едет в Иерусалим на поклонение Гробу Господню греческий полковник Уреос, посланный в Сирию афинским правительством наблюдать за французской армией на Ливане и изучать военные действия ее; в Бейруте он прожил шесть месяцев. От него я слышал особливые вести.

1. Бейрутское загородное училище, выстроенное с нашей помощью, находится в плохом состоянии. Зажиточные православные христиане посылают детей своих в училище западников.

2. В Сидоне один араб оскорбил французского консула и в суде дерзнул сказать, что после возвращения французов восвояси все христиане в Сирии будут истреблены.

3. Когда французы высадились в Бейруте, тогда решено было атаковать друзов тремя колоннами в главном месте их жительства, а именно, в Друзу-даге. Французская колонна, при которой состоял Уреос, должна была действовать с севера и поддерживать турецкую колонну паши дамасского, занявшую местность у горы Джебель-Шех выше сел Хасбеи и Рашеи, а другая турецкая колонна, предводимая Фуад-пашей, должна

была атаковать друзов с юга, отправившись из Сидона. Но оба паши, по предварительному условию с друзьями, пропустили их в Хауран после того, как они ночевали вместе с турецкими регулярными батальонами. Друзов было 5000. Когда узнали это французы, готовые драться с друзской сволочью, то взбесились. Так надули их турки, щадя своих сторонников, нужных для ослабления христиан-маронитов. Посему многие друзы, не главные, ушли в свои деревни. Никто не преследовал их. А главные шехи остались в Хауране выжидать, когда французы уйдут восвояси.

4. Фуад-паша употребляет все усилия к тому, чтобы сделаться наместником султана во всей Сирии, подобно наместнику египетскому. По этой причине теперь ограничены и те права маронитов, какие они имели до сей поры, и им дан каймакан (правитель) из незнатного дворянского семейства маронитского. Выбором его оскорбилось самолюбие и тщеславие старейших и знатнейших семей маронитов, так что они не повинуются этому каймакану. Есть партия маронитов, которая не прочь принять Православие, только бы не зависеть от сего не излюбленного правителя. Она являлась к триполийскому архиерею Софронию и выражала ему свое намерение, с тем, однако, уговором, чтобы он выпросил у России сильное заступление за нее. Фуад-паша требовал от православных ливаногорцев заявления, что они весьма довольны благоразумными распоряжениями его и благосклонностью к ним, дабы и их голоса иметь в свою пользу при учреждении наместничества в Сирии. Но они не захотели поднести ему вожденное заявление, отвращаясь от всякого мусульманина, как от кровопийцы. За это Фуад прекратил ежедневную выдачу им денег на содержание.

5. Дамасский паша, не защищавший христиан от грабежа и убийств, не наказан и заменен каким-то преступником, и спокойно живет в Мекке. Также и джиддский паша не наказан, а заменен другим.

Пока я слушал вести Уреоса и пока записывал их, пароход после полудня бросил якорь в виду Яффы. Капитан его объявил мне, что пойдет в Александрию завтра. Я воспользовался

стоянкой парохода и послал письмо к настоятелю нашей духовной миссии в Иерусалиме, мелитопольскому епископу Кириллу, в котором просил его прислать ко мне в Египет переводчика своего Фадлаллу Саруфа.

Декабрь, 14, среда. Вскоре пополудни «Императрица» вошла в старую, обширную пристань Александрии и стала тут на своем якорю. А я переместился в этот город и нанял себе две угловые горницы в гостинице, называемой «Hôtel Peninsulaire et Oriental».

Мое плавание по морю было тихое, спокойное, как бы весной, либо летом. Что-то будет далее? Успею ли я склонить коптского пастыреначальника к искреннему и бесповоротному соединению с нами? Не встречу ли какое-либо неожиданное препятствие к достижению сей цели? Увидим.

Я в Египте

Декабря 15, 16, 17. Знакома мне Александрия. Она та же, какая была и в годы 1845 и 1850: красива, богата и нарядна. Не ходил я по стогнам ее и, сидя в своей гостиничной келье в ожидании благоприятного ответа из Иерусалима, переводил беседы святейшего патриарха Фотия, найденные мною на Афоне.

Декабря 18, воскресенье. А сегодня купил 64 фотографические вида Египта, большого размера, за 342 франка, и 62 вида стереоскопные за 135 франков, на наш счет, за 23 полуимпериала и полтора рубля серебром с додачей двух с половиной франков. Все эти виды очень хороши. Пригодятся мне при издании моего первого путешествия по Египту в 1845 году.

В семь часов с половиной пополудни полился дождь, но скоро перестал, однако ночью капал достаточно.

19, понедельник. Утро пасмурно. В три часа пополудни спустился с неба крупный дождь при северном ветре и вперемежку шел долго. На улицах грязь и лужи.

20, вторник. Ночью под этот день лился дождь, да и утром, когда я пробудился, он же капал и капал до десятого часа дня; потом воссияло было солнце, но опять скрылось за облаками, и с четвертого часа пополудни проливной дождь продолжался до глубокой ночи. Такого явления не ожидал я в сухом Египте.

21, среда. Перед полуднем небо прояснилось. Дождя уже не было.

22, четверг. У меня посидел недолго секретарь здешнего консульства нашего, Залеман, русский немец, протестант. Я спрашивал его, что и что особенное слышно в среде здешнего духовенства православного. Здесь жалеют, молвил он, об утрате Синайской рукописной Библии, увезенной Тишендорфом в Россию, и бранят господаря Кузу, посягнувшего на присвоение церковных имений. Услышав это, я высказал ему об этих двух злобах дней то же самое, что говорил и патриарху Александрийскому в Константинополе. По уходе Залемана явился ко мне веکیلъ, – наместник сего патриарха, молодой

архимандрит Евгений, которого я видел на Афоне, в монастыре Ксиропотамском и в Руссике. Этот греко-французик, приютившийся у александрийского владыки Каллиника, говорил мне, что он много содействовал обращению александрийских униатов в Православие, но не надеется на их стойкость, потому что арабы непостоянны, Ἄραβες ἀκατάστατοι, и что французы уже поколебали многих из них. От него я узнал, что в больших селениях на египетской дельте, Мансуре и Танте, находятся православные христиане. Он обещался писать в Каир, чтобы в тамошней патриархии приняли меня достойно.

Декабря 23, пятница. Сегодня я кончил систематическое составление каталога рукописей, кои рассматривал в библиотеках монастырей метеорских и оссоолимпийских в Фессалии. А составлял его по путевым записям своим, потому что нечего было делать здесь в прошедшие дождливые дни. Время у меня дорого. Не люблю тратить его непроизводительно

24, суббота. Пора мне ехать в Каир. Пора видаться там с коптским патриархом Кириллом и начать свои переговоры с ним о тайном или явном воссоединении его и всей паствы с Православной церковью, воссоединении лишь догматическом. Господи, помоги! Господи, просвети! Обаче да будет воля Твоя!

В девять часов пополудни чугунка покатила меня в столицу Египта и прикатила в пять пополудни. Из патриархии за мной прислали к вокзалу великолепную карету, а когда я приехал туда, поместили в темноватой и душной комнате у ворот, где встретили и приняли меня сухо архидиакон Мелетий и какая-то баба Катерина. К постному ужину, какой только мог быть изготовлен в Рождественский сочельник, явился, кроме реченного Мелетия, диакон и учитель Никанор, не кончивший курса богословских наук в афинском университете, самый лихорадочный грек, да уж и угостил меня своими дерзкими речами, говоря неустанно:

«Стыдно русскому императору не освободить крестьян от самого тяжелого рабства. Не говорите, что они будут освобождены. Ваше развратное дворянство воспротивится этому благому делу.

Россия оказывает свое покровительство глупым болгарам и всячески ослабляет благотворное влияние на них греческих архиереев, замышляя дать им церковную автокефалию (я отпалил ему: «Болгары нам братья, и мы освободим их, чего бы то ни стоило»).

Ваша война с Турцией в 1854г. затеяна была не в добрый час, и тяжесть ее впоследствии пала на греков (я промолчал, но оскорбился этой выходкой недруга).

Богословие лучше преподается в Германии, нежели в России (я заметил ему: «Вы не слушали этой науки ни у нас, ни у немцев; следовательно, говорите о том, чего не знаете»).

Архидиакон Мелетий, в свою очередь, злостно промолвил: «Россия не поддерживает александрийский престиж патриарший, ибо господарь Молдовлахии Куза отобрал имения его в свою казну». Услышав сей упрек нам, я не выдержал и высказал архидиакону то же, что выразил патриарху его Каллинику. Потом он поведал мне, что в нижне-египетских слободах Мансуре и Танте и в верхне-египетских городах Миниэ, Монфалуте и Гíргэ поселились греческие покупщики хлопчатой бумаги и других произведений и привезли туда бумаго-чистительные машины, и что в Мансуре уже построена для них церковь, а в Танте и в других местах будут строиться храмы Божии. «Итак, мы, – заключил он, – и в Египте будем хозяйничать и насаждать милый нам еллизинизм» (я промолчал).

Все эти речи огорчили меня, и я решился завтра же перейти в городскую гостиницу, дабы более не слышать подобных упреков и выговоров.

NB. В Каире дождей не было.

25, воскресенье. Утреню и литургию служил в патриаршей церкви синайский архиепископ Кирилл. Я молился в алтаре. После священнослужения предложено было гостям и мне обычное у греков угощение вареньем и кофеем. Я пригубил то и другое и тотчас ушел в свою комнату, где и уложил в чемодан все дорожное свое, решившись переместиться в гостиницу. Узнал об этом архидиакон Мелетий и начал упрашивать меня остаться в патриархии, но не упробил. Расставаясь с ним (около полудня), я не без суровости высказал ему вот что: «Народ

греческий везде любит нас, русских, а духовенство ваше не любит. Но какое зло мы сделали ему? Никакого. Напротив, ваша свобода, какой вы пользуетесь теперь, куплена нашей кровью; в прошлом году мы прислали Александрийскому патриарху 48520 руб. Не забывайте сего. Прощайте».

Во втором часу пополудни навестил меня в гостинице наш генеральный консул Александр Ефимович Лаговский, земляк мой, сын учителя уездного духовного училища в Костроме. Забавно мне было услышать от него нелепую молву в Каире о личности моей. «Вас приняли здесь, – сказал он, – за знатного казака в лисьей шубе. Узнал это Саид-паша и прислал ко мне своего адъютанта спросить: «Какой знатный казак в лисьей шубе приехал сюда?». Я послал своих кавасов во все здешние гостиницы разведать о приезде такого казака. Но вместо его оказался архимандрит; и я известил пашу, что приехал сюда не казак, а монах». После этого рассказа поплелись наши речи о предметах важных.

Консул никем не был предуведомлен о моем миссионерском деле в Египте, однако верил моему конфиденциальному объявлению о нем и не отклонил моих совещаний по этому делу. А при совещаниях оказалось, что он считал местных христиан-коптов еретиками, которым можно отказывать в нашем политическом покровительстве, если они не сделаются православными. Я осветил ему ошибку его, показав и подарив ему свое печатное сочинение: «О вероучении, богослужении и чиноположении коптов», одобренное нашим св. Синодом, в котором сочинении доказано, что эти христиане – не еретики, и предложил свой план возобновления союза их с православно-кафолической Церковью.

I. Единение коптов с нами начинается в лице одного преосвященного владыки их.

II. Я твердо объявляю ему, что св. Синод Всероссийский прислал меня к его блаженству с благой вестью о том, что этот Синод и с ним вся Российская церковь не считают ни его, ни подведомых ему епископов и священников, ни паствы их еретиками-монофизитами, а признают своими братьями по вере и по чину богослужения, несмотря на некоторую разность

церковных обрядов, которая не расторгает единства веры и любви.

III. В подтверждение сего объявления я, держа в руках свою книгу «О вероучении, богослужении и чиноположении у коптов», говорю патриарху Кириллу:

«А. Вы в своем Часослове читаете Символ веры точь-в-точь тот самый, который читаем и поем мы:

Ўмэн сѣ иль ягин уáхед, áббин,
Соáабет иль куль хáлэ-е иль сема,
уль ард, кулл-я-ма юра уамá ля
юра. – У аббáббен, уáхед эсуá ель
Масия, эбинъа аллá...

Следовательно, догматически вы и мы соединены единым союзом веры».

Б. Перевожу по-арабски вероисповедания коптских патриархов Санутия IX века и Мины X века, Санутия, епископа каирского XI века и собора, бывшего в 1239 году, и после перевода их уясняю учение о лице Богочеловека словами святых отцов Афанасия и Кирилла Александрийских, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста и Амвросия Медиоланского.

В. Припоминаю одинаковые с нами анафемы еретикам. «Вы анафематствуете как тех, которые с Несторием разделяют два естества или существа во Христе, так и тех, которые с Евтихием сливают или изменяют их в одно; тех и других анафематствуем и мы. Следовательно, вы и мы единомысленны».

Г. Излагаю сущность учения Православной церкви о Христе: «Мы, православные, исповедуем Христа как Бога совершенного и как человека совершенного, кроме греха; исповедуем неизреченное соединение в нем двух естеств или существ, Божеского и человеческого, без слияния, изменения, преложения и разделения их, так что все свойства обоих естеств или существ остались целы; мы исповедуем согласие двух волей и действий Богочеловека так, что между ними не было никакого борения, подобного противлению в нас плоти и духа, как бы они были одна воля и одно действие (ἐνέργεια): чего желал Христос как человек, то соизволял и благословлял

соединенный с ним Бог; чего хотел сей Бог, того хотел и то совершал сей Человек безгрешный. Мы исповедуем что Бог как Бог, не страдал и не умер на кресте, ибо Он всегда блажен и бессмертен, но не разлучался со страждущим и умершим Иисусом, напротив, волей Своей, определением Своим, милосердием Своим, правосудием Своим приобщался к страданию и смерти Его ради спасения грешников. По нашему учению, все действия Иисуса Христа и таинство искупления нашего были не воображаемые и призрачные, а действительные. По нашему учению, Христос не есть эхо соединенного с ним Бога Слова, а живое и совершенное подобие Его и совершенный Спаситель человек, которому во всем подражать должно. Это же самое учение содержат и вы, что видно из ваших вероисповеданий и богослужебных книг. Например, в вероисповедании собора, бывшего у вас в 1239 году, сказано: Бог Слово есть вкупе и человек, рожденный от Девы Марии, и Ему действительно приличествуют все свойства естества Божеского и человеческого. Если же Ему приличествуют все свойства этих естеств или существ, то он имел две воли, Божескую и человеческую, и действовал как Бог и как человек, вполне согласно. Он как Бог и как человек безгрешный естественно любил добро и отвращался от зла. Он как Бог естественно открывал истину и творил чудеса, и как человек естественно изрекал словом истину Божию и святым умом Своим разумел и знал, что совершалось¹¹⁵, никогда не противореча глаголавшему и действовавшему в нем Богу Слову, как прекословил Моисей Тому, Кто посылал его освободить Израильян. Нужно было Христу питание, отдохновение, сонное упокоение, и Он естественно желал вкушать пищу и питье, отдыхать на пути и спать; Бог же, соединенный с Ним, соизволял Ему сие. Иисус Христос, по человеческому естеству Своему, желал молиться и молился, любил ближних, милосердовал о недужных, плакал об Иерусалиме. Бог же, соединенный с ним, соизволял Ему сие. Сей Бог восхотел исцелить слепорожденного посредством брения, а соединенный с Ним человек Иисус Христос чувствовал в себе хотение его и сотворил брение. Сей человек, по немощи своей, естественно молил отклонить

страдания¹¹⁶, Бог же, соединенный с Ним, попускал сие. Когда же Божеская воля восхотела, чтобы человеческая воля избрала смерть, тогда Христос как человек добровольно предал себя на смерть¹¹⁷.

Д. По учению святой Православной церкви, в Иисусе Христе были не только две совершенно согласные воли, Божеская и человеческая, но и два действования, человеческое и Божеское. Он взял за руку усопшую девицу как человек, а жизнь возвратил ей как Бог¹¹⁸. Когда Он смешал слюну Свою с брением и помазал им очи слепого, тогда действовал как человек; ибо мы, бывши в здравом уме, никак не можем представить себе плюновение Божества, а возвращение света очам слепца приписать Богу нам свойственно. Подобных примеров весьма много в Евангелии. Предмет сей хорошо поясняется следующим образом. Раскаленный нож жжет и режет в одно и то же время. Жжение есть действие огня, а не железа; резание же есть действие железа, а не огня; то и другое есть действие иного и иного естества, но по причине соединения их мы, обыкновенно, говорим: «жжет железо». По православному учению «со страждущей плотью Христовой было соединено Божество, которое само не страдало, но делало страдания спасительными»¹¹⁹; и Христос пострадал не одной лишь плотью, но и разумной душой, дабы страдание Его было не бездушное и не невольное, а добровольное¹²⁰. Он добровольно предал себя на смерть, не только как Бог, но и как человек¹²¹: как Бог, определяя и соизволяя смерть по милосердию к грешникам; как человек, послушествуя воле Божьей.

Таково учение Православной церкви о лице Богочеловека! По этому учению, человек Иисус Христос не исчезает в Боге Слове, а действительно существует в Нем, быв соединен с Ним неизреченным единством, и существует как живой и всецелый образ Его и как совершенный образец жизни для нас. По этому учению, две воли и два действования Его согласны оттого, что оба естества Его соединены.

Е. Вы, блаженнейший, содержите это же самое учение. Правда, в ваших вероисповеданиях сказано, что во Христе одна воля и одно действование, но это сказано в том же смысле, в

каком святые Афанасий и Кирилл Александрийские употребляли изречение: «едино естество Слова воплощенное». Как этим изречением выражается только единение Слова с плотью или Бога с человеком, без слияния или преложения их, так и словами: одна воля и одно действование Господа выражается только согласие и единение двух естественных волей и действий Его.

Ж. Вы, блаженнейший, как и мы, признаете первые три Вселенские Собора: Никейский, Константинопольский 1 и Ефесский, а не признаете Четвертого Вселенского Собора в Халкидоне. Напрасно! Вероисповедание этого Собора, известное всему христианскому миру, направлено против учения Нестория, которого вы анафематствуете, и изложено в таких выражениях, какие употреблял св. Кирилл Александрийский, уважаемый и чтимый вами. Сопоставляю вам:

вероисповедание св. Халкидонского Собора и учение св. Кирилла Александрийского

Последуя божественным отцам, всеМы исповедуем единогогласно поучаем исповедывать ЕдиногоЕдиногласного Сына и Тогожде Сына Господа Нашего ИисусаОдного и Того же, Христа, совершенного в Божестве иЕдиного Господа. совершенного в человечестве, истинного БогаОн – Тот же и истинно человека, имеющего душу и тело,совершенный в единосущного Отцу по Божеству иБожестве и Тот же единосущного нам по человечеству, по всемусовершенный в нам подобного, кроме греха, рожденногочеловечестве. прежде век от Отца по Божеству, вИсповедую Бога последние же дни рожденного ради нас исовершенного и нашего спасения от Марии Девы Богородицычеловека по человечеству Единого и Тогожде Христа,совершенного, Сына, Господа, едиnorodного, в двухсостоящего из естествах неслитно, неизменно, нераздельно,души разумной и неразлучно познаваемого, так что разностьтела, прежде веков двух естеств никак не уничтожиласьот Отца соединением, паче же сохранилось свойстворожденного по каждого естества, во едино Лицо и во единуБожеству, в

Ипостась совокупляемого, не на два лица последние же дни рассекаемого или разделяемого, но Единотого же самого для и Того же Сына, и едиnorodного Бога Слова спасения нашего Господа Иисуса Христа.

рожденного от
Марии Девы по
человечеству,
единосущного Отцу
по Божеству и того
же единосущного
нам по
человечеству.
Представляя в уме
способ
вочеловечения,
видим, что два
естества
сочетались и
соединились
нераздельно,
неслитно,
неизменно. Ибо
плоть есть плоть, а
не Божество, хотя
и стало плотью
Бога.
Разность двух
естеств никак не
уничтожается
соединением их. То
и другое естество
сохраняет свойство
свое.
Единым лицом
соединен ибо один
Господь Иисус
Христос, хотя и
признается в Нем

разность естеств.
Не на два лица и
Сына разделен Он,
но пребывает Один
и Тот же Господь
Иисус Христос.
Мы признаем два
естества, но
Единого Христа
Иисуса Господа,
Слово Бога
воплощенное.
Несторий, хотя
признает два
естества, дабы
означить разность
плоти и Божества,
но не исповедует с
нами соединения
их. Мы же,
соединив их,
исповедуем
Единого Христа,
Единого Сына, Того
же самого Единого
Господа.

Итак, можно сказать, что халкидонское вероисповедание выражено словами св. Кирилла Александрийского. Если же учение сего отца признается истинным, то таковым же должно быть признано и оное вероисповедание, тем поваднее, что с ним согласуются и древние символы веры коптских святителей. Ибо они научают исповедывать Христа как совершенного Бога и совершенного человека и как одно Лицо в двух естествах, соединенных без слияния и без изменения свойства их.

3. Так как вы, блаженнейший, и состоящие под вашим священноначалием пастыри и пасомые привыкли к своим символам веры, содержащим правое учение, привыкли учить и

говорить так, как учили и говорили Афанасий и Кирилл Александрийские, как то: Едино естество Слова воплощенное, во Христе едина воля и едино действование, то вам позволительно употреблять такие изречения их, смотря по лицам, с которыми вы беседуете, лишь бы вы, произнося эти изречения, в уме своем проразумевали полное согласие двух естественных воль и действований Христа, в котором воплотилось Слово так, что человек Христос и Бог Слово по соединении стали Существо едино, Лицо едино, Ипостась едина. Такого проразумевания достаточно для догматического единения вас с нами.

И. Ваши духовные предки почитали и вы почитаете Диоскора, Севера и прочих противников Халкидонского Собора, почитаете, как святых, а мы анафематствуем их. Но есть возможность устранить это разногласие между вами и нами. Предоставим милосердию Бога помиловать этих согрешивших неведением, так как неведение людское прощено на кресте Спасителем, и более не будем мы предавать их анафеме, а вы – обращаться к ним с мольбами. Наше общее всепрощение их греха неведения вызывает прощение их и на небе, так как они ведь веровали же в Богочеловека, только верование свое изрекали не так, как изрекала оно Церковь вселенская.

Й. В вашем Часослове, владыка, многие молитвы слово в слово сходны с нашими, а остальные по смыслу и выражению весьма хороши. Ваши литургии свв.Василия Великого, Григория Богослова и Кирилла Александрийского, по догмату, смыслу и порядку, нимало не отличаются от наших литургий, а апостольские воззвания в них: «Горе имеим сердца»; «Благодарим Господа»; «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф»; «Приимите ядите, сие есть тело Мое»; «Пийте от нея вси, сия есть кровь Моя», призывание св. Духа на Дары и преложение их в тело и кровь наитием сего Духа, все это одинаково и у вас, и у нас. В вашем чине посвящения и рукоположения клириков, начиная от чтеца до священника и аввы игумена, все молитвы и наставления превосходны, внушительны, православны, святы. В чине посвящения иподиакона особенно замечательно вот это

воззвание: «Помолитесь вси предстоящи, да снидет на него Дух Святой в словесех наших».

Поистине, молитвенное слово наше как чистейшее проявление разумной души нашей по невещественности своей есть самый соответственный Духу Святому орган, через который Он действует благодатно. В вашем Требнике чин благословения священных сосудов и одежд, св. трапезы и икон, чин освящения воды, чин исповеди и бракосочетания и наконец правила церковного благочиния составлены вашими отцами богоприлично (θεοπρεπῶς) и назидательно. И так совершайте богослужение по-прежнему. Кто из нас, православных, имеет уши слышати, тот услышит в ваших церковных книгах голос святой Церкви православно-кафолической».

IV. После всех этих объяснений, как только коптский владыка выскажет свое искреннее желание воссоединиться со святой Православной Церковью, начнется самое дело воссоединения его. Как же?

Во-первых, сей владыка, на первый раз, воссоединяется с Церковью российской, которая есть самая большая часть Церкви вселенской. В доказательство своего союза с нею он представляет нашему св. Синоду подписанное своей рукой и припечатанное своей печатью вероисповедание на арабском языке, в котором излагает Символ веры Никейско-Цареградский и православное учение о лице Богочеловека, выразив оное так: всем сердцем моим верую и устами исповедую, что Господь Иисус Христос есть Бог совершенный и человек совершенный, кроме греха, исповедую неизреченное соединение в Нем двух естеств, божеского и человеческого, в одной ипостаси, в одном лице, без слияния, изменения, преложения и разделения их, так что все свойства обоих естеств остались целы; исповедую согласие в Нем двух волей и двух действований (ἐν ἑνότητι) так, что между ними не было никакого борения, подобного противлению в нас плоти и духа, как бы они были одна воля и одно действование; исповедую, что божество в Нем не страдало и не умерло на кресте, ибо Оно всегда блаженно и бессмертно, но не разлучалось со страждущим и умершим Иисусом, напротив, волей своей, определением своим, милосердием

своим, правосудием своим приобщалось к страданию и смерти Его ради спасения грешников; одним словом, искренно и твердо содержу учение о лице Богочеловека святых отцов Афанасия и Кирилла Александрийских, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого и Амвросия Медиоланского. Анафематствую ереси Ария, Македония, Нестория и Евтихия, а Диоскора, Севера и единомышленных с ними предоставляю суду и милосердию Божию. Приемлю все определения семи Вселенских Соборов. Богослужение же совершаю по древним чиноположениям, в которых содержатся все православные догматы, потому что к ним привыкли состоящие под моим священноначалием пастыри и пасомые; вековые же привычки церковные отменяются веками.

Во-вторых, Святейший Синод Всероссийский, получив оное вероисповедание коптского владыки, признает его своим единоверцем, о чем и уведомляет его своим братским посланием.

В-третьих, все это дело, в самом начале его, производится тайно с обеих сторон. Ни наше консульство в Александрии, ни наше посольство в Константинополе, ни наше министерство иностранных дел, ни св. Синод наш не разглашают его в газетах и в своих канцеляриях, не дают знать о нем и восточным патриархам, ни сам коптский владыка в эту тайну свою не посвящает ни архиереев и священников своих, ни монахов, ни школьных учителей, словом никого, помня, что и Господь Иисус Христос заповедал Петру, Иакову и Иоанну никому не говорить о виденном ими преображении Его на горе Фаворской. Строжайшее соблюдение оной тайны необходимо по многим причинам. Разгласите ее, затормозят дело турки египетские и константинопольские. Разгласите ее, подольют масла к турецкому огню французы и англичане. Разгласите ее, коптские монахи в Нитрии и Фиваиде, архиереи и влиятельные миряне, не подготовленные просвещением, удивятся, взволнуются, остановят ход нашей машины.

В-четвертых, при соблюдении тайны немедленно производится подготовка присоединения к Православию коптских архиереев, монахов, учителей и мирян, не посредством

владыки их, а посредством нашего апокрисиария, архимандрита, который скоро должен быть послан в Каир и водворен там с причтом при нем, с ведома турецкого правительства и Александрийского патриарха, как священнослужитель, необходимый для наших поклонников, идущих на Синай через Египет, и для наших недужных, приезжающих оттуда ради поправления своего здоровья. Этот апокрисиарий, с первых дней своего водворения в столице египетской, изучает арабский язык и с помощью православного переводчика своего, взятого из нашей Казанской Духовной Академии, в которой преподается арабский язык, или из Иерусалима, или из Бейрута, либо Дамаска, переводит по-арабски изложенные в книге моей: «О вероучении и богослужении коптов» все изречения святых отцов о лице Богочеловека и, напечатав перевод свой, сам раздает его коптским архиереям, священникам, монахам, учителям и мирянам, посещая лично египетские епархии, монастыри, школы и мирские селения, раздает, как брат и друг, а не как миссионер или проповедник; во время же учащаемых путешествий своих по Египту наблюдает над всходами своего посева и о падении его на добрую землю уведомляет коптского владыку, и таким способом подготавливает и его самого к осторожному разоблачению своей тайны и к посвящению в епископы и в игумены мужей, подготовленных к воссоединению с Православной Церковью. Наш каирский апокрисиарий, держа у себя дома двух абиссинцев и хорошо выучив их русскому языку, ездит с ними в Абиссинию и там подготавливает воссоединение христиан с Православием и, если будет надобно, самостоятельность тамошней церкви посредством посвящения туда нескольких епископов коптским архиепископом, тогда как теперь там епископ один, вполне зависящий от названного архиепископа. Таково дело нашего апокрисиария!¹²²

В-пятых, когда будет совершена подготовка, о которой была речь, и совершена благонадежно, то есть когда преемники нынешнего коптского владыки и аввы игумены в монастырях будут единоверны с нами по убеждению, тогда – конец и тайне; тогда может быть совершен гласно и ввод коптов как единоверцев в ограду Церкви православной в Священном

синоде Вселенского патриарха в присутствии первосвященника александрийского, по примеру подобного ввода сирийских униатов, совершившегося в ноябре месяце нынешнего года. Затруднения сего ввода, как то, небывалое в Греческой церкви присоединение инославных христиан на правах единоверия, допущенные у нас в Москве, властное пребывание коптского владыки там же, где пребывает и православный патриарх Александрийский, и сопоставление равной власти их, одного над православными, а другого над единоверцами-коптами и абиссинцами, эти затруднения могут быть устранены по правилу Вселенского Собора Ефесского, в котором правиле сказано, что церковь в некоторых обстоятельствах может действовать не по строгости закона (κατ' ἀκρίβειαν), а по снисхождению (κατ' οἰκονομίαν).

По этому правилу коптский владыка со всей паствой его может оставаться подле православного Александрийского патриарха как архиепископ самостоятельный, с прежними правами рукополагать епископов и священников, соборовать вместе с ними, но не в Каире бы, а в каком-либо отдаленном городе или монастыре, и вообще управлять, как управлял прежде, относясь к местному православному патриарху, как брат к брату. Долго ли будет продолжаться такая уния его и сменится ли она когда-либо полным Православием туземных в Египте христиан, это – вопрос будущности, которая теперь не в нашей власти.

В-шестых. Наше покровительство коптским и абиссинским монахам в Иерусалиме, наши подарки коптскому владыке и монастырям его утварью, ризами и иконами, приобретение дома в Каире для нашего апокрисиария с устройством в нем церкви и с помещением иеромонаха, иеродиакона, двух псаломщиков и переводчиков языка арабского и абиссинского, отправление молодых коптов и абиссинов в Россию для изучения нашего языка, наук и иконописания, все это предполагается.

Этот план, приготовленный мною заблаговременно, я прочитал г. Лаговскому. Он выслушал его внимательно и сказал мне: вы сделали меня богословом, а план ваш, по расчету вероятностей человеческих, удоисполним в настоящее время,

когда коптский владыка напрашивается на наше политическое покровительство, а с здешним патриархом ладит, и в свою школу вводит преподавание греческого языка и пение греческой литургии.

После сего была речь о Тишендорфе, взявшем Синайскую рукописную Библию, и о наместнике Александрийского патриарха, архимандрите Евгении. Лаговский желал бы видеть его преемником отрекающегося от своей кафедры Каллиника потому-де, что можно говорить с ним tête-à-tête по-французски. А я обещал земляку своему разведать и передать общее мнение греков об этом архимандрите.

После позднего обеда в гостинице за общим для всех столом познакомились со мною секретарь нашего посольства при Оттоманской Порте г. Муханов, больной чахоткой, жена его, рожденная княжна Голицына, очень миловидная и скромная женщина, и русский лекарь Быковский.

26, понедельник. В одиннадцать часов пополудни синайский архиепископ Кирилл прислал за мною великолепную карету из Джуванийского подворья своего. Меня едва-едва провезли туда через тесные улицы Каира. Прием мне был самый любезный. Я говорил ему, что переданная им Тишендорфу рукописная Библия оказалась неисправной, и высказал о ней то же, что говорил Александрийскому патриарху Каллинику. А его преосвященство поведал мне, что он готовит материалы для перестройки Синайского монастыря в виде правильного четырехсторонника по сломке старинных, неуклюжих помещений, загромождающих и безобразящих внутренность обители. «Но есть ли у вас лишние деньги?» – спросил я, и услышал вот какой ответ: «Нам поможет Россия в воздаяние за даровую уступку ей нашего места в бессарабском городе Кишиневе. Там до 1811 года одна половина земли под этим городом принадлежала гробу Господню, а другая – синайскому монастырю Формозе. Первую половину в указанном году подарил императору Александру I Иерусалимский патриарх Поликарп, а вторую – синайский архиепископ Константин. Итак, есть за что пособить нам в настоящее время». Прощаясь со мною, преосвященный Кирилл приглашал меня пожить у него в

Джувании. Я обещался быть гостем его, если долго пробуду в Каире.

Из Джувании подвезли меня к дому консула Лаговского. Ему я вкратце повторил свой план воссоединения коптов с нами и говорил о посылке в Абиссинию студента нашей Иерусалимской миссии Якимовича для предварительных разведок о тамошних делах церковных и гражданских. А он сообщил мне свои вести. 1. Назад тому два года египетский державец Саид-паша посылал в Абиссинию коптского владыку Кирилла (приятеля моего) с заверением о дружбе своей с тамошним королем Феодором. 2. Этот паша пронюхал, что его преосвященство намеревается воссоединиться с Православной церковью, и заметил ему, чтобы он не затеивал этого дела. 3. Но несмотря на то, предприимчивый владыка понудил Лаговского препроводить к нашему посланнику Лобанову просьбу о покровительстве ему русского государя. А введенное им обучение коптских школьников греческому пению отменено по настоянию старшин, которым не понравилось это нововведение. 4. К абиссинскому королю Феодору явился какой-то пройдоха из Сирии и выдал себя за посланника русского царя, объявив, что подарки его величества задержаны турками в приморской пристани. Король держал его у себя с год и потом прогнал. 5. Французы, завладевшие одним портом в Красном море, противопоставляют одному Феодору – законного короля, потомка савской царицы и еврейского царя Соломона, но безуспешно. Феодор силен.

Во втором часу пополудни посетил меня в гостинице коптский владыка Кирилл, но не с коптами, а с армянами, из которых один знал язык французский, а другой – арабский. Понятна эта осторожность его. Армяне могли заставить молчать не расположенную к нему и заматоревшую в предрассудках коптскую партию в случае подозрений или догадок ее о свиданиях его со мной, и могли это сделать как очевидные свидетели наших неполитических и небогословских разговоров. Действительно, оба мы, при первом свидании, не промолвили ни слова о том, что и что было затаено в душах наших, жаждущих союза, единства, сопроникновения одной жизнью в единой, святой и соборной Церкви, и говорили только о нашей поездке в

монастыри св. Антония и Павла Фивейского в 1850 году. Его преосвященство вспомнил всех тогдашних спутников моих, назвал их по именам и расспросил о судьбе их. Не был забыт нами и тот старый, недужный орел, которого мы кормили и холили во время нашего плавания по Нилу, и тот бедуин, который потешал нас своими гримасами. Коптский владыка был смелее меня. Он рассказал нашим собеседникам даже о том, что я во время тогдашнего путешествия предрекал ему патриаршество, а по возвращении в Иерусалим писал к нему письмо, в котором обещался прислать ему веник для очищения коптской патриархии от старой пыли. «Значение этого веника, – промолвил владыка, смотря на меня любезно, – понято было мною хорошо. Вы желали, чтобы я подмел старый сор наш, старые предрассудки наши и усвоил себе новые, лучшие идеи. Ваше желание отчасти исполнилось, как и ваше предсказание о моем патриаршестве. Когда вы будете у меня, увидите мои новые постройки и нашу народную школу, эту наилучшую надежду мою, эту дорогую жемчужину мою». Я обещался посетить его на другой день в девять часов и просил его прислать ко мне проводника, примолвив значительно, что со дня на день ожидаю известного ему переводчика Фадлаллу. Прощаясь со мною, владыка Кирилл объявил мне, что в следующее воскресенье он будет служить литургию и посвящать двух епископов и приглашал меня видеть сии священнодействия.

Вечером навел на меня старый знакомец мой православный копт Ибрагим, служивший мне переводчиком во время первого путешествия моего по Египту в 1845 году. Он сообщил мне следующие вести. 1. В Каире православные христиане наняли дом для больницы и открыли школу для девочек; но оба эти заведения не благоустроены. 2. Там же находится сто беднейших семейств. Православная патриархия выдает по 15 пиастров в месяц каждому семейству. 3. Греческая община не единомысленна и очень жадна до денег, присылаемых из России. 4. Наместник Александрийского патриарха Каллиника архимандрит Евгений, как педераст, держит у себя мальчика, а в Александрии развел жену с мужем, дабы жить с нею, когда черт

удостоит его патриаршего сана. На каирских улицах, где живут православные христиане, прибиты были пасквили на счет этого греко-французика. Посему греки не желают иметь его своим владыкой, а избирают другого. 5. Коптский архиепископ Кирилл избран был на кафедру предместника его по настоянию английского консула, которому, однако, он изменил, ища себе покровительства России.

27, вторник. Сей архиепископ прислал за мной Иерусалимского епископа своего, с которым я познакомился у Гроба Господня, и ученика своей школы, говорящего по-французски. Я пошел с ними, опираясь на синайский посох свой. Дошли мы до ворот архиепископии, вступили в узкий двор ее, и тут, к великой радости моей, коптский владыка встретил меня самым торжественным образом. Семь юных иподиаконов, одетые в разноцветные стихари с ораями, а на головах имевшие бархатные, златошвейные шапочки, похожие на митры, держали в руках своих весьма длинные и толстые восковые свечи зажженные и зеленые вайи из пальм и пели по-гречески: Ὁ ἅγιός ἐστιν, – «Достойно есть, яко воистину» и проч. Впереди же их блистали серебряно-позолоченные рипиды и развевались церковные хоругви. Народа не было. Крестный ход наш двинулся в архиепископские покои. Владыка Кирилл шел рядом со мной. Оба мы, поднимаясь по высокой лестнице, переплелись руками и так вошли в светлую горницу, убранную по-европейски. Тут мне представлен был армянский епископ Каира Гавриил, достопочтенный, седовласый старец. Все мы сели на диване. Против нас установились иподиаконы и продолжали пение, сперва на коптском языке, а потом пропели литургийные стихи: «Милость мира» и проч. на греческом языке греческим напевом. Я понял, для чего это было сделано. Владыка вместо того, чтобы говорить о своем соединении с нами, признал за лучшее пропеть православную обедню по православному чину и тем намекнуть мне о желанном сближении его с Православной Церковью. Любо мне было слушать этот голосистый намек и понимать его. Но я не мог не улыбнуться, когда иподиаконы, держа в руках своих свечи и вайи, запели французский сонет и искоса поглядывали на своего преподавателя французского

языка, магометанина. Однако этот сонет был намек мне на зачатки европейского образования коптов. Кончилось пение. Началась наша беседа. Я выразил коптскому владыке непритворную радость свою об отеческом попечении его о детях, говорил ему о пользе языкознания, просил его ввести в народную школу преподавание еллинского языка, нужного при изучении Священного Писания и святых отцов Церкви, указывал на Россию, Европу и Америку, где знание этого языка считается необходимостью, по истощании же речи об этом предмете изъявил задушевное желание свое, чтобы в горной пещере св. Антония Великого устроена была церквушка, но так, чтобы эта пещера осталась неприкосновенной, в том виде, в каком она была при этом угоднике Божьем и в каком я видел ее. Преосвященный архиепископ на все отвечал мне искренними обещаниями и тем много радовал мою душу. А армянский епископ, после ответа на мой вопрос о численности паствы его в Каире (1200 душ) и Александрии (гораздо менее), заметил мне, что копты и армяне в Египте подали друг другу руки, дабы тверже противостоять нападениям римско-католиков и протестантов, «и дружно возобновить союз с нами! – подхватил я, – ибо мы не считаем вас еретиками». Тут я кстати сказал ему, что напечатал книгу, в которой разъяснено, что армяне и копты исповедуют одинаковую с нами веру и что они нам братья о Господе. Выслушав это, архиепископ Кирилл по обычаю поцеловал свою ладонь в знак одобрения моих слов, а епископ Гавриил приложил свою руку к голове и к сердцу. После этих разговоров осмотрены были мною все горницы архиепископского дома и даже спальня его преосвященства, училищные комнаты, новая церковь, основанная назад тому два года и еще не конченная вчерне, место для копто-арабской типографии и садик. Все эти сплошные здания прочны, высоки, обширны, хороши. Церковь внутри и снаружи будет украшена мраморными колоннами, кои выписываются из Италии. При осмотре ее коптский владыка успел сказать мне, что освящение закладки ее совершено было им вместе с православным Александрийским патриархом Каллиником, а при прощании со мной заботливо спросил: «Когда же приедет ваш переводчик Фадлалла?» – «С

часу на час ожидаю его», – ответил я и простился с ним, целуя его руку.

Но не сбылось это ожидание мое. Начальник нашей миссии Иерусалимской отписал мне, что он не может уволить ко мне своего драгомана, хотя бы и на несколько дней, потому что он нужен ему для переговоров с сирийскими униатами, воссоединяющимися с Православной Церковью, и для какого-то маленького путешествия. Письмо его от 23 декабря получено мною в Каире 27 дня того же месяца. Оно опечалило меня, как, бывало, печалил нечаянный туман, застилавший предо мною утреннюю зарю, румянившую и позлащавшую прозрачные воды Нила.

28, среда. Но еще раз блеснула во мне надежда на отпуск в Каир переводчика нашей миссии Иерусалимской, которого нетерпеливо ожидал и коптский владыка. Г. Лаговский принял на себя труд склонить начальника этой миссии к тому, чтобы он уволил ко мне этого необходимо нужного сотрудника лишь на десять дней. Я решился ждать его. Тогда Лаговский дал мне прочесть присланное к нему особое письмо нашего епископа Кирилла. Оказалось, что этот преосвященный деятель наш на Востоке признавал мое дело в Египте неблагоприятным и недоумевал, как можно кончить его в десять дней. Но ему отпишет консул, что и обстоятельства благоприятны для дела моего и десятидневный срок его достаточен для начинания его.

Около полудня был у меня синайский архиепископ Кирилл. Я рассуждал с ним о догматическом присоединении коптов и армян к нашей Церкви с предоставлением им свободы совершать богослужение и церковные обряды по прежнему уставу их, поставляя ему на вид некоторую разность священнослужения, пения и исполнения треб в России, Греции, на Афоне и наипаче то правило святого Вселенского Собора в Ефесе, по которому правилу в трудных обстоятельствах можно действовать не по строгости закона (κατ' ἀκρίβειαν), а по снисхождению (κατ' οἰκονομίαν). Он соглашался на одно догматическое единение христиан, о которых у нас речь была, а на вопрос мой: почему в Константинополе миром помазали сирийских униатов, тогда как в России униаты воссоединены без

миропомазания, ответил так: этот предмет требует рассуждения и соглашения четырех патриархов наших и всех синодов при них, вместе с Синодом Всероссийским и еллинским.

После синайского владыки посетил меня армянский епископ Гавриил. Я искренно хвалил ему коптского владыку Кирилла, его предприимчивость и заботу об образовании его паствы и не забыл примолвить, что о нем с отменными похвалами отзывается греческое духовенство, как синайское, так и патриаршее. А преосвященный гость рассказал мне, как и как происходило избрание этого владыки и какие затруднения и препятствия притом преодолены были с помощью его, Гавриила. Этот рассказ его я помещу в жизнеописании Кирилла, а здесь излагаю дальнейший разговор наш. Когда епископ Гавриил заключил рассказ свой словами: «Долго многие (коптские) архиереи не признавали его преосвященства своим владыкой, а теперь признают все», тогда я, задумав полуоткрыться и разузнать собеседника своего хоть немного, сказал: «Как не признать его, когда он имеет много прекрасных качеств ума и сердца, дышит любовью к своей пастве, желает ей добра, дает ей свет, пользуется благоволением местного правительства? Таким архипастырям и Бог помогает. Его уважают даже греки. А я давно его знаю и люблю сердечно. Знает его и Россия, читавшая описание путешествия моего в монастыри св. Антония и Павла Фивейского, в котором изложены все разговоры мои с ними¹²³. От меня знает она и то, что копты и армяне – не еретики.

– Вы говорили нам об этом и очень обрадовали нас таким известием.

– Позвольте же повторить то, что вам и нам приятно и полезно. В России я первый заговорил печатно, что копты и армяне – не еретики. Книга моя, в которой это сказано и доказано, одобрена нашим св. Синодом. После этого вся Российская церковь признает в вас своих старших братьев о Господе, и готова подать вам свои руки.

– Придет время, когда копты и мы соединимся с вами.

– О каком будущем соединении говорите вы? – возразил я с живостью. – Я не могу слышать такого слова. Не говорите: «Мы соединимся с вами», говорите лучше: «У нас с вами один

Господь, одна вера, одно крещение, одно упование». Что такое разделяет нас? Разность богослужебных обрядов? Но она существовала и в первые века христианства и, однако же, все христиане тогда составляли одну нераздельную Церковь. Почему же бы она только нам мешала быть членами одной вселенской Церкви? Что такое разделяет нас? Разность догматов? Но ее нет. Копты, вы, мы, все мы сохраним один никейский, константинопольский Символ веры без малейшего изменения его. А что касается до учения о лице Богочеловека, то у нас и у вас только буква этого учения не одинаковая, а смысл один и тот же. Перестанем употреблять в катехизисах, в богословских системах, в проповедях, в разговорах устаревшие и неясные изречения: «два естества во Христе составляют одно естество, или одну ипостась»; «во Христе есть две воли и два действия, или тождество двух волей и двух действий». Будем говорить проще и вернее вот так: «Иисус Христос есть совершенный Бог и совершенный человек, в котором неслитно и неизменно сохраняются все свойства божества и человечества после соединения их», как это исповедуете вы, исповедуем и мы; тогда исчезнет всякая недоверчивость между вами и нами. Тогда мы увидим, что у нас один Господь и одна вера и что никакое воссоединение не нужно, а надобно только возобновить прежний союз братской любви.

— Так! Хорошо! Верно! Но политика и народные предрассудки служат препятствием к возобновлению этого союза. Вот вам доказательства на то! Коптский архиепископ Кирилл ездил с греческим патриархом Каллиником в монастырь св. Антония, а здесь пригласил его к освящению закладки новой церкви своей, в школе же начал учить детей греческому пению. Это не понравилось Саид-паше, и он намекнул ему, что лучше бы не затевать ничего нового. А здешние попы понудили его отослать учителя греческого пения. Наш кафоликос Матфей предписал всем епископам своим праздновать Рождество Христово не 6 января, а 25 декабря, вместе с вами. Но это предписание его осталось здесь без исполнения, да не будет распри в народе и толков политических». Эти доказательства не понравились мне, и я хотел было сказать ему: «Однако политика

Нерона, Калигулы, Диоклетиана не препятствовала первым христианам исповедывать Иисуса Христа как совершенного Бога и совершенного человека и сменилась политикой Константина и Тиридата, а для отделения народных предрассудков, этих плевел, от истины, этой питательной пшеницы, есть деревенское молотило, то есть епископ, как его назвал св. Григорий Назианзин»¹²⁴; но витийствовать помешали мне греческие старшины, пришедшие поздравить меня с праздником. До входа их в мою горницу я успел упросить епископа Гавриила переждать их, дабы продолжать наши разговоры.

Эти господа изъявили мне сожаление свое о том, что патриаршие диаконы Никанор и Мелетий наговорили мне много неприятностей, и просили у меня прощения. Я простил их. У нас зашла речь об отречении патриарха Каллиника от кафедры. Гости сказали мне, что они пока еще не знают, кого избрать на место его. Я же выставил им на вид бывшего начальника патриаршего училища в Иерусалиме иеромонаха Дионисия Клеопу, похвалив его дарования, богословскую ученость и благонравие. Они промолчали. С ними был у меня богатый купец, не грек, а араб православный. О нем известно мне было, что он на свой счет строит народную школу в Каире для арабских детей православного вероисповедания. Обратившись к нему, я упрашивал его докончить это благое дело, сказавши ему между прочим: есть двоякая милостыня, одна телу, а другая душе; последняя ценнее первой.

Гости ушли. Заторопился домой и епископ Гавриил и, не зная почему, поведав мне, что Саид-паша занял у Франции 28 миллионов франков на всякий случай и что он предан императору французов, тогда как предместник его Аббас-паша дружил с англичанами, простился со мною любезно и просил меня к себе. Я обещался быть у него в пятницу, в десять часов пополудни.

Во время обеда наш посольский секретарь говорил мне, что болгары 19 декабря приняли унию в Константинополе и отправили в Рим к папе армянского архиерея хлопотать там о присылке в Болгарию латинского архиепископа для управления тамошней церковью. Узнавши это, наш посланник князь

Лобанов-Ростовский растерялся и не знает, что делать. «Как не знает, что делать? – запросил я. – Он должен послать посольского архимандрита Антонина в облагодетельствованный нами монастырь св. Иоанна Рыльского, уважаемый всеми болгарами, и в другие обители их и уговаривать тамошних монахов не поддаваться папе». Потом Муханов выразил мне, что Лобанов не сумеет возвратить отщепенцев в ограду Православной Церкви, и промолвил, что к нему присылаемы были какие-то записки московского митрополита Филарета; одна из них, о народном сбирище, ἐθνoσυνέλευσις, при Вселенском патриархе.

29, четверток. Нынешний день у меня новенький день, а вести старые, приключения же с молоточка.

Александрийский патриарх Иерофей II, у которого я гостил в 1850 году, скончался внезапно в соседнем доме, у церковного старосты Искендера, грека, в первый день нового года. Вышедши из горницы его, он упал на лестнице и тут же предал Богу дух свой. Им куплена пахотная земля в пять федданов (десятин) у Каира подле железной дороги и построен дом для жены покойного брата его, иерея. На кафедру его египетские христиане избрали трех кандидатов: солунского митрополита Каллиника, бывшего Вселенского патриарха Григория VI и бывшего начальника патриаршего училища в Иерусалиме иеромонаха Дионисия Клеопу. Великая же церковь в Константинополе утвердила Каллиника. Ему в 1859 году пересланы были из России 48520 рублей, собранные фиваидским епископом Никанором в пользу александрийского патриаршего престола. Получив эти деньги от нашего генерального консула Лаговского, блаженнейший Каллиник благодарил наш св. Синод и всех жертвователей посланием своим от 24 сентября того же года и в нем между прочим высказал вот что: «Принося благодарность вам, достоуважаемые и превозведенные братия и сослужители, за данное нашему архиерею, святителю фиваидскому, господину Никанору, по вашему благоволению, дозволение на сбор упомянутых денег в пользу нашего патриаршего престола..., спешим уверить вас в нашем искреннем братолюбии. Воздавши мысленно всем вам

братское лобзание, мы благословили обеими руками всех благочестивых православных и милостыinelюбивых чад православной России, подавших щедрое пособие нашему святейшему престолу, и из глубины души вознесли за них молитвы. Не меньшим долгом почитаем уверить св. Синод, нашего во Христе брата, что сказанные деньги будут употреблены исключительно на святые церкви и духовенство нашего престола и, если только останется какой излишек, то на прочие нужды его. Самая большая и самая кропотливая забота будет о том, чтобы употребить их на более полезное и более благопотребное».

Армяно-григорианский епископ, пребывающий в крымском городе Феодосии, Г.Айвазовский, прежде был армяно-католик, но изменил папе и воротился на попятный двор. Он в Париже основал армянское училище назад тому три года. Им управляют два вартапеда; а молодые армяне учатся тут на своем иждивении.

Я не терял драгоценного времени в безделии и дорожил всяким случаем, сближавшим меня с коптским владыкой. Он пригласил меня к обеду. Я пошел и застал у него только одного приближенного копта и юного переводчика, который, к сожалению, недостаточно знал по-французски, как ученик. Поэтому настоящее свидание наше было дружеское, а не договорное. Преосвященный подарил мне Евангелие и Апостол на старокоптском языке с арабским переводом, напечатанные в Лондоне, и абиссинские вещи, именно, ходячие деньги:

— два бруска соли, по ценности равняющиеся нашему гривеннику, два рога воловьи, в которые вливается вода для путешествия, и посох с двумя железными крючками, называемый «он-кассе». Абиссинские воины, воткнув его в землю, стреляют с него в прицел, а монахи на одном из крючков его утверждают книгу, когда хотят читать ее во время отдыха в дороге. Нечем мне было одарить архиепископа. Мы пожелали возобновить сношения с ним, но не подумали послать ему хоть бы крест или чашу. Во время обеда я расспрашивал собеседника

своего о Абиссинии, куда он недавно ездил по поручению Саид-паши, а у себя дома записал только вот что: абиссинский царь Феодор имеет одного сына, а женат уже на третьей жене, дочери раса Убиэ. Первые две умерли. Раса Али нет в живых. Абед Мариам, мой приятель иерусалимский, был привратник раса Али, а не визирь, не министр. В Абиссинии весьма много монастырей. Все они построены из дерева.

После обеда, когда мы вдвоем сидели в другой горнице и пили кофе, преосвященный Кирилл тихим голосом и с выражением печали на лице спросил меня:

– Знает ли российский император, что есть на свете копты?

– Знает, – ответил я твердо. – Да и то знает, что они – не еретики.

– Как же ваш генеральный консул, г. Лаговский, говорил нам, что мы не одной веры с вами, что мы отщепенцы, и неохотно заступает за нас перед пашой? Почему он едва-едва согласился отправить мое письмо к вашему министру Лобанову, в котором я просил покровительства России? Почему, принявши это письмо, он сказал мне, что не будет успеха ради разнoverия?

Тут я с головой выдал Лаговского, сказав его преосвященству: «Лаговский – консул, а не богослов. К сожалению, он не имел надлежащего понятия о вашем вероисповедании. Но я уже внушил ему, что копты – наши братья по вере, что между вами и нами нет разницы в понимании догматов и что небольшая обрядовая разность не стоит внимания».

Преосвященный Кирилл замолчал и о чем-то задумался. К нам в горницу вошел учитель французского языка, магометанин, и попросил у владыки позволения отпустить учеников, думая, что я не приду экзаменовывать их.

Ученики были задержаны. Я испытывал их в знании французского языка, продиктовав им следующие стихи:

Je donnai mon petit coeur
À Jésus mon Sauveur;
Il le tient si bien, si bien,
Que le monde n'en aura rien¹²⁵.

Они правильно написали их на тетрадках своих и на черной доске перевели по-арабски и сделали разбор их грамматический и логический, объясняясь по-французски. Я очень доволен был их понятливостью и развязностью и часто говорил «браво». Мое «браво» с удовольствием повторял сидевший подле меня владыка Кирилл. А учитель магометанин не утерпел, сказал, что ему очень нравится мое четверостишие. После сего ученики наизусть произносили разные французские стихи и вели заученные по книге разговоры на этом же языке так живо и так бойко, что я получил хорошее понятие о даровитости коптов. Наконец, один из них еще раз со слов моих правильно написал на черной доске стих Ламартина:

Lorsque l'amitié n'a plus d'autre langage,

La main aide le coeur, et lui rend temoignage¹²⁶, – перевел и объяснил его удачно. Этим стихом я давал чувствовать преосвященному Кириллу, что я друг ему, но в ожидании своего переводчика могу только пожать ему руку. Он понял меня. Мы пожали друг другу руки и расстались.

Провожавший меня ученик на дороге сказал мне, по приказанию своего владыки, что его преосвященство желает быть у нашего генерального консула вместе со мной. Тогда я понял, о чем он думал, замолчав после разговора об этом консуле. Проводник мой ждал от меня ответа. Я велел ему сказать владыке, что охотно принимаю предложение его, и условлюсь с ним в выборе дня и часа. (Но это не сбылось).

Не забываю дописать, что в город Миниэ на днях посвящен коптский епископ Фома.

30, пятница. В десять часов пополудни армянский епископ Гавриил прислал за мной коляску, благообразного священника и каваса. Я поехал к нему, решившись не говорить о предметах веры с таким церковником, у которого политика на первом плане, а вера на втором. На дворе епископии ожидал меня сам он, священники, диаконы и малолетние иподиаконы в стихарях, орарях и митрах, с зажженными восковыми свечами и ваиями, и несколько почетных армян. Мне поднесена была архиерейская мантия. Но я не надел ее. Крестный ход наш, в облаках фимиама, под осенением хоругвей и рипид, с пением, не

гнусным, но гнусивым, двинулся в церковь. Она нова, не мала, светла и хороша. Тут я взошел на предалтарный, высокий и открытый помост, приложился к св. Евангелию, кресту и престолу и, став на колена, кратко, но пламенно помолился Богу о возобновлении союза армян и коптов с нами. Из церкви боковым ходом провели меня в гостиную горницу, убранную весьма прилично, и угостили чаем. Пока я пил его, иподиаконы пели разные священные стихи на армянском языке и, под конец, французский сонет. Когда они ушли, я спросил епископа: давно ли армяне поселились в Египте, – и услышал от него вот что. Назад тому 700 лет 30000 армянских семейств с их царем и епископом Григорием приведены были в Каир как пленные. Потомки их жили тут 200 лет и потом все разошлись по разным странам; а царственное семейство поселилось в Галлии и там вымерло. После сего очень долго не было армян в Каире и Александрии. Они начали селиться тут уже при Мегмете Али паше, в начале текущего столетия. Первый епископ у них был Кириак, впоследствии патриарх в Иерусалиме, а второй – ныне здравствующий Гавриил. На вопросы мои об армянах в Индии и Персии он дал скудные ответы, сказав только, что у них есть церкви в Бомбее и Калькутте, а епископа нет, в Испагани же издавна существует у них архиерейская кафедра.

Преосвященный Гавриил недавно был в Италии и в Риме для поправления своего здоровья и зрения. Узнав это, я рассказал ему о своем путешествии по Италии в 1854 году и о том, как принимал меня папа с предварительными условиями, чтобы я не надевал на себя креста и не жаловался на римское духовенство, живущее в Иерусалиме, и как швейцарская гвардия его, желая отгадать, кто я такой, приговорила, что я кальвинист. Кстати сказано было ему и то, что в Милане называли меня китайским купцом, в Пизе недоумевали о русских, христиане они или язычники, а в Каире покойный коптский архиепископ Петр, в поручительном письме своем к коптам, назвал меня милордом Российской церкви, теперь же, как только я прибыл в сей город, дали о мне знать нашему консулу, что приехал знатный казак в лисьей шубе.

Эти рассказы мои позабавили старца. Оба мы расстались в веселом расположении духа.

31, суббота. Я болен. Простудился в школе коптского владыки.

Январь, 1, воскресенье. Буди, Господи милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя.

Вчера, ложась спать, я думал: куда-то назначат меня наши синодалы, а ночью в просонках слышал голос, сказавший мне: «в Ярославль»; утром же первая мысль моя была мысль о том, что русский народ твердо верует в Бога, благодатно присутствующего в душах, и в святость внутреннюю и потому очень любит молебны и акафисты, а живет не свято и не богоугодно.

В полдень поздравили меня с новым годом секретарь нашего консульства Жáni, синайский архиепископ Кирилл и армянский епископ Гавриил. Последнему я советовал учить детей греческому языку. Он ответил мне, что будет посылать некоторых из них в то училище, которое выстроил г. Абет, русский подданный, родом туземец, и которое скоро будет открыто.

Был у меня консул Лаговский и подтвердил, что Александрийский патриарх Каллиник отказывается от кафедры своей и передает ее архимандриту Евгению с тем условием, чтобы ему производимо было от этой кафедры пожизненное содержание. Сперва он у архимандрита просил капитала в 30000 талеров и, когда Евгений объявил ему, что негде взять их, согласился получить половину этой суммы. Итак, патриаршая кафедра продается и покупается. О tempora! О mores!¹²⁸ Я передал Лаговскому вопросы коптского владыки Кирилла: знает ли государь император, что есть на свете копты? Почему здешний генеральный консул России считает их иноверцами?

2, понедельник. Я нездоров, но принимаю гостей.

Являлся ко мне каирский грек Диаманди, недавно путешествовавший в счастливой Аравии. Он был в Джедде и в окрестностях сего города. По уверению его, греческая община, находящаяся в абиссинском городе Гондаре, просила Александрийского патриарха Иерофея I прислать к ней церковный причт. Но он отказался исполнить их просьбу по

безденежью. В самом деле, при нем патриархия была очень бедна.

Теперь от сей общины остались три семейства, да и они поабиссинились.

Потомок древней царской династии абиссинов Джиджач негуш подарил французам небольшой остров Адули в Красном море для стоянки кораблей их. Наполеон послал военное судно под начальством Рушеля для занятия сего острова. Но этот капитан прибыл туда, когда негуш, не могши сопротивляться храброму королю Абиссинии Феодору, убежал в горы с войском своим. Сам Рушель попал в плен к сему королю и освобожден был по ходатайству английского консула, живущего в приморском городе Массáуа. Это было назад тому 7–8 месяцев.

Около сего времени убит английский консул.

Король Феодор не любит французов.

3, вторник. Мне лучше. Погода стоит прекрасная. Тепло, сухо, ясно. Я принялся доканчивать перевод второй беседы Фотия, говоренной им в Константинополе после осады сего города руссами.

4, среда. В Каире самые богатые торгоши – евреи.

5, четверг. Простуда моя, полученная в коптской школе во время испытания учеников, усилилась и воспрепятствовала мне обзреть библиотеку коптского владыки и видеть торжественное служение его накануне Богоявления Господня и в этот праздник. Но и он простудился и занемог опасно. У него поражены легкие и явился мучительный кашель.

8, воскресенье. Мне стало легче, и я из гостиницы переехал в каирское подворье Синайского монастыря, называемое Джувания, дабы рассмотреть тамошние замечательные рукописи, а перед отъездом туда позвал к себе так называемого псилла и видел, как он превратил живого змия в палку. Этот араб в мешке принес несколько змей разной величины и, вынув из него одну из них, длинную, но тонкую, опустил ее на пол сеней подле моей затворенной комнаты. Тут она начала быстро ползать туда и сюда; когда же псилл каким-то особым, тихим свистом подзывал ее к себе, подползала к нему и поднимала перед ним свою голову и шею высоко, а он помаванием рук

своих и фартучка своего магнетизировал ее. Заметно было, что ей приятно было это магнетизирование. Оно повторялось несколько раз с ощупыванием как будто детородной части змия или змеи. После многократного ползания этого пресмыкающегося по полу и магнетизирования его с сказанным ощупыванием животное начало томиться и дремать. Тогда псилл железными щипцами перехватил змеи горло так, что она разинула пасть и высунула язык свой. В пасть ее он плюнул раза два-три. После этого она растянулась по полу и вдруг заснула и сделалась твердой, как палка. Псилл поднимал ее, клал на пол, шевелил, но она была неподвижна, как жезл. Наконец сей чародей опять начал магнетизировать ее, дотрагиваясь до детородной части, и оживил, так что она опять начала ползать по полу быстро. Я дал ему условленную толику денег и отпустил его, а сам понял, как египетские волхвы состязались с Моисеем, превратили змею в палку, понял и то, что превосходство Моисея перед ними состояло в том, что оживленный им змий пожрал змею волхвов.

10, вторник. Я начал рассматривать джуванийские рукописи.

В шестом часу пополудни в дальних окрестностях Каира шел дождь полосой, а в этом городе упало с неба лишь несколько крупных капель.

12, четверток. Вчера было прохладно. А сегодня, в восемь часов пополуночи, дождь смочил землю, но скоро перестал; в десятом же часу опять накрапывал, но не более двух минут.

Около полудня навел меня консул Лаговский и с сожалением показал мне ответное ему письмо нашего в Иерусалиме епископа Кирилла. В нем выражено, что ход дела о воссоединении сирийских униатов, требующий непрестанной переписки, не позволяет отправить ко мне переводчика Фадлаллу Саруфа. В конце письма преосвященный просил консула извинить его передо мною. Оба мы посудили-порядили об этом отказе, и я решился было еще раз письмом просить несговорчивого дипломата оказать мне надобное содействие в моем деле, которое началось так благоприятно, но на другой день раздумал и записочкой уведомил Лаговского, что я по

зрелом размышлении об известном отказе не буду писать в Иерусалим. Мне тяжело было иметь дело с дипломатом, у которого нет ста рук, как у Бриарея. Александр Евфимович не торопился домой, и у обоих нас нашелся предмет для собеседования. Я передал ему весть нашего генерального консула в Бейруте г.Бегера о дамасских и бейрутских униатах, воссоединяющихся с Православной Церковью, что первые воссоединяются миропомазанием, а вторые соединились бы без совершения над ними сего Таинства и что плоха надежда на устойчивость тех и других в Православии. А собеседник мой поведал мне свои вести об униатах в египетском городе Мансуре. У них были свой священник и своя церковь в его доме. Но когда французы узнали о переходе их в Православие, то запечатали их церковь, а самого священника захватили и удержали у себя в тот день, в который Саид-паша уехал в Мекку (10 января). «Я, – говорил Лаговский, – узнавши это, телеграфировал в Суэс министру Саида, но ответа от него не получил, вероятно, потому, что он дал слово французскому консулу притеснить воссоединяющихся, хотя Саид-паша и обещался мне не вмешиваться в религиозные дела своих подданных».

Январь, 15, воскресенье. Опасная болезнь коптского владыки Кирилла усилилась. Врачи объявили под рукой, что он скоро умрет. Я поспешил видеть его, сидел подле постели его, щупал пульс его и, надеясь на крепкое телосложение его, пророчил ему выздоровление. Но в этот раз прорицание мое было неверно.

17, вторник. Мне сказали, что он болен отчаянно.

В три часа пополудни дождь шел несколько минут.

18, среда. Наместник больного владыки прислал мне письмо:

Au Révérend.

Le Révér. Porfirius Missionnaire Russe à Caire.

Le procureur de l'archevêque Copte a la douleur de vous annoncer la mort du Révér. archevêque Copte, décédé ce matin, en vous priant de vouloir assister son convoi funèbre qui aura lieu aujourd'hui à l'heure de l'après midi.

Caire, le 18–30 Janvier, 1861. (М.П.) Le procureur de l'archevêque Copte¹²⁹.

Это печальное известие поразило меня. Больно потерять золото, бриллианты, освященные молитвой четки, но несравненно больнее потерять друга, с помощью которого можно было соединить Нил с Невой. Из глаз моих выкатились две слезы, две жемчужины на похоронную фелонь архипастыря египетских христиан.

Я поехал молиться об усопшем вместе с синайским архиепископом Кириллом и с наместником Александрийского патриарха, архимандритом Евгением, и как только увидел его бездыханного, еще раз прослезился. Покойный архиепископ, одетый в штофный подризник и епитрахиль, в штофную мелкотравчатую фелонь красного цвета, и в остроконечную митру, которая сзади и спереди закрывалась пришитым к фелони кукулем из той же материи, и обутый в красные сандалии по сану патриарха, сидел в кресле, приставленном к колонне горницы, немного склоня голову к правому плечу своему и держа крест в правой руке, а в левой архипастырский жезл, подобный армянскому. Против него, на налое, лежало закрытое коптское Евангелие в серебряном переплете и горели свечи. У ног его, по правую сторону, на полу сидели, поджав ноги, коптские священники в фелонях и наместник его, епископ Ливии, в зеленой мантии с золотистыми блестками, смуглый, побитый оспой, угрюмый, недоброжелательный покойному владыке. На лице усопшего отразилось спокойствие отлетевшей в небо души его. Казалось, будто он не умер и даже не заснул, а о чем-то задумался, зажав глаза. Народ безмолвно стоял около своего почившего архипастыря и прощался с ним, целуя крест, десницу и колено его. Певчие долго пели монотонно е-е-е-и стих, начинающийся с этой буквы: Ἐν ὀνόματι Κυρίου εὐλογούμενος ὁ ἐρχόμενος, т.е. «Во имя господне благословен грядый». Наконец настал час выноса тела в церковь. Синайский архиепископ в мантии, омофоре и митре, армянский епископ Гавриил в таком же облачении, все греческое, армянское и коптское духовенство в ризах двинулось туда под осенением хоругвей с возженными свечами. За ними шел я, не облаченный и, сходя по той самой

лестнице, по которой за 22 дня назад выходил об руку с живым архипастырем коптов, полный надежды на его предприимчивость и сочувствие к нам, часто оборачивался, дабы видеть его, мертвого, сносимого на кресле, заглушая в себе мысль о обманчивости всех надежд земных, молитвенным напутствием его в вечность: «благословен грядый во имя Господне». На дворе его дома у новостроящейся церкви и в переулке близ старого храма, в который несли тело, народу было так много, что мы едва-едва пробивались сквозь густые ряды его. Коптянки плакали. В старом храме усопший, в сидячем положении на кресле, поставлен был на середине, против царских врат, и тут его отпело греческое духовенство по своему обряду и провозгласило ему вечную память. Копты молчали, потому что раньше отпели его дома. После похоронной службы он оставлен был в храме на кресле для того, чтобы христианки, не входившие в его покои, воздали ему последний долг уважения и любви целованием его руки и колена, преклонявшегося в часы молитв о спасении душ их. Предание его земле в том же храме совершено было ночью. Я не видел сего обряда.

Не знаю, где родился и учился коптский владыка Кирилл. А в монашество он пострижен был в монастыре св. Антония Великого и назывался Давидом.

В 1850 году я познакомился с ним в Бушском подворье сего монастыря, находящемся недалеко от города Бенисефа, и оттуда вместе с ним ездил в обители Антония и Павла Фивейского. По возвращении моем в Иерусалим, коптский архиепископ Петр посвятил его в епископа в город Александрию. Бог судил ему быть преемником его. Но люди не скоро узнали в нем человека Божия и народного. Избрание преосвященного Давида на архиепископскую кафедру, по словам армянского епископа Гавриила, сопряжено было с большими затруднениями. Большая часть коптских архиереев и мирян была не на его стороне, имела в виду кого-то другого. Эта сильная партия наклеветала на него Саид-паше, что он по своим прежним связям с абиссинами может быть опасен для его светлости, так что в Египет приведет абиссинского царя Феодора с

стотысячным войском. Паша поверил клевете и не хотел признать его владыкой коптского народа. Между тем умнейшие и меньшие числом копты, зная его даровитость и усердие к преобразованию заматорелых в предрассудках соотечественников своих, склонили на свою сторону почетных армян каирских, епископа их Гавриила и английского консула, и через посредство этого епископа подали прошение Саид-паше, в котором выразили, что желают иметь своим архипастырем преданного ему александрийского епископа Давида. Его светлость, особенно по настоянию английского консула, уполномочил преосвященного Гавриила довести это дело до желанного конца и уполномочил так, что дал ему право и власть делать с противниками все, что признает надобным. Тогда все те копты, которые не желали иметь своим архипастырем епископа Давида, ушли в старый Каир и там в православном монастыре св. Георгия избрали другого на вдовствующую кафедру и посвятили его. Но уполномоченный пашей погрозил им, кому ссылкой, кому немилостью правительства, и рассеял соборище их, а избранного и рукоположенного ими архиерея лишил архиепископского достоинства, однако назначил его епископом в городе Минизе, где он и скончался в прошлом году. В то же время составила третья партия из нескольких мирян и монахов коптских и избрала одного из иноков монастыря преподобного Павла Фивейского.

Но когда толпа эта пришла туда, дабы взять его в Каир, он так испугался высокой почести, что занемог и через три дня умер. После этого александрийский епископ Давид с помощью своих сторонников провозглашен был патриархом и главой своего народа, а по древнему обычаю переименован Кириллом. Однако многие епископы долго не признавали власти и суда его, но под конец все признали. Когда весть о возвышении его достигла до меня в Иерусалиме, я послал к нему свое приветственное письмо, в котором между прочим сказал, что ежели он не выметет старого сора в патриархии своей, то я пришлю ему веник. Право на такую шутку давала мне дружба с ним. Но эта шутка понята была им очень хорошо. В короткое время своего управления он построил новую патриархию и в

связи с нею народное училище, в котором преподаются языки арабский, французский, итальянский и английский, воздвиг великолепную церковь по образцу нашей патриаршей в Каире и подле нее построил типографию для печатания книг на коптском и арабском языках, ежедневно кормил множество бедных и нищих своих, а в дни Пасхи угощал иногда 500, иногда 700 воинов-коптов, увещевая их не изменять вере отцов в магометанских полках, одним словом употреблял богатые доходы своей патриархии в пользу своего народа. Похвальна его хозяйственность, достославна его ревность к просвещению паствы, умирительно его милосердие к бедным; но гораздо похвальнее, достославнее и умирительнее его сближение с нами, православными. Не повторяю тех доказательств этого сближения, кои уже высказаны мною выше, не повторяю того, что он сопровождал Александрийского патриарха Каллиника в путешествие его в монастырь св. Антония, приглашал его к освящению закладки новой церкви своей, начал учить школьников своих греческому пению, домогался покровительства России у нашего министра в Константинополе г.Лобанова, а меня принял с полной доверенностью и надеждой на мое посредничество в большем сближении его с нами, и представляю новые свидетельства его желания быть в союзе с православно-кафолической Церковью и его уклонения от протестантов и католиков.

Он не поддавался обаяниям английского консула, а к пресловутому Лессепсу не пустил своих коптов копать Суэсский канал, опасаясь французской ревности к распространению папства, по предостережению нашего консула Лаговского. Замечательны его слова, сказанные патриарху Каллинику. Однажды этот первосвященник, увидев на ногах его красные башмаки, заметил ему, что непристойно духовной особе носить такую яркую обувь; тогда он, улыбаясь, сказал ему: «Брате! Что ты смотришь на ноги? Смотри ты на голову и думай о том, как бы нам соединиться о Господе».

Блаженнейший Каллиник, в бытность мою в Константинополе в ноябре месяце прошедшего года, говорил мне, что он искренно уступал свою кафедру коптскому владыке

Кириллу, но с тем условием, чтобы сам он, духовенство его и паства приняли все обряды, уставы и канонические правила Греческой церкви. Это условие не понравилось мне, потому что оно отзывалось страстью греков еллинизировать всех и все, и я с воодушевлением говорил ему: «Если вы, греки, приходящим к вам во имя Господа коптам, армянам, иаковитам будете навязывать такое условие, то никогда не распространите своей кущи ни направо, ни налево. Да и в праве ли вы требовать от других христиан не одного догматического единства, когда у вас самих были разные богослужебные уставы: палестинский, студийский, афонский, когда в областях патриархов Иерусалимского и Александрийского еще в XII веке католические христиане слушали литургии св. апостолов Иакова и Марка, и за то не были запрещаемые архипастырями, служившими литургии Василия и Златоуста? Разве у вас, греков, нет теперь разницы в приемах богослужения? Есть. В Дамаске чин святого лобзания иереев с патриархом после возгласа: «Возлюбим друг друга» совершается посолонь, а в Иерусалиме против солнца. И всегда ли вы были равны сами себе? Не всегда. До 1751 года вы не перекрещивали римско-католиков, а потом увлеклись лжеучением фанатика Авксентия диакона, турками утопленного в Босфоре, и начали перекрещивать их в противность Российской церкви, удержавшей ваши же древние постановления о крещении. Но, несмотря на эту важную разность, ваша церковь и наша состоят в тесном союзе, молитвенном и деятельном. Да притом надобно знать вероучение, богослужение, обряды и канонические правила коптов, чтобы при возобновлении союза их с нами не поступать с ними, как с еретиками или раскольниками. Прочтите вы их утреню, вечерню, полунощницу, часы, литургии Василия Великого, Григория Богослова и Кирилла Александрийского, и вы убедитесь, что они веруют так же, как и мы, и читают даже наши молитвы». Выслушав это, Каллиник сознался в своем неведении коптской церкви и сказал, Бог весть, искренно или учтиво, что он не прочь от такой унии коптов, при которой потребовалось бы от них одно догматическое единение с нами.

Но обращаюсь к покойному владыке Кириллу. У него полное лицо было смуглое и немного побитое оспой, борода малая, рост высокий и ровный, ум здравый, а нрав веселый. Отличительные качества души его были смелость, предприимчивость, осторожность, вкрадчивость и смирение, соединенное с любезностью. Пусть другие считают его отщепенцем от католической Церкви, а я признаю его членом ее по вере, по добрым делам, по рвению его к единению с нею и потому, что не без Божией воли вечная память провозглашена была ему, усопшему, служителями сей Церкви, знавшими его душу и сердце.

Суждено мне было возобновить наши сношения с коптами, но не суждено воссоединить их с нашей Церковью. Впрочем, я уповаю, что это важное дело будет продолжено нашим св. Синодом через других просвещенных и ревностных деятелей духовных, и, поощряемый этим упованием, считаю не лишним поговорить о встреченных мною затруднениях с нашей же стороны при исполнении данного мне поручения, дабы впредь не ослаблять нам себя самих разъединенностью наших сил в виду тех, которые желают стать на нашей стороне.

У греков есть замечательное предание о царе их Льве Мудром († 911). Оно гласит, что у него было такое дивное зеркало, в котором он видел все, что делается во всех иностранных государствах, и все, что надобно делать с ними. Понимаю, что это за зеркало. Это – ум светлый, сосредоточивший в себе верные и многосторонние познания об этих государствах.

Есть ли подобное зеркало в нашем министерстве иностранных дел? Есть, но, к сожалению, не целое и по местам тусклое. Ему недостает той части, в которой можно было бы видеть духовную силу разных народов на Востоке, именно, силу веры и учений, подготавливающую там события за событиями. Ему недостает и той части, которая показывала бы начала Православия для руководства в делах политических. Этот недостаток поразителен. Спросишь любого дипломата нашего, хоть главного, хоть подчиненного, в Петербурге или Цареграде, в Бейруте или Каире, спросишь об этих началах или о вере,

учениях, о политическом весе несториан, иаковитов, коптов, языдов, курдов, ансариев, друзов, и пожалеешь о напрасной трате своих вопросов. Ибо никто оных начал не знает и не помнит того, что и что смутно или вскользь слышал о такой диковине, какова вера и учения восточных народов.

Да и откуда про то знать? Разве у нас писал кто-нибудь о началах Православия и о приложении их к духовной и светской словесности, к управлению и политике? Разве умеют отличить их от догматов, преданий и правил канонических? А где церковная статистика? Где философия церковной истории? В наших университетах и лицеях, где учатся и желающие вступить на дипломатическое поприще, более полувека преподается та же скелетная история церкви, которая читается и в духовных семинариях, и академиях. А в этой истории сказано, например, что марониты с XIII века исчезают из виду человеческого рода; о коптах же нет и помину. Эту историю и я долбил во время оно и крайне изумился в 1843 году, когда увидел живых маронитов на Ливане, без вести пропавших в памяти всех русских студентов первого разряда, а в 1845 году узнал, что на этом свете есть христиане копты. Бывший генеральный консул наш Базили давным-давно написал дельный «Опыт духовной статистики Сирии и Палестины» и представил эту рукопись кому следовало. Но она без креста погребена в известном азиатском департаменте, и едва ли кто помнит ее, кроме меня и сочинителя. В 1866 году я составил другой подобный «Опыт» и хотел было передать его, кому он нужен, ранее своих отчетов о Сирии, Синае и Афоне; но меня так пугнули (гр. Протасов) за это «ранее» что я спрятал свою рукопись в темный сундук и потерял охоту передавать чиновникам опыты своих исследований Востока. В 1854–1855 году мне обещали в вышереченном департаменте денежное пособие для издания моих сочинений о Востоке, а когда часть их появилась в свет и на иностранном столе министра, тогда не дали и гроша и не купили их ни для одной посольской церкви, ни для одного консульства. Однако нашему посланнику при Оттоманской Порте довелось же напиться воды из оплеванного колодца, когда надлежало ему отстаивать независимость Синайского монастыря от

вмешательства Иерусалимского патриарха во внутренние дела его. Сам он (Лобанов) говорил мне, что с пользой читал мои книги о Синае, кои, Христа ради, выпросил у посольского архимандрита Петра.

В Египте в настоящее время мне пришлось освещать ошибку нашего генерального консула, видевшего в коптах последователей ереси Евтихия, тогда как они преусердно проклинаят эту ересь и тогда как в св. Синоде, от которого несколько шагов до министерства иностранных дел, недавно признана близость их к Православию.

К чему же повела эта ошибка? Слушайте, к чему. Владыка коптского народа в Египте и пяти миллионов христиан в Абиссинии и Шое припал было к персям Российской церкви, но его в Каире же оттолкнули от нее, как зараженного какой-то неисследованной, неведомой, непостижимой язвой. Он, прикрываясь общим названием христиан, едва-едва упросил тамошнего дипломата нашего доставить письмо его к нашему посланнику в Константинополе. Но доставлено ли оно? И если доставлено, то уважено ли? Не ошибся ли Лобанов так же, как и Лаговский, и не оставил ли без внимания дело какого-то архиепископа каких-то коптов, дабы не прокладывать новой колеи и спокойно ехать по старой без лишней тяжести, т.е. без ходатайства о коптах и без моей книги о вероучении египетских христиан, увезенной в Афины архимандритом Петром? Коптский архиепископ увидел в Каире прежнего друга своего (меня) и весьма обрадовался, когда услышал от него, что Российская церковь не считает его еретиком, однако задумался, вспомнив наши дипломатические толчки, и хотел сделать очную ставку благовествующему архимандриту и отталкивающему дипломату. Он прав. За смертью его, очной ставки не было. Но будь она, архимандрит еще раз с головой выдал бы дипломата умному архиепископу, показав его преосвященству и книгу о вере коптов, одобренную св. Синодом. Вот к чему приводит духовное невежество министерства иностранных дел и его равнодушие к познанию духовных сторон Востока! Вот какое затруднение встречает там духовный деятель наш! Вместо того, чтобы поливать египетские пальмы с помощью посольского сановника,

он должен читать ему уроки о способах поливания. Вместо того, чтобы пожинать вызревшие колосья в земле фараонов, он должен кричать нашим думным и глуховатым боярам: «Не бойтесь! В колосьях нет отравы! Их можно принять на наше гумно».

Но это ли одно затруднение? Наше министерство иностранных дел действует на Востоке через консульства. А каждое консульство имеет переводчиков. Но, к сожалению, эти необходимые орудия мало к чему годны. Кто они? По большей части обыватели тех городов, где находятся консульства, люди без всякой учености, без всякого образования, выкресты из евреев, арабы, армяне (кстати бы и цыгане). В Каире у нашего генерального консула переводчиком служит какой-то плоскодонный армянин. Можно ли было пуститься с ним в извилистую глубь богословских и церковно-исторических рассуждений при переговорах с коптским владыкой? Можно ли было вверить этому наемному чужеземцу такое важное дело, каково возобновление союза коптов с нами? Нельзя было и думать о том. Да и г. Лаговский не предлагал его мне. Александрийского консула нашего, г. Залемана, говорящего по-русски и по-арабски, нельзя было взять в посредники потому, что он как протестант и как чиновник вовсе не посвященный в тайны богословия, заикнулся бы на первом слове, когда бы я попросил его перевести по-арабски следующие предложения: «Два естества во Христе неслитно, нераздельно, неизменно составляют одну ипостась: в Нем два действования, ἐνέργεια, божеское и человеческое». Наше дело на Востоке – дело веровое. Армяне, иаковиты, копты, униаты увлекаются тяготением к нашей Церкви, как планеты тяготеют к солнцу. С нашей стороны нужно было освещать их лучами, привлекать их силой правдивого слова. Но мы темны для Востока. Мы немы для Востока. Могла бы готовить для него живых органов живого слова наша духовная миссия, водворенная там, где апостолам сообщен был дар языков. Но ей велено петь панихиды для поклонниц, т.е. приносить пользу умершим. От того она скучает и в скуке нанимает афонских бродяг прочитывать последования божественной службы, а сама

бережет румянец для тех, кому приятно любоваться им. Этим она позорит себя, как еще никто не позорился; ибо кто же нанимает богомольщиков вместо себя? Но я не виню ее. Виноваты те, которые задали монастырское и приходское дело молодым людям, имеющим совсем другие стремления, как будто так же легко образовать из них преподобных и святых, как легко набрать отставных солдат для освещения темных коридоров министерства иностранных дел не ночью, а днем, коридоров, в которых шепотом говорят на всех языках, кроме восточных.

Я знал, что три консульства наши в двух городах Египта, в Александрии и Каире, не могут дать мне, уж не говорю языка, а и язычка, и потому просил начальника помянутой миссии прислать ко мне, на десять дней, давным-давно приготовленного мною к богословским разговорам переводчика Фадлаллу Саруфа. Но и тут встречено затруднение. Не благовременно-де любить коптов. Да и каким способом можно обратить их в Православие в течение десяти дней? Гораздо лучше помаленьку путешествовать, а не придется, так сидеть дома и поджидать двух униатских попов, миропомазанных в Константинополе, да писать к их последователям, чтобы они не смели и думать о церковной независимости от греков, без которых нет спасения ни болгарам, ни арабам, ни румынам, никому, кроме русских. А для этого нужна скорописная трость драгомана Фадлаллы. При воспоминании о таком отказательном силлогизме невольно приходят в ум слова псалмопевца Давида: *προφασίζεσθαι* *προφάσεις ἐν ἁμαρτίαις*¹³⁰, выдумываются предлоги для извинения грехов (мечтательности, нерассудительности, неведения сил действующих и проч.). Благовременно было возобновить наши сношения с коптским духовенством. Этому благоприятствовали заискивание нашего покровительства со стороны коптского архиепископа, моя дружба с ним и благоволение к нему Саид-паши за успешное окончание политического поручения его в Абиссинии. Что касается до десятидневного срока, то наш доктор богословия в св. граде, вероятно, в хлопотах не вспомнил о скорости действий всесовершительной благодати Всесвятого Духа. Но оставим

сверхъестественное, небесное, и будем судить о земном по земному, о человеческом по-человечески. Этому доктору и вместе дипломату надлежало бы взвесить два слова в моем письме к нему: возобновить сношения. Тогда он понял бы, что дело идет не о созвании коптов на собор, не о приготовлении ораторских речей для увлечения их на нашу сторону, не о составлении символов веры и т.п., а о первоначальном братском сближении нашем с ними и их с нами; поняв же это, уразумел бы и то, что для такого сближения не требуется долгое время. Я знал ход дела о сирийских униатах, знал, что оно продолжится долго и потому просил выделить мне из многих месяцев только десять дней. Можно было сделать это. Но, к сожалению, тот, кого я просил об этом, не был видящий настоящее и будущее. Он должен был предвидеть, что два духовные представителя униатов в Константинополе, хури Ханна и хури Джебара, помазанные там миром 26 ноября, не скоро воротятся в Бейрут, Иерусалим и Александрию, потому что не скоро Порта даст им поручительные письма к пашам, должен был предвидеть это и отпустить ко мне переводчика на десять дней. Он должен был знать, что в виду французской армии и французских миссионеров на Ливане не скоро можно, по-человечески, воссоединить таких униатов в Александрии, которые при первом отказе нашего консульства выхлопотать им комиссии у Саид-паши, т.е. обокрасть его, воротятся на попятный двор, и таких униатов в Бейруте, которые не хотят помазываться греческим миром, дабы не казаться отступниками от веры отцов своих, и из числа которых 80 семейств ходят в униатскую церковь, 20 – в домашний храм русского драгомана Наума Хури, униата, 100 в разные церкви и 300 никуда; он должен был знать это и уволить ко мне переводчика на десять дней. Мое дело было вернее и надежнее (Джебара и хури Ханна, без которых он ничего не мог предпринять, прибыли к своим местам уже в феврале месяце. А я приехал в Александрию 14, в Каир же 24 декабря). Но что уже искривлено, того не выпрямишь, говорит слово Божие. Быть так! Вперед будем умнее.

В день скорби моей (18 января) о кончине коптского владыки Кирилла, приходил ко мне грек и показывал греческий

рукописный «Избор евангельских чтений со дня Пасхи», принесенный ему с острова Сими, лежащего против острова Родоса. Я тотчас рассмотрел эту рукопись. Она черными чернилами написана на тонком бело-желтоватом пергаменте, in 4°, красивым и четким почерком в десятом веке. В ней над строками, между ними и под ними, яркой киноварью намечены знаки для чтения Евангелия нараспев. Владелец этой рукописи, никогда не выдавший таких знаков, принял их за перевод Евангелия халдейский. Но я разуверил его в этой ошибке. В конце его рукописи читаются следующие стихи:

† Τὴν βίβλον ἣν στίλβουσιν, ἄνθρωπε, βλέπεις
Τῶν χρυσοлаμπῶν ἡ διπλὴ δυὰς γράφει.
Εὐαγγελιστῶν ἡ διπλὴ δυὰς γράφει.
Τί τοῦτο; διπτοὺς ζωγράφουσα τοὺς νόμους,
Τὸν τῆς παλαιᾶς καὶ νέας. πλήν τὴν χάριν,
Ἦν τῇ νέᾳ δίδωσιν, ἐξαίρει πλέον.
Κοσμῶν ὁ χρυσὸς τῇ γραφῇ τοῦ βιβλίου,
Ἐν ᾧ τὰ πάντα πολλαχῶς ἐσπαρμένα
Εἰς ἓν συνάψας ἐκ πόθου πολλοῦ Λέων
Ψυχαῖς τρυφὴν δίδωσι τὴν καθ' ἡμέραν.
Ἀνθ' ὧν ἐκεῖθεν σῆς τρυφῆς γεγευμένος
Βίβλω γραφεῖν τῶν ἀεὶ ζώντων λόγων.

Ἔργου τὸ τερπνὸν θερμὸν ἐμφαίνει πόθον
Λέωντος ἀθροίσαντος εἰς βίβλον μίαν
Εὐαγγελιστῶν τῶν σοφῶν θεῖους λόγους
Τοὺς ἀκροατὰς ἐστιᾷν καθ' ἡμέραν.

* Στίχους ἀριθμῶν, τοὺς ἀποστόλους νόει
Τὸ τριπλοτετράριθμον ἄρμα τοῦ Λόγου.

† Сию книгу, которую видишь ты, человеце, блестящую,
Потому что она написана золотыми буквами,
Евангелистов двойная двоица написала.
Что же такое? Два закона живописала она, –
Ветхого и Нового завета. Но благодать,
Которую она придает Новому, она возвышает более.
Красна златописанием эта книга,
В которой все (зачала), там-сям рассеянные,

Во едино собравши с великим усердием, Лев
Душам дает утеху ежедневную.
За то он, сытый твоею утехой тут,
Да напишется в книге словес всегда живых.

Работы изящество доказывает теплое усердие
Льва, собравшего в одну книгу
Божественные слова евангелистов мудрых,
Дабы слушателей питать ежедневно.

* Сосчитав стихи, воображай апостолов,
Это трижды-четыречисленное орудие Слова.

В самом деле, в первой приписке всех стихов двенадцать.
Столько их написано, потому что столько было апостолов. Они
названы трижды четыречисленными орудиями Бога Слова. Это и
арифметично, и поэтично.

Обе эти стихомерные приписки громко гласят, что Лев
собрал в одну книгу все зачала чтений, намеченные на многих и
многих страницах Четвероевангелия, что этот Избор
первоначально написан был золотыми буквами и душам
подавал ежедневное утешение, и что изящество сей рукописи
доказывало великое усердие Льва к этому делу. Кто же этот
Лев? Приписки внушают только то, что он предпринял
душеспасительное дело и с любовью исполнил оное изящно,
написав золотом общепользительный Избор евангельский для чтения
его в церквах; значит, он был человек богатый. А назначение
Избора его для церквей доказывает его *властную* сановность,
либо церковную, либо царскую. Он был или папа, или патриарх,
или царь¹³¹.

Января 20, пятница. Мой корабль – на мели. Но скоро
поднимет его новый прилив и унесет к Афону.

В Каире все дни, начиная с 15, холодны и пасмурны. Облака
висят над этим городом. Сегодня в 11½ часов пополуночи
пролился здесь крупный дождь с градинами, но скоро перестал.

22, воскресенье. Утром дождь. Днем пасмурно.

24, вторник. В 2½ часа пополудни дождь накрапывает, идет,
перестает, опять идет, опять прекращается.

Я рассматриваю греческие рукописи. Читаю их и выписываю из них, что и что мне надобно.

30, понедельник. В Каире проживают русские, молодой князь Гагарин-Стурдза, молоденький князь Манвелов, чахоточный и харкающий кровью, и при нем дядька из ученых, пьяный с утра до вечера, да еще барыня Ольга Чолак, о которой Гагарин сказал мне, что она желает исповедаться у меня.

Февраля 2, четверток. В Синайский монастырь из Петербурга присланы 880 рублей 18 копеек серебром. Это – милостыня ему нашего правительства с 1850 года по 1861.

3, пятница. Перед полуднем явилась ко мне вышереченная барыня Чолак, молодая, лет 24-х, черноволосая, черноокая, белоликая, миловидная, у которой переносье немножко принижено от рождения. Она не исповедовалась у меня, а рассказала свои похождения по разлуке с мужем-армянином. «Родилась я, – говорила она, – в бессарабском городе Кишиневе и там училась в частном пансионе. По окончании учения меня сманил и увез к себе армянский помещик Чолак. Нас обвенчали в селе Андрушах Кагульского уезда, но тайно от родителей мужа моего. Оба мы два года с половиной жили вместе как законные супруги и имели детей, сына Александра и дочь Марию, кои крещены в православной церкви. Сын мой умер, а дочь жива. Потом между нами произошла размолвка, как это нередко случается в семействах. Муж мой, по настояниям отца его, не желавшего передать право наследства детям моим как православным, выгнал меня из дома своего, ревнуя меня ко всем, и когда я начала защищать свои права судебным порядком, письменно отвечал суду, что он никогда не был венчан со мною и что я была у него служанкой, а рожденных от меня детей признал своими перед судом. Это дело наше сперва производилось в Молдавии, потому что имение Чолака после войны Турции и России перемежевано было к этому княжеству. Так наряжена была следственная комиссия молдавским митрополитом Софронием. Члены этой комиссии, епископ Филарет Скрибан и архимандрит Феоктист, оба молдаване, опровергли все письменные доказательства мужа моего в подтверждение иска моего, а мои письменные доказательства,

как то: свидетельство венчавшего нас священника с собственноручной подписью его и с церковной печатью, свидетельство посаженных отца и матери и свидетельства многих других лиц, после повального обыска, признали верными и законными и, наконец, решили, что я была обвенчана с Иваном Чолаком по православному обряду. То же подтвердил и российский в Молдавии консул. А так как я – верноподданная российского императора, то дело мое из молдавской следственной комиссии поступило в кишиневскую духовную консисторию. Но и она признала брак мой действительным. Наконец дело на днях поступило в св. Синод наш для окончательного решения его. Ежели этот Синод решит его согласно с решениями молдавской следственной комиссии и кишиневской консистории, то соблюдет святую правду и неповинной страдальце и невиннейшей дочери моей возвратит честь дворянства и право наследства, а ежели учинит решение противное, то, во-первых, затронет честь молдавского митрополита Софрония, епископа Филарета и архимандрита Феоктиста, окончивших дело на месте в пользу мою, да затронет честь и российского консула, признавшего решение их справедливым, во-вторых, подаст повод как этому митрополиту, так и мне перенести дело в Священный синод Константинопольского патриарха как законного защитника прав и чести молдавского духовенства. Тогда произойдет неприятное столкновение двух равных властей духовных. Между тем дело мое протянется долго, а у меня нет средств для следования в Петербург, потому что не получаю от мужа определенного судом пособия (300 рублей) до окончания дела. Поэтому я прихожу в отчаяние и, исповедуя вам грех свой, просила у лекаря яду, но он сказал мне, что его дело лечить и вылечивать, а не умерщвлять».

После этих слов она горько заплакала. Я сжалился над нею и дал ей 50 полуимпериалов с условием, что ежели она выиграет дело, то возвратит мне эти деньги. Получив их, она поклонилась мне до лица земли и сказала: «Вы спасли мою жизнь». (Потом я увидел ее уже в Петербурге в конце настоящего года).

4. суббота. Пасмурно. Облачно. В 5 часов пополудни пошел дождь и блистала молния, а гром не гремел. Но и дождь был непродолжителен.

5, воскресенье. Сегодня в здешней патриаршей церкви прочитано было письменное отречение блаженнейшего Каллиника от патриаршей кафедры с выражением желания его передать сию кафедру архимандриту Евгению. Но когда христиане услышали имя сего архимандрита, зашумели и завопили: «Не принимаем Евгения! Не люб он нам!». Тогда старшие епитропы патриархии предложили лист для подписей: кто и кто избирает Евгения, и кто и кто не избирает его. За него подали голоса только 16 христиан, а все прочие против него. Решено было запросить о сем и александрийских греков. (Это дело кончилось тем, что патриархом стал не Евгений, а Иаков, назначенный Вселенским патриархом и его синодом. Он 16-го июня настоящего года из Константинополя уведомил наш синод о своем назначении на патриаршую кафедру в Александрии).

Февраля 14, вторник. Лекарь Быковский возвратился с Синая и говорил мне, что там на горе Зербале, в январе месяце, держался снег по грудь человека.

Сегодня я кончил рассмотрение джуванийской библиотеки. Слава Тебе, показавшему нам свет!

17, пятница. Синайский архиепископ отвез меня в каирскую патриархию. Здесь поместили меня в патриарших горницах. А я занялся рассмотрением наилучших рукописей и деловых кодексов.

20, понедельник. В конце 6-го часа пополудни начала блистать молния на южной стороне Каира; в половине 7-го слышался гром и полился дождь с молнией, но не долго. Потом небо очистилось.

21, вторник. Все мои вещи, книги и тетради уложены в чемоданах моих. Завтра утром еду в Александрию.

Il est temps déjà de nous delasser de tous nos travaux¹³².

22, среда. Я в Александрии. Отдыхаю. А дорогой заметил, что ячмень колосится.

23, четверток. Я здоров. День ясен и тепел.

27, понедельник. Ветрено и холодно. Почти во весь день шел крупный дождь.

28, вторник. Ясно. Прохладно. Пора мне быть святым. Спасает Бог, а не книга.

Март, 5, воскресенье. Еще в Каире патриаршие клирики говорили мне, что в Александрии, близ Помпеевой колонны, недавно открыта подземельная христианская усыпальница (катакомба) с церковью в ней, с саркофагами и похоронными ложами для мертвых тел и что это место приобретено патриархией, и не только говорили об этом, но и показали мне найденные тут вещи, как то: 1.медную монету римского императора Септимия Севера, 2.медную монету византийского царя Константина Младшего, 3.сторонку мраморного сосуда, имевшего вид большой рюмки, 4.мраморную плитку с начерченной на ней птицей, 5.небольшую икону св. Мамы, едущего на льве, и 6.напрестольный покровец с вышитым на нем золотыми нитями ликом Иисуса Христа как архиерея великого, возлагаемый на Святые Дары по освящении их. Эту усыпальницу я осмотрел сегодня и начертил ее внутреннее расположение. Самую катакомбу описываю как надобно и высказываю свое мнение о древности ее и принадлежности сперва александрийским иудеям, а потом христианам.

Усыпальница или катакомба, о которой начата речь, глубоко устроена в каменистой выпуклине, или привыси земли, которой ровная поверхность покрыта зеленью, а на поверхности этой видится малая часть мозаического пола; значит, тут было богослужebное здание. В эту усыпальницу ведут две лестницы, одна, узкая и более древняя, в девять ступеней, а другая – в 24 ступени. Обе они иссечены в утесе. Самая середина внутренности усыпальницы состоит из трех отделений: первое длинно и широко, второе короче и немножко шире первого, а третье шире и длиннее второго. В первом, высоком и двурусном, иссечены в утесе 18 мертвенных лож вверху и столько же под ними, но не вдоль утеса, как в катакомбах римских, а вглубь его. Точно так иссечены в утесах погребальные вертепы иудеев около Иерусалима и в других местах Палестины. Заметив это сходство, я заключил по нему, что и виденные мною

ложи сделаны были иудеями, которых десятки тысяч жили в Александрии. К этим ломам вела особая лестница в 9 ступеней. А второе отделение с особой лестницей его служило местом последнего прощания этих иудеев с их покойниками и было отделено от первого глухой стеной (выломанной христианами), так как живые евреи не входили туда, где полагались трупы, дабы не оскверниться мертвечиной. Третье отделение, по мне, иссечено и устроено было уже христианами. Все мертвенные ложа иудейские теперь пусты и даже не облицованы ни мрамором, ни штукатуркой. А внутри их и снаружи я не заметил ни надписей, ни украшений, ни крестов, и потому не знал, с какого века началось устройство этой иудейской катакомбы. Поелику же в ней найдена монета римского императора Септимия Севера, который самодержавил с 193 года по 198-й, то и приходится заключить, что эта катакомба уже существовала во II веке нашей эры. Но кому она тогда принадлежала? Синагоге? Или богатому и многочисленному семейству еврейскому? Если бы синагоге для упокоения тут раввинов, то едва ли бы от нее досталась она христианам в третьем веке, в котором они, как сейчас узнаем, хоронили тут своих мучеников. Полагаю, что эта усыпальница была иудейская, семейная и что та семья, которой она принадлежала, приняв закон христианский, устроила в ней церковь и смежно с нею – комнату для помещения в ней саркофагов, уцелевших доныне. Полагаю и то, что эта же самая семья создала храм над своей усыпальницей, от которого уцелел лишь кусок мозаического пола. Время же превращения сей иудейской катакомбы в христианскую устанавливаю в первой половине третьего века нашей эры, до гонения Деция (250г.) и Диоклетиана (303г.), и вот почему так полагаю и устанавливаю.

Египет, со времени занятия его римлянами, постоянно считался собственностью их императоров, которые иногда угнетали и умерщвляли христиан, а иногда миловали. С 211 года по 249 египетская церковь наслаждалась миром. В это мирное время число чад ее усотерилось, и тогда, по мнению моему, последовало превращение реченной иудейской усыпальницы в христианскую; тогда и храм над нею построен был

новообращенным из иудейства богатым семейством. Потом настало лютое гонение на христиан от императора Деция в 250 году. Во время сего гонения в Александрии замучены были многие и многие христиане обоего пола. Из них известны по именам старец Юлиан, воин Беза, Макарий, сожженный живым, Александр, брошенный в негашеную известь, старица Меркурия, Дионисия, две Аммонарии, Герон, Атер, Исидор, все трое сожженные, и Немисион. В усыпальнице же (B), в углу у звезды с крестом в середине ее, в надписи усматриваются имена мученицы: ANAIPA, Анэры, – уменьшительное имя Аммонарии, и мученика (IΛICNON) Немисиона, если эту попорченную надпись исправить вот так: NΔIICNON. Следовательно, там погребены были эта Анэра и этот Немисион, пострадавшие за Христа при Деции, и вместе с ними еще два лица, поименованные в той же надписи, ΕΠΙΛΓΙΑ мученик и ΕΠΙΚ/HCN мученица, опущенные в святцах. Помещение их там подтверждается и двумя подле имен символическими очертаниями звезды с четырехконечным крестом в середине ее и умерщвленного змия. Эта звезда напоминает ту звезду, которую видели волхвы, когда родился Спаситель мира, распятый на кресте за грехи его, а мертвый змий означает наше освобождение из-под упраздненной власти искусителя диавола. Кстати, тут же выражено двумя словами и упование христиан на вечную жизнь со Христом: (Χρῑστῳ) ΝΩΝ ΕΛΠΙC.

После Деция император Валериан в 257 году указом запретил христианам доступ в их усыпальницы. Тогда префект Александрии Емилиан говорил епископу сего города святому Дионисию: «Ни вам, ни другим не будет дозволено составлять собрания или посещать так называемые у вас усыпальницы»¹³³. Но в 260 году император Галлиен прекратил гонение на христиан и своим указом предоставил епископам свободу совершать свои обычные службы и возвратил им усыпальницы¹³⁴. После Галлиена христиане не были гонимы в течение 16-ти лет, за исключением 274 года, в который император Аврелиан, незадолго до своей смерти в этом же году, воздвиг гонение на них. Начало царствования Диоклетиана (284 года) было благоприятно для христиан. Но в 303 году среди мира и надежд

вдруг постигло их ужасное гонение, как черная гроза на ясном небе, и продолжалось при Максимиане до 313 года. В это время в Александрии замучены были весьма многие, верующие во Христа. Число мучеников 122 при Деции и 811 при Диоклетиане и Максимиане обозначено на замечательнейшей мраморной плитке, найденной в александрийской усыпальнице.

Это подобие сделано мною вот как: я на плитку наложил мягкую и тонкую бумагу, намочил ее, и вдавливал в углубления букв и рисунка, потом и буквы, и рисунок прочертил карандашом, от чего и отпечаталась на сей бумаге плитка со всем, что на ней начертано. А начертаны тут вверху буквы:

ΜΧ

ΡΚΒ

Ω

ΙΑ

Я читаю их так: Μάρτυρες Χριστοῦ ἑκατὸν εἴκοσι δύο ὑποτάκασιοι ἔνδεκα, т.е. мученики Христа 122 и 811. Подобным образом число одиннадцати мучеников обозначено на стене у вторых ворот Ватопедского монастыря на Афоне.

ΜΧ

ΠΡ

ΑΙ

Μάρτυρες Χριστοῦ πατέρες ἔνδεκα

Мученики Христа, отцы (числом) 11 (монахи, замученные латинами в 1285 году).

Так как гонение Деция было ранее гонения Диоклетианова, то на оной плитке, около очерка голубя, сделанного ранее 250 года, сперва начертано было число 122 мученика, пострадавших при первом императоре, а потом намечено число 811 их, – избитых при втором. А что число ΩΙΑ = 811 означает не годы, то это понятно археологу, не видящему при этом числе действительного имени ἔτους, – годы, лета. По мнению моему, плитка с этими числами мучеников была вмазана в стену у какого-либо саркофага или прилеплена к мертвенному ложу, и живые родственники усопшего чертили на ней число мучеников. Что касается до рисунка, то я отношу его к одному из годов между 211 и 249 годами, когда египетская церковь наслаждалась миром. В то время, как известно всякому древлеслову,

знакомому с символикой катакомб, христиане иносказательно изображали на гробницах и на стенах катакомб свои верования; например, живописали голубей с масличной веткой в клювах, или без нее, или с венцами в клювах же; и эти голуби означали души умерших, отлетевшие в небо с миром и увенчанные Господом за веру и добрые дела. Так и на плитке нашей изображен голубь, как эмблема души, вознесшейся на небо. На нем видна митра; она означает, что усопший был клирик, так как и в наши дни в Египте архиерейские иподиаконы накрывают голову митрой. Он двумя ножками своими держит у зоба своего треугольник с помещенным на нем оком. Этим выражено верование в Единого в Троице Бога, видящего все мысли и дела человека. Начертание сего ока, как нельзя лучше, доказывает, что плитка изготовлена была в то время, когда новокрещенные египтяне еще живо помнили эмалевое око бога Озириса, которое влагалось в гробницу мумии в первые века нашей эры. На описываемой мною плитке начертаны копье и очерк кувшина на вывеске. Это значит, что усопший был ремесленник, выделывавший копья и кувшины, которые в Египте называются бардаками и употребляются для очищения Нильской воды, просачивающейся каплями сквозь стенки их. Такой бардак имел и я в 1845 году, когда путешествовал по Египту. Повторяю, что на александрийской плитке сперва нарисован был голубь, потом начертаны числа мучеников 122 при Деции и 811 при Диоклетиане и Максимиане.

У первой лестницы, что в 24 ступени, ведущей в церковь усыпальницы, в природном утесе иссечены два мертвенные лежа, одно без надписи, а другое с надписью: Ἐκ τοῦ χοῦς ἦλθον καὶ εἰς τὸν χοῦν ἀπῆλθον ὁ ἐν ἱεράρχοις ἰγνάτιος, то есть: «из персти я пришел и в персть возвратился иже во иерарсех Игнатий». Так как в этой епитафии буквы вполне схожи с буквами на вышеописанной плитке, то, судя по этому признаку, я полагаю, что сей Игнатий погребен тут во время гонения Максимиана (ранее 313 года). Кажется, что он был не мученик; а в каком городе святительствова (только не в Александрии, ибо в числе здешних епископов греческих и коптских не было ни одного с именем Игнатия), это неизвестно. Под епитафией его

начертаны три буквы АМД с крестом под ними. Они без придаточного слова ἔτος, – *лето*, не означают 1044 года. Я, достаточно сведущий в греческой криптографии (тайном письме), объясняю их так: Ἅγιος Μάρτυρ Διονύσιος или Διονήδης, т.е. святой мученик Дионисий или Диомид, быть может, распятый на кресте, который начертан под именем его.

В александрийской усыпальнице поныне уцелели три саркофага, глубоко опущенные в землю. Они пусты; а кто и кто в них похоронен был, этого узнать нельзя, потому что не видать наружных боков их. Там же на потолках и стенах церкви и смежной с нею комнаты видны живописные лики святых и одна картина, представляющая Христово насыщение хлебами пяти тысяч людей. Вся эта живопись невзрачна, как и в римских катакомбах, но очень древняя, уж никак не позже 313 года. Что же и что такое изображено тут? В полукруглом углублении алтаря изображено реченное насыщение с греческой надписью: Τὰς εὐλογίας τοῦ Χϋ ἐσθίοντες, – «благословенные хлебы Христа ядущие». Направо от сего углубления на стене написан евангелист Марк, а налево – какой-то апостол. В боковой комнате на потолке изображены крылатые существа, кажется, ангелы, а под карнизом над саркофагом – голубь у креста, означающий душу христианина, положенного в этом саркофаге. У другого, противоположного саркофага, очень глубокого, на стенах написаны пророки, Даниил справа и Иезекииль слева, первый как страдалец, однако пощаженный львами, а второй как прорицатель о воскресении и оживлении сухих костей человеческих, и тут же апостол Фома; у третьего саркофага, что против входа в комнату, представлены выше объясненные мною звезда с крестом в середине ее и умерщвленный змий и надпись: Χριστιανῶν ἐλπὶς, – «христиан упование»; у четвертого саркофага на стенах видны ангел с посохом и София, вероятно, погребенная в этом саркофаге, александрийская христианка. В этой же катакомбе найден небольшой беломраморный сосуд в виде рюмки, у которой, однако, нижняя часть отбита. Вокруг этого сосуда начертана была греческая надпись, но от нее уцелели только три слова: γονίμου τὴν σάρ(κα), т.е. «родственника тело». Знать, сосудец этот или с мученической

кровью, или как причащательный потир, положен был в чье-то мертвенное ложе, каковые сосуды отыскиваются и в римских катакомбах.

Вот все, что замечено и понято было мною в описанной катакомбе. Открытие ее есть новость.

Ах! Забыл! Вспомнил! Ведь я видел найденную там икону св. Мамы. Эта икона, написанная на доске яичными красками, не древнее восьмого века, в который египетские магометане начали угнетать своих подданных христиан. В сей век или следующий александрийская катакомба была заперта, завалена и потом забыта до наших дней. В ней забыта была и икона св. Мамы. Она мала, неизящна, даже невзрачна. Но замечателен на ней лик этого святого. Он едет на льве, держа в руке запечатанное письмо и развевающийся значок. Стало быть, он, как и мученик Зиновий, служил в отряде тех воинов, которые скоро развозили всюду царские указы. Четь-минейных сведений о нем я пока не имею.

8, среда. Сегодня в девять часов дня я отправился из Александрии в Константинополь на австрийском пароходе «Италия», а в 14-й день рано утром приплыл в эту столицу Турции. Плавание мое было небурно и благополучно.

Я в Константинополе

Марта 17, пятница. Сегодня отправлена к синодальному обер-прокурору Толстому моя «Записка о воссоединении коптов с Православной Церковью»¹³⁵. Она почти слово в слово заимствована из дневника моего, в котором описано мое пребывание в Египте, и помещена в моем рукописном сочинении под заглавием: «Сношения Александрийских патриархов с Российской церковью»¹³⁶.

25, суббота. В предшествующие дни я думал и думал о своей будущности. Тружусь, собираю многочисленные сведения о Востоке, переплываю моря не по своей воле, а по предписанию начальства, а оно до сей поры не надумало, куда приютить меня и какую дать мне должность. Между тем срок возвращения моего в отечество приближается. Где же там гнездо мое? Чем я буду жить? Что буду там делать? Грусть щемит мое сердце. А как облегчить ее? Напишу всем членам Синода и обер-прокурору письма жалобные и грозные. И написал.

Апрель. С первого дня сего месяца я заболел лихорадкой. Хозяин гостиницы, грек, в которой занимаема была мною одна комната, пригласил ко мне лекаря грека, и он вылечил меня от этой болезни, но, не знаю почему, говорил со мною по-гречески, по-немецки и по-французски. Так он или хвастался предо мною знанием этих языков, или выпытывал, как я образован и учен, или удостоверялся в моем политическом значении на Востоке.

В десятый день я был уже здоров и тогда написал и послал к графу Толстому письмо о рукописной Библии, взятой Тишендорфом из библиотеки Синайского монастыря.

16, воскресенье. В Константинополь приехал посвященный в Риме болгарский патриарх Иосиф Сокольский. Он неучен и глуп, но его окружают умники.

(Тот самый, который впоследствии изменил папе и жил в Киево-Печерской Лавре на покое, получая жалованье от нашего правительства. Я знавал его тут с 1865 года по 1878, когда был викарным епископом в Киеве).

18, вторник. Пословица говорит: «Утопающий хватается и за соломинку». А я, утопая, надумал ухватиться за руль, но и он не

спас меня. Это иносказание мое поясняется письмом моим, посланным сегодня из Константинополя к великой княгине Марии Николаевне.

Я на Афоне

22, Великая Суббота. Что будет, то будет. А мой долг делать свое дело. Сей долг еще раз привел меня на Афон. Сегодня я в два часа пополудни ступил на берег этой горы у пристани русского монастыря Пантелеймоновского. Проведу здесь Пасху и потом отправлюсь в Карею и лавру св. Афанасия Афонского. Sic volo¹³⁷.

Апреля 23, Пасха. Во время вечерни 20 иеромонахов читали уставное Евангелие, растянувшись прямой линией от алтаря до западных дверей храма. У каждого из них было печатное Евангелие в бархатном переплете с серебрянопозлащенными образками. Богаты русские монахи!

29, суббота. Из Руссика я выехал в Карею в одиннадцать часов пополуночи и здесь в час пополудни уже отдыхал в подворье сего монастыря, предъявив поручительное письмо Вселенского патриарха от 27 ноября 1860 года священной общине, управляющей всеми афонскими обителями.

Правительственная община, согласно с этим письмом патриаршим, снабдила меня своим достодолжным и любезным посланием ко всем обителям афонским, прося их принимать меня братски и способствовать моим ученым занятиям. И так во мне прибавилось весу пуда полтора. Толстяк, значит? Да.

30, воскресенье. На Афоне, кроме монастырей и скитов, находится весьма много келий, вроссыпь построенных в Карее и на участках земель монастырских. Во многих из них есть маленькие церкви, даже старинные. Не останешься внакладе, если побываешь в этих кельях. В иной продадут тебе рукопись старинную, даже очень хорошую и надобную для расширения точных знаний; в другой увидишь старинные иконы или снимки со стенных изображений; в третьей посмотришь, как пишут образа афонские иконописцы. Я во время первых двух путешествий моих по Афону бывал в некоторых кельях. Ныне же ходил в карейскую келью иеромонаха Макария иконописца и рассмотрел у него верные снимки с икон и со стенных изображений, находящихся в протатско-карейском соборе, в Ватопеде, Хиландаре и старом нагорном Руссике. Эти

изображения отподоблены были на бумаге блаженной памяти учителем сего Макария иеромонахом Вениамином в 1806 и 1816 годах. Всех их лучше:

Снимки со стенных изображений в бывшем соборном храме старого Руссика:

1. с изображения св. великомученика Георгия; он красив;
2. с изображения св. Феодора Стратилата, св. Пантелеймона и св. священномученика Ермолая; все они написаны были отлично хорошо. (Отподоблена одна голова Ермолая).

Снимок с иконы, написанной на дске и представляющей Сретение Господне. Эта очень древняя икона, усвояемая пресловутому на Афоне живописцу Мануилу Панселину, поныне находится в приделе Кириакона ватопедского скита св. великомученика Димитрия. Рисунок хорош, Панселиновский! Симеон, согбенный старец, держит на своих руках Божественного Младенца, а Богоматерь держит правую ручку Его.

Я просил отца Макария передать мне весь сборник виденных мною снимков для воспроизведения их посредством фотографии и обещался пожертвовать в келейную церковь его хорошую утварь и ризницу. Но он не согласился, боясь, как бы не пропал этот сборник его. Быть так! Авось, другие исследователи Афона будут счастливее меня и приобретут Вениаминовы снимки.

Желая знать хорошо, когда жил иеромонах Дионисий Фурноаграфиот, написавший «Ерминию», т.е. руководство к церковной живописи, я спросил об этом отца Макария. Он не вдруг ответил мне, а взял с полки какую-то печатную книгу, в конце которой записано было, что в 7223 году от Адама (в 1715 от Р.Х.) умер афонский живописец Давид, родившийся в албанском городе Авлоне, и поведал мне, что сей Давид учил Дионисия писать иконы. Итак, «Ерминия» сего Аграфиота есть произведение недавнее.

От отца Макария я слышал, что в кладбищной церкви Кутлумушского монастыря, построенной на месте древнего монастырька Макρί, находятся иконы Панеслина, запыленные, пренебреженные.

Май, 1, понедельник. Сегодня осмотрена была мною и келья этого ерминиста, находящаяся в Карее недалеко от протатского собора. Ныне она принадлежит монаху Мелетию. В ней есть малый храм во имя св. Иоанна Предтечи. На косяке окна его у правого клироса греческая надпись гласит, что: честный и божественный храм св. Иоанна Предтечи воздвигнут с оснований и расписан ктиторм иеромонахом Дионисием, урожденцем из Фурны тон-Аграфон, в 1701 году, а возобновлен (каким-то) митрополитом в 1731 году. Когда я громко прочел эту надпись и год постройки храма, тогда отец Мелетий возразил было мне: «вы неверно прочли 1701 год, мы читаем 1401 ΑΥΑ», – но после моего замечания, что в числительной букве Ψ (пси) верхняя продольная черта кем-то выскоблена, но еще усматривается, сказал мне вот что: «Назад тому несколько лет был у меня грек Симонидис и обновил прочтенную вами надпись, попортившуюся от времени, призвав живописца Геннадия. Значит, он велел ему написать год вместо ΑΨΑ. Но почему он это сделал?». «А вот почему, – ответил я встревоженному отцу Мелетию. – Симонидис достал на Афоне «Ерминию» строителя твоей кельи Дионисия Фурноаграфиота, переписал ее и напечатал в Афинах, поставив на ней год 1401, дабы придать ей глубокую древность и дабы она, как древняя, была раскуплена скорее, в чем он признавался и отцу Макарию живописцу и уставщику здешнего протатского собора. А так как замеченная им в твоём келейном храме надпись могла обличить афинский подлог его, то он и переправил в ней год на ΑΥΑ., выскоблив из буквы Ψ продольную черту в верху ее. А что строитель кельи твоей Дионисий Фурноаграфиот жил в начале прошлого столетия, то в этом уверит тебя протатский уставщик отец Макарий, верно знающий, что сей Дионисий был ученик афонского живописца Давида, родом авлонца из Албании, скончавшегося в 1715 году». После этого разговора с отцом Мелетием я внимательно осмотрел весь храм его и нашел в нем другие доказательства недавности существования Аграфиота. На местной иконе св. Иоанна Предтечи надпись гласит:

Πρόδρομε Χῦ καὶ βαπτιστὰ Κυρίου,
Λύχνε τοῦ φωτὸς καὶ φίλε τοῦ Νυμφίου

Δέξαι τὴν εὐχὴν Διονυσίου θύτου, δούλου σου πιστοῦ καὶ κτίτορος μονῆς σου, ὅσπερ ἤγειρε ναὸν περικαλλῆ σοὶ καὶ ἐφαίδρυνε ταῖς ἱεραῖς εἰκόσι· ὅνπερ φύλαττε σκέπη τῶν σῶν πτερύγων,

т.е. Предтече Христов и Крестителю Господень,
Светильниче света и друже Жениха,

Прими моление Дионисия священника, раба твоего верного и здателя обители твоей, который воздвиг прекрасный храм тебе и украсил его священными иконами; его же храни под кровом крил твоих.

Внизу этой иконы видится испорченная подпись года, месяца и дня:

... В ф... ιω... κς.

Восстанавливаю ее так: ἔτους ΑΨΒ φευρουαρίῳ ἡμέρᾳ κς, т.е. лета 1702, месяца февраля в день 26, и с негодованием замечая, что и эту подпись искалечил Симонидис, дабы она не обличила его в афинском подлоге его.

Иоанн Предтеча написан во весь рост с крыльями. Лицо его весьма бледно, как бы набелено. В левой руке своей он держит жезл, увенчанный четырехконечным крестом, и хартию со словами: μετανοεῖτε к.т.λ., т.е. «Покайтесь, приблизися бо Царствие Божие». Вся одежда на нем беловата. На краях сей иконы историровано житие его. Тут хорош ангел, ведущий маленького Предтечу в пустыню; носы лиц освещены очень ярко; колорит – темно-красноват. Лицо Ирода, пирующего и потешающегося пляской своей дочери, написано удачно.

Местная икона Спасителя написана Дионисием же Аграфиотом. Она хороша и походит на образ Вседержителя в куполе храма.

По этим двум иконам можно судить и о Панселиновой живописи, которую видал сей Аграфиот и которой старался подражать по возможности, что высказал в своей «Ерминии».

Под местной иконой Предтечи на иконостасе написан 1748 год или постановки, или обновления сего иконостаса:

В храме вся стенная живопись нова и не очень хороша. Думаю, что она произведена другим афонским иконописцем, а не самим Фурноаграфиотом, который писал образа лучше.

3, среда. В четвертом часу пополудни шел дождь.

6, суббота. Сегодня я еще раз побывал в келье отца Мелетия и рассмотрел малые иконы, числом 13, уставленные в иконостасе над местными иконами. Все они – вышиной 5½ вершков, а шириной в 4. Фон их темно-красноват. Вот мои заметки о них.

1. *Εὐαγγελισμός*, – Благовещение. Хорошо сохранилось. Лица архангела и Пресвятой Девы милостивы, но не прекрасны. Архангел написан прецеломудренный, пречистейший. Взор у него – неземной, небесный, чарующий.

2. *Πεντηκοστή*, – Пятидесятница историрована обычно. Богоматерь сидит на высоком престоле среди апостолов. Лак на этой иконе потрескался.

3. *Μεταμόρφωσις*, – Преображение написано так, что Господь показан в круге, а ноги его вне круга стоят на темени Фавора. Лицо его хорошо. Десницей Он благословляет как архиерей, а в шуйце держит свиток. Эта икона немного повреждена.

4. *Βαΐοφόρος*, – Вход в Иерусалим с ваиями. На сей иконе попортился лак.

5. *Ἡ γένεσις τοῦ Χϋ*, – Рождество Христово написано обычно, уставно, но кистью иной, худшей.

6. *Σταύρωσις*, – Распятие. Правый бок и бедро распятого слишком много уклонены в сторону. Эта икона немного повреждена.

7. *Βάπτισις*, – Крещение Господне. Лицо Господа благообразно. Ангелы милостивы. Вся икона очень хороша; она походит на протатскую.

8. Ἡ ἀγία τοῦ Χϣ ἀνάστασις, – Святое Воскресение Христа. Кто-то другой писал эту икону.

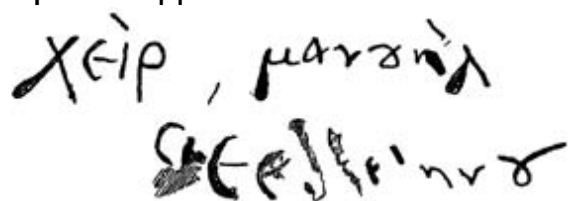
9. Ἡ κοίμησις τῆς Θεοτόκου, – Успение Богородицы. Лицо Спасителя сильно оттенено у краев. Около Него хороши четыре ангела и четыре иерарха.

10. Ἡ ἀνάληψις, – Вознесение Господне. Хорошо сохранилось. Прекрасны два ангела, указывающие на небо. Богоматерь стоит боком и смотрит на Возносящегося, простерши к Нему обе руки Свои. Отличная икона.

11. Ὑπαπαντή, – Сретение Господне, написано, как в Протате. Очень хорош лик согбенного Богоприимца. Лицо Богоматери испорчено. На руках Ее Младенец распростер Свои ручки в обе стороны.

12. Ἐπιτάφιος θρῆνος, – Плащаница. Хорошо сохранилась. Хорошо лицо Никодима, просунувшего свою голову между ступенями лестницы.

13. Ἡ ψηλάφησις τοῦ Θωμᾶ, – Осязание Фомы. Хорошо сохранилась эта икона. Хороши лица Андрея Первозванного и подле него другого апостола с бородой¹³⁸. На задке сего образа киноварью подписано:

В этой подписи первые два слова: χεῖρ μανῦλ – «рука Мануила» уцелели вполне и ясно видны, а под ними прозвание сего Мануила полуизгладилось так, что трудно читать оное с уверенностью в правильности своего чтения и сказать, что тут подписался Мануил Панселин. Недостаёт первых букв этого прозвания: Παν, хотя далее и можно читать Σελλήνην. Не могу читать Τρικαλήνην, хотя и знаю, что в фессалийском городе Трикале, недалеко от родины Аграфиота, жил живописец Мануил в 1684 году, потому что нет первой буквы «Т», а в чертах не усматриваются надобные буквы ΚΑ. И так, что с возу упало, то пропало. Ведомо лишь то, что икону Осязание Фомы написал

Мануил, но Панселин ли он, Трикалин ли, с иным ли подходящим прозванием, это остается неизвестным.

Дски всех этих образов вытесаны из дерева каштанового, и они не ветхи. Лица старые морщинисты. На выпуклых местах их наложены белила очень ярко. На всех образах в венце Господа видятся буквы

Ω
Ο Ν

чего не делал Панселин и за то обзываем был еретиком.

Кроме перечисленных икон, я видел в Предтеченском храме малый и узкий образ Богоматери, разговаривающей со Христом и умоляющей Его миловать грешников. Соответствующей этому образу иконы Христа нет. Утрачена. А Богоматерь в рост написана изрядно; но старческое лицо Ее сурово. Фон обложен чеканным серебром с маргаритами и бирюзой. Древен этот образ: существует лет триста. Я выпросил его себе у отца Мелетия и за него и за три иконы из числа вышеописанных мною, именно за Сретение Господне, Осязание Фомы и Вознесение Христово, да еще за превосходную рукопись 1249 года, содержащую Синаксарь или полный месяцеслов, составленный неким Петром в конце десятого века¹³⁹, дал ему 20 полуимпериалов. Он припрашивал у меня утварь и ризницу, и я обещался ему и это, но под условием, когда буду богат.

От отца Мелетия русиковский монах провел меня в карейскую келью местных иконописцев Иоасафеев. Они уяснили мне значение многих технических названий в греческой «Ерминии» Дионисия Фурноаграфиота и на палитре показали цветность красок, поименованных в этой «Ерминии». А один из них, именно молодой архимандрит Анфим, очень приятно поющий на клиросе тенором, поведал мне, что афонский зограф Никифор, расписавший колоннадную паперть соборного храма в Иверском монастыре 1795 г., имел родного брата Иоасафа, зографа же. Оба они были родом аграфиоты, но жили в фессалийском городе Трикале. Ученики их были Герасим и Митрофан, и по имени Иоасафа назывались Иоасафеями. А у Митрофана учился живописи ныне здравствующий на Афоне

Никифор, которому я подарил в его Всесвятскую келью серебрянопозлащенные сосуды: потир, дискос с прибором и кадило (в 300 рублей) за уступленную им мне большую икону, представляющую совершение божественной литургии всеми девятью чинами ангельскими.

Мая 14, воскресенье. Во все предшествовавшие дни многие часы были посвящены самому внимательному рассмотрению стенописи Панселина в протатском соборе и заметкам о ней. А сегодня я письмом просил синодального обер-прокурора выслать мне на Афон тысячу рублей моего жалованья, с 1 мая 1860 года по 1 мая 1861, или препроводить эти деньги в херсонскую духовную консисторию в Одессе для выдачи их мне по прибытии моем в сей город, ежели состоялось какое-либо решение св. Синода касательно моего будущего служения.

16, вторник. Терпение ждет денег. А любознательность продолжает свои изыскания в обителях афонских. Вчера в сумерки она привела меня в Каракалл, а сегодня понудила еще раз осмотреть сей монастырь, виденный мною в первое путешествие мое по Святой горе в 1846 году¹⁴⁰. Что же узнано тут новое?

На налое с узорчатой резьбой на нем видны: 1699-й год и имя: Христофор иеромонах, либо смастеривший этот налой, либо изготовивший его своим иждивением.

В 1767 году покрыта стенописью паперть соборного храма.

С 1852 года поныне игуменствует в Каракалле Досифей. А братьев в сем монастыре 50.

Под сводом ворот его к стене прикреплены две длинные-предлинные кости и огромный позвонок морского чудовища, которое, как гласит здешнее предание, было выброшено на берег каракальский.

17, среда. Еще раз Бог сподобил меня помолиться в лавре св. Афанасия Афонского и еще раз пересмотреть рукописи, хранящиеся в библиотеке ее. Этим делом я прилежно занимался в течение двадцати двух дней. Здесь есть рукописи весьма замечательные по древности их и по содержаниям. Мой отчетливый каталог их помещен в статистике Афона¹⁴¹.

Июнь, 8, четверток. Сего дня распростились со мною лаврские рукописи.

10, суббота. А в нынешний день я выехал из древней обители Афанасия Афонского и приехал в монастырь современника, сподвижника и друга его Иоанна Ивера. Дорога оттуда сюда многократно была топтана моими ногами и копытами тех мулов, которые носили меня на спинах своих. В этот раз я обращал свое внимание не на нее и не на окрестности ее, а на потоки, пересекающие ее и впадающие в море. Первый от лавры поток, называемый Микрос (Малый) Веллас, второй – Большой Веллас, третий – Куфо, разделяющиеся тремя неширокими высотами, получают свои воды из-под чела высочайшего хребта, примыкающего к Афоненку. Далее от них агиазма, т.е. св. вода Афанасия Афонского, вытекает из придорожного утеса по велению Богоматери, явившейся тут сему преподобному мужу. Еще далее разлитая, но мелкая речка Морфо вытекает из-под чела и хребта Малого Афона. А еще далее струятся потоки Каракальский, Милопотамос и Климентийский у стен монастыря Иверского, ныне пересохший. Все эти воды я наметил на путевой тетрадке своей для помещения их на общей карте Афона.

12, Духов день. Сегодня еще раз рассмотрены были мною в кладбищной церкви Ивера те 18 икон, кои видел я тут в 1845 году и описал достаточно¹⁴². Мои тогдашние описания их ныне оказались верными. А костовница под названной церковью грязна по-прежнему¹⁴³.

13, вторник. Отдыхаю в Русском ските св. апостола Андрея Первозванного на Карее.

14, среда. Пишу здесь покорнейшее прошение во Святейший Правительствующий Синод. Вечером получено мною письмо графа Толстого от 28 апреля текущего года. Удивляет меня начальство мое. Обещает оно орла в небе, а в руки не дает и синицы. Господи и Владыко живота моего! Дух уныния не даждь ми. Дух же терпения даруй ми, рабу Твоему.

25, воскресенье. Гошу в карейском подворье Руссика и, вельми обрадованный приобретением панселиновской иконы, представляющей Сретение Господне, той самой, которая

находилась в ватопедском ските св. великомученика Димитрия; описываю ее подробно¹⁴⁴.

Эта икона написана на каштановой дске. Вышина ее в 14½ вершков, а ширина – в 10½ вершков. Грунт наложен на дску без полотна. Он тонок. Все края дски выше самого образа.

В середине верхней части иконы на золотом фоне написана сень на четырех колонках багряного цвета с позолоченными капителями, кои не причислишь ни к какому зодческому ордену, вывершенная полусферической крышей, которой верхушка украшена золотистой бляхой в виде распущенных крыльев. По обе стороны этой сени видны две узкие горницы. Та, что направо, вывершена остроконечной кровлей, а растворенная дверь ее занавешена красной тончицей. Над сенью большими красными буквами написано:

НУПѢПАТН

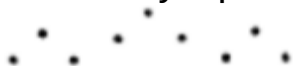
СРѢТЕНІЕ.

Перед сенью на налое, покрытом шелковой материей красного цвета, лежит книга (Ветхий Завет) в переплете. Она закрыта и застегнута застегжками.

По правую сторону сего налая стоит Симеон Богоприимец, старец седовласый, согбенный, и держит Божественного Младенца на голых руках своих, прикрытых верхней ризой. Волосы головы его – длинные и к низу немного кудрявы, а на маковке нарисованы так¹⁴⁵. Лицо его желто, как льняное масло; глаза оттенены густо; широковатый нос закорючен книзу; нижняя губа – очень красна, борода стелется длинными прядями; ягодица под нижней губой без волос желта, как лицо. Верхняя риза на нем зеленого цвета, ярко освещена белилами на руке, лядвее и на боку. Подризник.

Божественный Младенец, покоящийся на руках Богоприимца, толст и кажется трехлетним. Головка его кругла,

как шар; чело велико, не натурально и штриховано белилами поперек; глаза оттенены и у краев штрихованы белилами же, но круглы, велики, черны и весьма зорки, нос короткий, щеки румяны. Белая рубашечка на нем, отороченная везде золотистыми узориками и по местам испещренная точками

подпоясана красным пояском, к которому с обоих плечиков спущены нашивки, как ленты красного цвета. Младенец левой ручкой ухватился за ризу Симеона, а правую положил на длань Богоматери. Правая ножка его с длинной стопой обнажена и толста; левой не видать. В венчике Его нет букв: OWN; а надпись помещена на своем месте.

За Симеоном стоит Анна пророчица. Старческое лицо ее не неблагообразно. Глаза ее оттенены. Под левым оком от переносья проведена косвенная черточка белилами. Старица слегка наклонила голову свою, накрытую длинным платком коричневого цвета. Персты правой руки ее, немного приподнятой и простертой вперед, сложены так, что мизинец и безымянник поджаты, и на них наложен большой палец, а персты указательный и средний приподняты и простерты наклонно. В левой руке пророчица держит хартию с (словами), которых конец осыпался:

Τὸ τοῦτο
βρέφος

τοῦτο τὸ βρέφος ἐποίησε τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν, – сей Младенец сотворил небо и землю. Таково пророчение ее. Верхняя ризница на ней – зеленая, а платье – желтоватое с отливом коринки.

Супротив Симеона стоит Пресвятая Дево-Матерь, и Своей левой рукой держит ручку Младенца, оборотившись лицом к Иосифу обрученнику. Рост Ее высок; лицо миловидно, но выражение Ее задумчиво, таинственно; глаза оттенены; под левым оком проведены белилами три косвенные черточки. (То же видно и на хиландарской иконе Ее, что над гробницей сербского царя Симеона). Нос прям и правилен; щеки румяны;

губы полны и сложены очень хорошо, уста малы, только что не говорят; верхняя губа и ягодица бородки освещены белилами; шея освещена двумя полосками белильными же; правая ручка прижата к персям; персты рук длинные и красивые; средний, безымянный и мизинец соединены, а пальцы указательный и большой нарисованы поодаль от них. Омофорион, из-под которого на голове виден повойник, без бахромы, оторочен золотистой каймой, а цветность его – темно-зеленая, платье же одноцветное темно-коричневое.

Позади Дево-Матери стоит обрученник ее Иосиф, старец здоровый и бодрый. Седые волосы на его голове острижены; морщины на челе освещены белилами; глаза – круглы, черны, выразительны; нос, как у Богоприимца, широковат и загнут книзу; усы книзу; нижняя губа красна; борода кругла, коротка и курчава. Все лицо выражает веру после сомнения. Хитон на нем зелен с золотистыми нашивками на правом плече; правый рукав его по местам ярко освещен белилами; иматий – как у апостолов, но красный; лядвея правой ноги ярко освещена белилами, где складки. (Такое освещение видно и на стенном панселиновском изображении Успения Богоматери в Пандократорском соборе на Афоне). Иосиф в руках своих держит сквозную клетку с парой белых голубей.

Вообще, на этой иконе все лица естественны; краски на них утончены у краев так, что тени тут едва видны. Ноги Иосифа, Приснодевы, Богоприимца и Анны осыпались вместе с грунтом так, что видна голая доска.

Эта икона хороша, как икона. Но писавшая ее кисть не художественна.

После вечерни я помолился перед протатской иконой: Достойной, прося у Богоматери благословения на обратный путь в Россию, и еще раз взглянул на стенопись карейского собора. Она лучше лаврской. В алтаре, на правой стене у входа в диаконикон, весьма благообразны Дионисий Ареопагит и Игнатий Богоносец; там же головка св. архидиакона Стефана у входа в проскомидийное отделение очень миловидна. Ус у него еще не пробился. В диакониконе на южной стене выразительна голова св. Григория. В ипиретике, на южной стене храма лик св.

Пантелеймона, кажется, подновлен. Вообще, у всех Святых, старых и молодых, написанных на стенах, головки хороши, а уста малы.

26, понедельник. Отдыхаю в Руссике.

28, среда. Пишу письмо синодальному обер-прокурору:

Надоело мне странствовать по свету; надоело докучать начальству об указании мне пристанища и невыразимо тяжело напоминать ему, что и над ним есть суд верховный, суд первосвященителей восточной церкви.

Теперь я сам не свой. Как бы ни поступили со мною, я готов на все, готов ходить в цепях, погаснуть в затворе, светить миру, наслаждаться свободой духа. Правда, в этой готовности или решимости моей есть нечто жесткое и раскаленное, но эта примесь со временем остынет и размягчится под влиянием благодати и разумной воли, как лава с огнедышащей горы стынет и мякнет под влиянием тепла, света и дождя, так что впоследствии производит из себя мураву, цветы, маслины, грозды, кипарисы.

Здесь с 18-го вечера июня светит огромнейшая комета, похожая на ту, которая страшила робкий люд в 1858 году. Что она предвещает нам? Смерть папы и папства? Падение Турции и ислама? Мучительное перерождение России? Все это вместе? Посмотрим, увидим, испытаем, узнаем. А будет что-то новое? Придется нам, унылым, тянуть заунывную песнь:

Ἔσται τι νέον,

ἧξει τι μέλος ὑμερὸν ὑμεροῖς¹⁴⁶.

Июль, 1, суббота. Сажу у моря и жду погоды.

8, суббота. Ни теплые ветры мне не веют, ни красные солнцы меня не греют.

15, суббота. Прощай, благодатный Афон. Более не увижу тебя. Но все лучшее твое уношу с собой.

Еду в Константинополь и оттуда в отечество. Et fumus patriae dulcis est, – И дым отечества сладок.

Я на перепутье в Петербург

23, воскресенье. Из Солуня пароход возил меня в Воло и Смирну, а сегодня доставит в Константинополь.

27, четверг. Здесь я посетил Иерусалимского патриарха Кирилла. Он пригласил меня присутствовать при испытании девочек в соседнем с его подворьем училище. Я был тут. Девочки отвечали бойко. Всех их 290. У них три учительницы гречанки и один дидакал. Это училище содержится иждивением иерусалимской патриархии. Кроме меня, в нем были архиереи: никомидийский Иоанникий и начальник богословского училища на острове Халки, преосвященный Константин Тибалдо.

Блаженнейший патриарх Кирилл, прощаясь со мной, от всей души своей благословил меня на путь в Россию, повторяя несколько раз Καλὸ κατευόδιον¹⁴⁷.

В Константинополе в нынешнем году вышла в свет книжица под заглавием: Φωνὴ τῆς ἀληθείας¹⁴⁸. Перелистывая ее, я заметил, что турки предоставили Вселенскому патриарху право взимать по 12 аспр с души. Но эти деньги не взимаются.

Август, 1, вторник. Я еще в Царьграде. Скучаю, горюю, на Бога уповаю, пою священные песнопения, читаю молитвы, привожу в порядок путевые тетрадки, а в потемках будущности не вижу ни зги. Но ведь будет же на небе какое-нибудь слово о мне. Подожду, что речет о мне Господь¹⁴⁹ и, терпя, потерплю¹⁵⁰.

Однако спрос не беда. Итак, пишу просительное письмо князю Урусову.

13, пятница. Я уже в Одессе и поместился не в архиерейском доме, где не на чем спать, где капли воды не подадут служки и где много других неудобств, а в гостинице Лондон на бульваре. Здесь получено мною письмо гр. Толстого от 15 декабря 1860 года.

21, понедельник. Телеграмма обер-прокурору: «Известите, где мое помещение и какая должность моя. Ожидаю тысячи рублей».

25, пятница. Ему же послано письмо о переводе моей пенсии (1000руб.) в канцелярию обер-прокурорскую для выдачи

ее тут родственнику моему чиновнику, служащему в департаменте податей и сборов, Николаю Лапшину.

Сентябрь, 3 день. Получено письмо от князя Урусова от 25 августа.

12 день. Телеграмма князю Урусову: «Прошу выслать деньги или телеграммой предложить херсонской консистории выдать мне заимообразно 1000 рублей».

18 день. Получено в Одессе отношение ко мне князя Урусова от 5 сентября 1861 года.

Так и быть. Плетью обуха не перешибешь. Буду сам трудиться. Долго? Зато синод сбережет у себя 5800 рублей. И это хорошо.

20 день. Сегодня я письмом просил генерал-губернатора графа Строганова дать мне подорожную по казенной надобности на три лошади под собственный мой экипаж.

25 день. Кончено чтение библейского Осмикнижия в русском переводе Павского, изданного в Лондоне. Не знаю, когда мне придется сличить его с греческим переводом 70 толковников.

26 день. Кончены мои путешествия по Востоку. Теперь остается мне привести в порядок все собранные там сведения и напечатать их. Господи! Благослови и это дело мое.

Кончены мои многочисленные плаванья по морям Черному, Мраморному, Эгейскому с Архипелагом, Средиземному, Адриатическому и Красному. Сорок шесть раз я садился на пароходы и никогда не страдал так называемой морской болезнью. Морской воздух живил и укреплял мое бренное тело.

Во время плаваний в глазах моих рисовались мальчики греческие, албанские, турецкие, арабские, абиссинские, негрские, валахские, итальянские, французские, английские, немецкие, американские, сербские, болгарские, черногорские. Все виденные мною люди, как и быть, люди, а негры составляют переход к ним от обезьян.

Памяти ради пересчитываю свои путешествия

А. По Черному морю

1. В Крым из Одессы в 1836 году.
2. От Крыма в Одессу в 1836 году.
3. От Одессы в Константинополь в 1843 году.
4. Из Константинополя к устью Дуная в 1846 году.
5. От Одессы в Константинополь в 1847 году.
6. Из Константинополя в Одессу в 1851 году.
7. Из Одессы в Константинополь в 1852 году.
8. Из Одессы в Константинополь в 1858 году.
9. Из Константинополя в Одессу в 1860 году.
10. Из Одессы в Константинополь в 1860 году.
11. Из Константинополя в Одессу в 1861 году.

Б. По морям Мраморному и Эгейскому

1. Из Константинополя в Солунь в 1845 году.
2. Из Солуны в Константинополь в 1846 году.
3. Из Константинополя в Солунь в 1846 году.
4. Из Солуны в Константинополь в 1846 году.
5. Из Константинополя в Солунь в 1858 году.
6. Из Солуны в Воло в 1859 году.
7. Из Воло в Солунь в 1859 году.
8. От Афона в Константинополь в 1860 году.
9. Из Константинополя на Афон в 1861 году.
10. От Афона в Константинополь в 1861 году.

В. По Архипелагу и Средиземному морю

1. Из Константинополя в Бейрут в 1843 году.
2. Из Бейрута в Константинополь в 1844 году.
3. Из Константинополя в Египет в 1845 году.
4. Из Египта в Константинополь в 1845 году.
5. Из Константинополя в Бейрут в 1848 году.
6. Из Бейрута в Константинополь в 1849 году.
7. Из Константинополя в Бейрут в 1850 году.
8. Из Яффы в Александрию в 1850 году.
9. Из Бейрута в Константинополь в 1851 году.
10. Из Константинополя в Бейрут в 1852 году.
11. Из Яффы в Смирну в 1854 году.

12.Из Смирны в Триест	в 1854 году.
13.Из Чивитты в Ливорно	в 1854 году.
14.Из Ливорно в Геную	в 1854 году.
15.Из Константинополя в Яффу	в 1860 году.
16.Из Яффы в Константинополь	в 1860 году.

Г. По морю Адриатическому

1.Из Триеста в Венецию	в 1842 году.
2.Из Венеции в Триест	в 1842 году.
3.Из Триеста в порты Далмации	в 1842 году.
4.Оттуда в Триест	в 1842 году.
5.Из Триеста в Венецию	в 1854 году.
6.Оттуда в Триест	в 1854 году.
7.Из Триеста в Анкону	в 1854 году.
8.Из Венеции в Триест	в 1854 году.

Д. По Красному морю

1.Из Суэса в челне в Аюн-Мусав	1850 году.
- Всех плаваний 46.
-

Примечания

- ¹ - Из рукописной книги I A11 или №8. Ред.
- ² - См. эти переводы в моем рукописном Сборнике in folio переплетенном П. (См. у Сырку Описание, с.317). Ред.
- ³ - По-славянски: «твоя от твоих тебе приносяще». Ред.
- ⁴ - «приносим». Ред.
- ⁵ - Праздничник или объяснение к стишным канонам Господних и Богородичных праздников. Ред.
- ⁶ - См. его в моем рукописном Сборнике in folio переплетенном (у Сырку Описание, с.212 и 235. Ред.).
- ⁷ - См. мою речь в собрании моих писем к царским особам и состоящим при них лицам. П. (у Сырку Описание, с. 165. Ред.).
- ⁸ - Письмо, в котором сообщается о заслугах австрийского консула Пиццамано по охранению и отправлению русских подданных на родину и по призреванию их в Св. Земле во время тогдашней русско-турецкой войны. Ред.
- ⁹ - Об исходатайствовании ему пожизненной пенсии. Ред.
- ¹⁰ - Надеюсь, пока дышу. Ред.
- ¹¹ - Из рукописной книги I A11, или №8. Ред.
- ¹² - Ср. «Книгу бытия моего», VI, с.329. Несомненно, преосвящ. Порфирий понимает здесь «Сказание об иконе Божией Матери, именуемой Лиддской, или Римляныней», помещенное в упомянутом издании, год XVII (1853–1854), №10, с. 91–94, где действительно приводится рассказ об этом патриарха Константинопольского Германа. Ред.
- ¹³ - Ср. у Migne, Patr.gr., t. XCVIII, с.319 и след. Ред.
- ¹⁴ - Русский перевод: «Так проходит мирская слава! Так из среды живых исторгаются могущественные. Есть Бог, Который зовет к Своему страшному суду людей, похищающих права Святой Церкви» Ред.
- ¹⁵ - См. у Сырку Описание, с. 158. Ред.
- ¹⁶ - В котором выражает уверенность в существовании факта убийства евреями христиан с религиозной целью. Ред.

¹⁷ - О назначении его настоятелем церкви при Императорской русской миссии в Риме, на место умершего архимандрита Иакова. Ред.

¹⁸ - Русский перевод: «Св. Синод, имея более любочестивые взгляды на о. Порфирия, не хочет отпустить его, а желает дать ему служение здесь».

¹⁹ - Пиццамано. Ред.

²⁰ - См. среди моих писем к царским особам. П. (Сырку Описание, с. 165).

²¹ - Из той же книги I A11 = №8. Ред.

²² - Русский перевод: «Примеры заразительны». Ред.

²³ - Русский перевод: «вольнодумец и скептик». Ред.

²⁴ - Русский перевод: «Посещали ли вы страну друзей? – Да, сударь, я видел друзей Ливанской горы; но очень трудно узнать их обряды, потому что они скрывают свое вероисповедание». Ред.

²⁵ - Русский перевод: «Говорите ли вы по-гречески?». Ред.

²⁶ - Русский перевод: «Говорю по-гречески». Ред.

²⁷ - За этим, под 17-м числом сентября, буквально повторяется пересказ сновидения, уже записанный выше под тем числом того же месяца (см. выше). Повторение произошло, несомненно, по забывчивости о.Порфирия, и потому здесь опускается. Ред.

²⁸ - Из той же книги. Ред.

²⁹ - Русский перевод: «Уметь любить своего Бога и делать из него свое все, это есть благороднейшее из всех знаний и признак величайшего ума и величайшего сердца». Ред.

³⁰ - По-русски: «Совершенное ничтожество». Ред.

³¹ - 1Кор. 9:15. Ред.

³² - Русский перевод: «Моя память находится в расстройстве. Мои мысли борются между собою. Все пространство, где образуются эти мысли, представляется полем битвы, где люди убивают друг друга. Все мои страсти взволнованы. Все во мне в разладе. Мир отнят. Моя бедная душа как бы раздроблена, растерзана, разбита и убита в этой кровавой войне, которая в ней совершается. О, жестокая война,

и более жестокая и тяжелая для перенесения, чем это можно выразить. У меня нет ни силы, ни мужества чему-либо сопротивляться. Все мои предположения, все мои надежды, вся опора, которая меня поддерживала до сего времени, все вырвано, и остается только сухое и вынужденное предание себя воле Божьей. Что говорю я, безумный? Остается только ждать, быть может, Господь будет иметь сострадание и снизойдет в мой ад. О, я верю и надеюсь, что Он снизойдет туда и будет там втайне, причем я не буду даже отчетливо сознавать это, присутствовать при всех моих горестях, усладить их, устранив самую горькую, и Своим присутствием сделает для меня этот ад выносимым и сладким и извлечет меня из него... Я верю в это и надеюсь на это. Вот почему я понимаю, что Вечный Бог, Который раздробляет кедры ливанские, повергает меня в ничтожество для того, чтобы я мог быть созданным вновь. Да! Когда Он уничтожает глубже, чем когда-либо, все наше собственное бытие средствами тем более удивительными, что они болезненны, странны и непостижимы для ума человеческого, Он желает владеть нами полнее, чем когда-либо, и сделаться в нас всем, основой нашей жизни и наших деяний». Ред.

³³ - См. ниже 30 день мая.

³⁴ - Horat. Epod., XVI, 41. Ред.

³⁵ - Русский перевод: «Не столько завидую, сколько удивляюсь». Ред.

³⁶ - Русский перевод: «О, я бедный! О, я несчастный!». Ред.

³⁷ - Это приписано мною 29 августа 1857г.

³⁸ - Русский перевод: «К Ефесеянам послание св.апостола Павла чтение». Ред.

³⁹ - Русский перевод: «Благословен грядый во имя Господне». Ред.

⁴⁰ - В своих дневниках за этот год о.Порфирий не отмечает этой реки. См. «Книгу бытия моего», т. I, с. 141. Ред.

⁴¹ - Русский перевод: «Должно быть, он – мужик». Ред.

⁴² - Русский перевод: «День покажет». Ред.

⁴³ - Пс. 50:12–13. Ред.

⁴⁴ - Мф. 28:19. Ред.

⁴⁵ - Из той же книги.

⁴⁶ - См. об этом у Сырку Описание, с. 216–217. Ред.

⁴⁷ - См. его в числе моих деловых записок о Палестинской церкви и о нашей духовной миссии в Иерусалиме, в переплетенной книжке вместе с печатным отчетом Мансурова. П. – См. у Сырку Описание, с.216–217 и 157. Ред.

⁴⁸ - О скорейшем назначении его в Константинополь при Русской миссии, чтобы он мог спасти свое имущество, оставшееся в Иерусалиме и состоящее из библиотеки, коллекции икон, афонских актов и др., и чтобы он мог издать эти акты, которых ожидает Германия. В случае невозможности о.Порфирий просит позволить ему предпринять путешествие на о.Патмос, в метеорские монастыри в Фессалии, в Косеницкие обители близ Афона, «где, есть обильная, еще никем не снятая жатва для науки», и Св.гору, для помощи П.Севастьянову. Ред.

⁴⁹ - Неверно указанные в некоторых случаях автором даты исправлены при сохранении указания о дне недели – прим. электронной редакции.

⁵⁰ - Лк. 23:34. Ред.

⁵¹ - Русский перевод: «Так хочет судьба... Я не завидую; больше удивляюсь». Ред.

⁵² - Преосвященный Порфирий выехал из Петербурга на Афон, как предполагал, 8 мая 1858г. Прежде всего он посетил Св.Афонскую гору и результаты своей поездки изложил в напечатанном им труде: Второе путешествие по Св. горе Афонской в годы 1858, 1859 и 1861 и описание скитов афонских. М., 1880. Труд этот изложен, кроме мая и отчасти июня месяцев, не в форме дневников, а в подробном описании отдельных афонских монастырей и скитов. Здесь же далее помещены, из дневников, описания, не вошедшие в помянутый печатный труд, и служат ему как бы дополнением. Ред.

⁵³ - Мф. 13:12.

⁵⁴ - Ч. 2, отд. 1, с. 239–504.

⁵⁵ - Мф. 26:26; Мк. 14:22; 1Кор. 11:24. Ред.

⁵⁶ - См. у меня «Каталог рукописей есфигменских» (у Сырку Описание, с. 359–360) и печатное описание монастыря («Первое

путешествие в афонские монастыри и скиты», II, 1, с. 239 и до конца книги. Ред.).

⁵⁷ - Пс. 1:1.

⁵⁸ - См. мою «Историю Афона», ч. III, отд.1, §63.

⁵⁹ - См. у меня «Живописное обозрение Афона», лист 47. «История Афона», ч. I, Афон языческий, с. 67–84.

⁶⁰ - См. в ряду моих писем к нему под №16. П. – Сырку Описание, с.182, с.183. Ред.

⁶¹ - См. описание этой живописи в Первом путешествии моем по Афону, ч. II, отд. 2, в 1846 г., с. 262–299.

⁶² - См. там же описание этих рукописей. П. – Сырку Описание, с. 335 (δ).

⁶³ - См. описание ее в моем «Путешествии по Афону», ч. II, отд. 1, с. 146–148.

⁶⁴ - См. у меня каталог кутлумушских рукописей (Сырку Описание, с. 359–361) и «Первое путешествие мое по Афону», ч. II, отд. 2, с.188–240, и 18 письмо мое к синодальному обер-прокурору, Сырку Описание, с. 182–183).

⁶⁵ - А изложены они во «Втором путешествии моем по Афону», с. 394–396.

⁶⁶ - Сырку Описание, с.401. Ред.

⁶⁷ - Из рукописной книги I A11, или №8. Ред.

⁶⁸ - См. Отчет Публичной библиотеки за 1883г., с. 11–15; у Срезневского Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, II, с. 20–36 и у Кульбакина Волканово Евангелие в Известиях Отд-ния рус.яз. и словесн. Имп. Акад. Наук, т.III, с. 1141–1172. Ред.

⁶⁹ - Русский перевод: «Достаточно по грехам нашим». Ред.

⁷⁰ - Напечатаны в «Первом путешествии моем по Афону», ч.II, отд.2, с.272–281.

⁷¹ - Ч. III, отд. I, §113.

⁷² - Русский перевод: «Расписан этот параклис иждивением всепреподобнейших в иеромонахах господина Никифора и господина Тимофея. Рука монаха Макария. 1787, августа 24». Ред.

⁷³ - Путешествие в метеорские и осоолимпийские монастыри в Фессалии в 1859г. Издание Императорской Академии Наук под ред. П. Сырку. СПб., 1896. Ред.

⁷⁴ - Переписка здесь не приводится. Ред.

⁷⁵ - В «Путешествии в метеорские и осоолимпийские монастыри» арх.Порфирия, с.382–393, помещен список, отличный от настоящего. Ред.

⁷⁶ - L.IX, с. 5.

⁷⁷ - Patrologiae graecae cursus completus, tom.XV. Origenes. Edit. Migne, 1857.

⁷⁸ - Οἰκουμένιου Ἐξηγήσεις εἰς τὰς πράξεις τῶν ἀποστόλων, εἰς τὰς ἐπτὰ καθολικὰς ἐπιστολὰς καὶ καὶ εἰς τὰς Παύλου πάσας. Veronae, 1532.

⁷⁹ - «По благословению Св. Правительствующего Синода и проч. и проч.». Это письмо помянуто в конце описания моего путешествия по Фессалии, ч. 1, с. 254.

⁸⁰ - Это путешествие возвращением на Афон продолжалось с настоящего дня до 9-го июня. Оно описано особо. Путешествие в метеорские и осоолимпийские монастыри, с. 265 и след.

⁸¹ - Сведения о ней и занятия в книгохранилище ее описаны (даже напечатаны) особо (во «Втором путешествии по Св. горе Афонской», с. 29–70) и потому исключены из сей «Книги бытия моего».

⁸² - Второе путешествие, с.7 0–133. Ред.

⁸³ - Русский перевод: «Почивай, книга, пока не пойдешь в свет такой, какая ты есть, неотделанной».

⁸⁴ - Из той же книги. Ред.

⁸⁵ - В «Ерминии»: Рисуется город и вне его гора. Христос едет по ней на жребяти осла и благословляет. За Ним идут апостолы. Пред Ним на горе видно дерево, и на нем дети срезывают ветви серповидными ножами и бросают их на землю, а один отрок, влезши на дерево, смотрит на Христа. Подле осла Его другие дети: одни держат ветви, некоторые теснятся, иные вынимают занозы из ног своих. У ворот Иерусалима мужчины и женщины с детьми на руках и на плечах держат также ветви; другие со стен и из окон города смотрят на Христа.

⁸⁶ - Fr. Quaresmii Historica, theologica et moral. Terrae Sanctae elucidatio. Vol.II, изд. 2. Venetiis, 1881, с.506. Ред.

⁸⁷ - Там же, с.506. Русский перевод: «Враги нечестия и нечистоты... и греками управлял... этот и церковь учил. Св. Ефрем, говорят, сделал, ты же». Ред.

⁸⁸ - Среди храмины стоит Христос, поднявши правую руку, а левой открывши прободенный бок Свой и поддерживая одежду Свою. Фома стоит подле Него со страхом и перст своей правой руки влагает в язву Его, а в левой держит хартию со словами: «Господь мой и Бог мой». Прочие апостолы стоят окрест и удивляются.

⁸⁹ - Histor., theolog. et moral. Terrae Sanctae elucid., II, изд. 2-е, с. 507. Ред.

⁹⁰ - Histor., theolog. et moral. Terrae Sanctae elucid., с. 487 и след.

⁹¹ - Иоил. 3:18.

⁹² - Ам.8:9.

⁹³ - Наум. 1:15.

⁹⁴ - Мих. 5:2.

⁹⁵ - Чис. 24:17. Ред.

⁹⁶ - Histor., theolog. et moral. Terrae Sanctae elucid., II, с. 488 и след.

⁹⁷ - Этот длинный рисунок его помещен в книге Иоанна Чиаппини De sacris aedificiis, a Constantino Magno constructis. Romae, 1693. П. – См. и у Quaresmii Histor., theolog. et moral. Terrae Sanctae elucid., II, с.496 и след.

⁹⁸ - Изд. Правосл. Палест. общ., вып. 23, с.20 и 50.

⁹⁹ - В «Книге бытия моего» используются также другие варианты написания этого слова – «Бетджальский» и «Бет-Джальский», – прим. электронной редакции.

¹⁰⁰ - А я русский перевод их напечатал в приложениях к 2-му отделению 2-й части Первого путешествия моего по Афону, с.218–223.

¹⁰¹ - Напечатана в Трудах Киевской академии в 1867 году (П.) и отдельно, Киев, 1868, с.68. Ред.

¹⁰² - Этот Ханна расписывал алтарь Святогробского храма в Иерусалиме, обновленный после пожара в 1810–1811 году. П.

¹⁰³ - = υἱῶν? Ред. (В.В.Латышев).

¹⁰⁴ - Эти три рукописи мои в 1883 году поступили в нашу Императорскую публичную библиотеку. П. –См. Отчет ее за 1883г., с.81, 82, и 186. Ред.

¹⁰⁵ - Это совсем не сербское, а скорее русское; в сербской редакции было бы е. Ред.

¹⁰⁶ - Смотри Письмена Киней Манафы на Синайских утесах, СПб, 1857, с.78.

¹⁰⁷ - Freytagii Lexicon arabico-latinum. T.III, Halis Saxonum, 1835, с.439: kausu kuzahā, arcus coelestis; kuzah, satanas angelin, qui nubibas praeest. Ред. (Лем).

¹⁰⁸ - По-русски: «Это дико, но красиво». Ред.

¹⁰⁹ - В 1862 голу известный петербургский иконописец Пошехонов познакомил меня с русскими техническими выражениями живописцев. Вот они: 1. дымчатая Санкир; 2. Помета и 3. Движка глаз, носа, уст; 4. Плавка, т.е. наведение общего тона жидкой охрой с белилами; 5. Оплавная, т.е. соединение теней с общим светом на лице и руках; 6. Отборка; 7. Блик, т.е. Свет, иначе: первый постил, второй постил, третий постил, четвертый отживка. Богослову надобно знать и это.

¹¹⁰ - В письме сообщается об отсрочке о. Порфирию и Н.Благовещенскому пребывания на Востоке.

¹¹¹ - Nachricht von der im Auftrage S.K.M.Alexander II unternommenen Herausgabe der Sinaitischen Bibelhandschrift, von professor Dr. Constantin Tischendorf. Leipzig, 1860.

¹¹² - См. записку на латинском языке между письмами о.Порфирия к ученым в его рукописном сборнике Ав.6 = №21 (у Сырку, Описание, с.173). Ред.

¹¹³ - Der Text endlich schliesst sich wohl, nicht selten, Lesarten des Textes der orthodoxen Kirche an; bei weitem öfter aber noch bietet er gar keine Vermittlung mit dem letzteren, ja er prägt häufig sogar eine Verschiedenheit von demselben noch ausdrücklich aus. Nachr.

¹¹⁴ - Ὁ Ἅγιος Τάφος, ὑπὸ Θ. Τιμαγένους. Ἐν Σμύρνῃ. 1860, in 8°, σελ. 44.

¹¹⁵ - Иоанн Дамаскин, гл. 19.

¹¹⁶ - Св. Афанасия о воплощении.

¹¹⁷ - Иоанн Дамаскин, гл. 18.

¹¹⁸ - Иоанн Дамаскин, гл. 15.

¹¹⁹ - Иоанн Дамаскин, гл. 19.

¹²⁰ - Св. Кирилл Александрийский.

¹²¹ - Иоанн Дамаскин, гл. 18.

¹²² - О водворении его в Каире уже поговаривали в Петербурге в 1858 году, имея в виду меня.

¹²³ - Путешествие по Египту и в монастыри святого Антония Великого и преподобного Павла Фивейского в 1850 году. СПб., 1856, с. 32 и след. Ред.

¹²⁴ - Gregor. Nazians. у Migne, Patr. gr., t. XXXVII, col. 1031–1032. Ред.

¹²⁵ - Русский перевод: «Я отдал свое маленькое сердце Иисусу, моему Спасителю; Он держит его так крепко, так крепко, что миру от него ничего не достанется». См. у еп. Порфирия, Александр. патр., с. 393, Ред.

¹²⁶ - Русский перевод: «Когда дружба уже не имеет другого языка, рука помогает сердцу и ее свидетельствует», там же, с. 394. Ред.

¹²⁷ - Из той же книги. Ред.

¹²⁸ - Русский перевод: «О времена! О нравы!». Ред.

¹²⁹ - Русский перевод: «Достопочтеннейшему Порфирию, русскому миссионеру в Каире. Попечитель (эконом) коптского архиепископа с прискорбием извещает Вас о смерти достопочтеннейшего коптского архиепископа, скончавшегося сегодня утром, прося Вас соблаговолить присутствовать на его похоронных проводах, которые совершатся сегодня, в час пополудни. Каир, 18–30 января 1861г. Попечитель коптского архиепископа». См. и у еп. Порфирия, там же, с. 396. Ред.

¹³⁰ - Пс. 140:4. Ред.

¹³¹ - Царь Лев Фракиянин, самодержавствовавший в годы с 457 по 474. См. мое «Первое путеш. по Афону», Ч. II, отдел. 1, с. 351–355.

¹³² - По-русски: «Пора уже отдохнуть от всех наших работ». Ред.

¹³³ - Euseb. Hist. eccl., VII, 11. За этим в рукописи епископа Порфирия следует: «Точное подобие этой плитки, надписей и рисунка на ней помещено в приложении к сей книге моей вместе с другими приложениями. А здесь я объясняю все, что начертано на ней». Но там ни подобия плитки, ни приложений не оказалось. Ред.

¹³⁴ - Euseb. Hist. eccl., VII, 13. Ред.

¹³⁵ - Напечатана в сборнике епископа Порфирия Успенского Александрийская патриархия, изд. Акад. Наук, I, СПб., 1898, с. 385–401. Ред.

¹³⁶ - См. у Сырку Описание, с. 253, и у епископа Порфирия Александрийская патриархия, с. 118 и след. Ред.

¹³⁷ - Русский перевод: «Так хочу». Ред.

¹³⁸ - Подлинники трех из перечисленных здесь икон, именно 10-й, 11-й и 13-й находятся в музее Церковно-археологического общества при Киевской Духовной Академии, которому подарены преосвященным Порфирием вместе с другими иконами и вещами. О них см. у Петрова, Коллекции древних восточных икон и образчиков древней книжной живописи, завещанные и проч. (из Трудов Киевской Духовной Академии за сент. и окт. 1886г.), Киев, 1886, с. 24–25. Снимки с некоторых икон (числом 23), сделанные, по рисункам Африканова, Левитским в Москве по заказу преосвящ. Порфирия, находятся в нескольких стах экземпляров вместе с бумагами епископа Порфирия в рукописном отделе 1-го отделения библиотеки Императорской Академии Наук, куда они поступили по завещанию владельца с тем, чтобы были изданы в свет в виде отдельных альбомов с объяснительным текстом к каждому снимку. Ред.

¹³⁹ - См. Отчет Императорской публичной библиотеки за 1883г, с. 90, №16. Ред.

¹⁴⁰ - Описание этого путешествия напечатано в 1880г. в Москве, в ч. II, отд.2, с. 240–255.

¹⁴¹ - Об этой статистике Афона см. у Сырку Описание, с. 203–205, где описания библиотеки лавры св. Афанасия Афонского нет; оно помещено в первой книге (IV. Б.20) сборников, содержащих в себе описания рукописей библиотек афонских монастырей. См. там же, с. 356. Ред.

¹⁴² - «Первое путешествие в афонские монастыри и скиты в 1845 году», ч. I., отд. 2, Киев, 1877, с. 197–201. Ред.

¹⁴³ - Там же, с. 198. Ред.

¹⁴⁴ - О ней см. у Петрова Коллекции, с. 25, №34. Ред.

¹⁴⁵ - В рукописи здесь пустое место. Видно, преосвященный Порфирий имел в виду его восполнить, но не восполнил. Ред.

¹⁴⁶ - Euripidis Fabulae. Edid. R.Prinz. Hecuba. Lips. 1883, с. 8, ст. 78–79. Русский перевод: «Будет что-то новое, придет какая-нибудь заунывная песнь унылым». Ред.

¹⁴⁷ - Русский перевод: «Счастливого пути». Ред.

¹⁴⁸ - Русский перевод: «Голос правды». Ред.

¹⁴⁹ - Ср. Пс. 84:9. Ред.

¹⁵⁰ - Ср. Пс. 39:2. Ред.